Сов. обр. 2006.
Скан РНБ
«Книжные
памятники»
06.2023

P. 3. d.

1/3666
№ 4-6

Ма246
1/366 б 1812
ч.2 №4-6 сук

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ,

Издаваемый

Обществомъ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи 1812.

Шесть экземпляровъ доставлены въ С. П. бургскій Цензурный Комитетъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

АПРѢЛЬ 1812. No 4.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики.

(Изъ историческихъ уроковъ Кондильяка Принцу Пармскому).

Ваше Высочество видѣли, что содержится въ исторіи особенно примѣчательнаго. По исторіи языческой, въ началѣ временъ, на всемъ почти земномъ шарѣ нашли вы людей, погруженныхъ въ самое ужасное варварство и водимыхъ скотскими сіпрастями, коихъ были они жертвою. Сіи дикари, кажется, подобно скотамъ, не имѣли ничего, кромѣ грубаго инстинкта. Крайность бѣдствій принудила ихъ размышлять; щастливые случаи и Геній извлекли ихъ

изъ лѣсовъ, научили строить шалаши, пасти стада, обрабатывать землю и вспомоществовать другъ другу въ нуждахъ. Одно только общежитіе могло внушить имъ взаимныя обязанности, показать общее благо, которое должны были они любить, и, установивъ между ними порядокъ, ускорить образованіе разсудка ихъ.

Азія была первая страна, гдѣ законы, положивъ основанія общежитію, поселили правосудіе и съ нимъ безопасность и тишину. Здѣсь, вы видите, возстаютъ сильныя государства, Ассирійское, Вавилонское и Египетское, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ частяхъ свѣта владычествуетъ еще варварство. Потомъ образуется Европа, и Африканскіе берега, омываемые Средиземнымъ моремъ, наконецъ населяются. Вездѣ видны города, законы, правительства, цари и художества. Но пороки, отъ коихъ въ дикомъ состояніи страдалъ каждый человѣкъ особенно, заставляютъ также страдать цѣлыя государства. Несправедливость, насиліе, корыстолюбіе, честолюбіе, соперничество, зависть дѣлаютъ дѣлые народы непріятелями одного другому, и

здѣсь то начинается вѣчная цѣпь тѣхъ войнъ и революцій, которыя, со времени паденія царства Вавилонскаго до нашихъ временъ, тысячу разъ измѣняли видъ земнаго шара.

Нинъ, побѣдитель Вавилона; Семирамида, возвысившая Ассирійское Царство на высочайшую степень могущества; Деіокъ, котораго добродѣтели покорили ему сограждань его Мидянъ; Киръ, коего мужество повергло всю Азію владычеству Персовъ, народа, который до того времени былъ неизвѣстенъ и безсиленъ; всѣ сіи и многіе другіе Герои привлекли на себя ваше вниманіе. Однакожъ, въ исторіи древняго Египта, не Пирамиды, не Лабиринтъ, не Мериское озеро, не плодоносное разлитіе Нила, не пышность преемниковъ Сезостриса, заняли болѣе всего любопытство ваше. Вы хотѣли знать законы, постановленія, нравы и обычаи сей щастливой страны, въ коей Философія получила свое начало. Сюда то стекались знаменитые древніе мужи почерпать ту мудрость, которую изливали они въ невѣжествующихъ народахъ, и сія Философія состояла не въ пустыхъ умствованіяхъ, какъ нынѣшняя, но въ

искуствѣ быть щастливымъ.

Никакая страна не произвела болѣе добродѣтелей и дарованій, какъ Грецiя. Видя строгія учрежденія Ликурга и мудрость Спартанцевъ, не жалѣлиль Ваше Высочество, что въ другихъ странахъ законы, слишкомъ слабые и поблажающіе порокамъ, унизили человѣчество? Смотря на великія дѣла Афинянъ, не хотѣлиль бы вы родиться въ отечествѣ Мильтіадовъ, Аристидовъ, Θемистокловъ, Кимоновъ? Щастливое предзнаменованіе для тѣхъ, которые должны нѣкогда повиноваться вамъ, естьли вы, читая исторію Греціи, радовались щастію ея и съ удовольствіемъ видѣли, какъ мщеніе, надменность и всѣ силы Ксерксовы обратились въ ничто предъ мужествомъ, военнымъ порядкомъ и свободою Спартанцевъ и Аѳинянъ. Вы будете великимъ Государемъ, естьли, удивляясь генію Филиппа, неизтощимаго въ средствахъ, и отважному мужеству Александра, вы столькоже порицаете честолюбіе ихъ и жалѣете, для чего не употребили они лучшимъ образомъ великихъ своихъ способностей.

Римляне, коихъ могущество, возрастая посшепенно, покаряетъ наконецъ

весь свѣтъ, представили вамъ зрѣлище пріятное и поучительное. Изъ толпы разбойниковъ или бродящихъ невольниковъ, которымъ Ромулъ далъ убѣжище, раждаются повелители свѣта. Они мало по малу получаютъ нравы и приучаясь къ повиновенію божескимъ законамъ Нумы, избѣгаютъ угрожавшаго имъ разрушенія. Ненависть, поселяемая въ нихъ самовластіемъ Тарквинія, даетъ имъ силу свергнуть иго тиранна и приготовляетъ къ тѣмъ добродѣтелямъ, кои сопровождаютъ свободу. Со введеніемъ Консульства, у нихъ каждый гражданинъ дѣлается героемъ. Хотя гордость и корыстолюбіе Паприкіевъ угрожаютъ еще республикѣ рабствомъ; однакожъ имъ не даютъ времени утвердить свою власть; Трибуны открываютъ народу достоинство его и мало по малу принуждаютъ непріятелей его покориться законамъ равенства. Геній Рима пробуждается и возрастаетъ посреди домашнихъ раздоровъ. Не имѣя законодателя, который бы научалъ управлять страстями и не страшиться своенравія непостояннаго щастія, республика, однимъ образомъ мыслей, приобрѣтаетъ

то благоразумное терпѣніе, которое становится властителемъ произшествій, и ту великость духа, которая торжествуетъ надъ всѣми препятствіями.

Ваше Высочество конечно съ удовольствіемъ слѣдовали за Римлянами въ побѣдахъ ихъ. Пирръ безпокоилъ васъ, Аннибалъ приводилъ въ трепетъ. Старайтесь, Ваше Высочество, сохранить сіи первыя чувствованія, произведенныя въ васъ чтеніемъ древней исторіи. Это первая польза, какую можно получить отъ оной въ вашихъ лѣтахъ. Удивленіе великимъ образцамъ, представляемымъ древностію, разкроетъ душу вашу для любви къ истинной славѣ и будетъ охранять васъ отъ пороковъ, общихъ всѣмъ людямъ, и отъ предразсудковъ, особенно свойственныхъ государямъ.

Естьли почитать исторіею только собраніе множества произшествій, затверживаемыхъ обыкновенно по порядку времени; то учиться ей, значитъ хотѣть только удовлетворить или пустому, дѣтскому любопытству, или суетному тщеславію педантства. Что пользы, что знаемъ мы заблужденія от-

цовъ своихъ, естьли сами не дѣлаемся отъ того благоразумнѣе ихъ? Старайшесь, Ваше Высочество, образовать сердце и умъ. Исторія должна быть для васъ во всю жизнь училищемъ вашихъ обязанностей. Представляя живое описаніе уваженія, соединеннаго съ добродѣтелію, и презрѣнія, сопровождающаго порокъ, она должна нѣкогда замѣнить вамъ тѣхъ, которые нынѣ образуютъ природныя ваши дарованія.

Теперь смѣло представляютъ вамъ истинну; смѣло обуздываютъ ваши страсти и понуждаютъ васъ стремиться къ добру: но придетъ время — и оно недалеко — что, оставлены будучи самимъ себѣ, вы не найдете около себя никакого средства противъ страстей, которыя будутъ тѣмъ сильнѣе и безразсуднѣе, чѣмъ болѣе вы возвышены надъ окружающими васъ. Вы не знаете нещастія и, могу сказать, почти бѣдствія вашего состоянія. Истинна, которая всегда робка, всегда угрюма, всегда чужда въ чертогахъ Царскихъ, безъ сомнѣнія будетъ бояться предстать предъ вами. Бойтесь Ваше Высочество сего времени вашей независимости!... Естьли вы,

при словахъ, что *сіе время недалеко*, почувствовали радость и нетерпѣніе; то я должень сказать, что вамъ нужно увеличить осторожность противъ себя самихъ. Печальное и нещастное слѣдствіе величія! Вы будете окружены наемными ласкателями; они безпрестанно будутъ искать вашихъ слабостей; хитрость ихъ будетъ разставлять передъ вами сѣти, которыя будутъ тѣмъ пагубнѣе, что будутъ вамъ нравиться. Что бы господски повелѣвать вами, они будутъ упреждать ваши желанія; постараются сдѣлать васъ рабомъ страстей ихъ, притворяясь, что повинуются вашимъ. Вѣря имъ, вы будете думать, что вѣрите чему нибудь болѣе, нежели человѣку, и сдѣлавшись предметомъ обмана вашихъ придворныхъ, унизитесь ниже ихъ самихъ.

Противъ пріятнаго гласа лести укрѣпляйте себя мыслями, которыя можетъ поселить въ васъ исторія. Она научитъ васъ, естьли не будетъ писана перомъ подлости, что добродѣтель не должна быть легче для Государей, нежели для частныхъ людей. Она откроетъ вамъ напротивъ, что чѣмъ обширнѣе

ваши обязанности, тѣмъ болѣе должны вы сражаться и дѣлать усилій для исполненія ихъ. Она скажетъ, что родившись, какъ и всѣ люди, съ страстями, вы должны бояться, чтобы онѣ не вовлекли васъ гораздо въ большіе пороки; она покажетъ, что всякой порокъ Государя есть злополучіе Государства.

Государь никогда не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, которыя изтощаютъ ему придворные; это такая истина, такая аксіома, которая не имѣетъ никакого изключенія и которую съ благоговеніемъ должны вы повторять каждый день вашей жизни. Естьли гордость будетъ побуждать васъ вѣрить льстецамъ, вспомните, что самые низкіе, самые даже злые Государи, Калигулы и Нероны были боготворимы окружавшими ихъ. Естьли будетъ ослѣплять васъ могущество, естьли будетъ обольщать щастіе; вспомните, съ какимъ презрѣніемъ смотритъ исторія на тѣхъ Государей, которые не имѣютъ ничего великаго, кромѣ титловъ; она помрачаетъ память ихъ. Она едва сохраняетъ только имена тѣхъ праздныхъ и лѣнивыхъ Царей, которые не сдѣлали ничего для щастія поддан-

ныхъ; а между тѣмъ мстишъ за участь простыхъ гражданъ, которыхъ состояніе ихъ осудило, кажется, на неизвѣстность.

Читайте, Ваше Высочество, читайте чаще Плутарховы *Житія великихъ людей*. Естьли сіе чтеніе будетъ занимать и привлекать васъ; то вы можете имѣть о себѣ хорошее мнѣніе, можете ожидать успѣховъ. Сіи Плутарховы герои были большею частію простые граждане; но и самые сильные Государи тогда только велики предъ судомъ истины и разума, когда имѣли они для себя образцами сихъ гражданъ. Изберите себѣ и вы кого нибудь изъ нихъ для подражанія. Но, я упреждаю Ваше Высочество, не избирайте Государя. Въ Плутарховыхъ описаніяхъ вы не найдете, чтобы какой нибудь Государь отличился столько любовію къ истинѣ и общему благу, какъ простой гражданинъ какой нибудь республики.

Жизнь Царей, самыхъ великихъ, всегда очерняется, не знаю, какою то ложною славою. Государи очень часто забываютъ, что они должны быть только орудіемъ народнаго блага; они хотятъ, чтобы подданные были для нихъ орудіемъ

славы. Изберите образцомъ простаго Греческаго или Римскаго гражданина; поставше его судьею надъ вами и спрашивайте у себя чаще, поступалиль такъ Аристидъ, Фабрицій, Фокіонъ, Катонъ, Епаминондъ? Вы почувствуете тогда, что духъ вашъ будетъ возвышаться; вы захотите подражать мужамъ симъ. Вопрошайте себя при каждомъ поступкѣ, на который рѣшаетесь, какъ посудили бы о немъ сіи великіе люди — и тогда, вы можете надѣяться, тогда не обольститъ васъ какая нибудь низкая спрасть, не ослѣпитъ блескъ ложной славы.

Но того не довольно, естьли Ваше Высочество будете почитать исторію училищемъ одной нравственности. По состоянію, въ которомъ вы рождены, вамъ мало быть добродѣтельнымъ только для себя самаго; вы должны быть полезны для насъ, должны имѣть тѣ познанія, которыя нужны Государю. Естьли частный человѣкъ, по долгу гражданина, обязанъ знать, что составляетъ общественное благо или зло; то сколько же долженъ знать сіе тотъ, кому народъ единственно для своего благополучія далъ власть надъ собою?

Есть наука дѣлать Государства щастливыми и цвѣтущими; она называется *Политикою*. Невѣрьте тѣмъ, которые будутъ твердить вамъ, что для управленія Государствомъ довольно имѣть только доброе сердце и здравый разсудокъ. Они для того только будутъ желать видѣть васъ незнающимъ, чтобы самимъ быть для васъ необходимыми и пользоваться вашимъ незнаніемъ. Государь, не знающій пружинъ, движущихъ общество, и не умѣющій усилить или ослабить дѣйствіе ихъ, будетъ не что иное, какъ смѣшное орудіе Министровъ; незнаніе его ободритъ ихъ ко злу и они будутъ стараться только о томъ, какъ бы угождать ему, чтобы самимъ владычествовать надъ подданными. Естьли Государь нерадитъ о своемъ просвѣщеніи; естьли онъ не старается совершенно знать первыя причины благоденствія и паденія Государствъ; то будетъ нещастно заблуждать при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ. Поправляя одно зло, онъ будетъ дѣлать другое. Добро, сдѣланное наудачу и безъ правила, никогда не можетъ быть прочно; оно всегда сопряжено съ какимъ нибудь неудобствомъ.

Вы видѣли въ исторіи многихъ Государей, оппмѣнно выхваляемыхъ за добродушіе; Людовики XII почтены были именемъ *Отцовъ народа.* Сіи Государи искренно желали щастія своимъ подданнымъ; но, не имѣя нужныхъ познаній, они не могли сдѣлать ничего полезнаго для Государства. По долгомъ царствованіи, будучи научены одними только собственными опытами, они весьма несовершенно узнали самый тѣсный кругъ вещей.

Отъ того то, что по безпечности, по лѣности, или по увѣренности въ себѣ, не хотятъ пользоваться опытами прошедшихъ вѣковъ, каждый вѣкъ и возобновляетъ намъ зрѣлище однихъ и тѣхъ же заблужденій и бѣдствій. Слабое невѣденіе ударяется объ тѣ скалы, около которыхъ видны еще плавающіе обломки разбитыхъ кораблей. Оно принуждено бываетъ изобрѣтать и едва только успѣваетъ начертать то, чего совершенный образецъ можно было бы найти въ исторіи протекшихъ временъ, или у другаго народа. Отсюда то произходятъ тѣ вѣчныя революціи, на которыя, кажется, осуждены уже государства. Мы смѣшнымъ образомъ дѣлаемъ нещастные

опыты въ то время, какъ надлежалобы пользоваться опытами отцовъ нашихъ. Такимъ образомъ жестокій рокъ похищаетъ иногда надъ Государствами ту власть, которую надлежалобы имѣть мудрости, и сквозь тысячи нещастій влечетъ ихъ въ погибель.

Сципіонъ и Лукуллъ, прежде нежели приняли начальство надъ войсками, научились изъ исторіи Ксенофонта быть великими полководцами. Они не предавались пустому любопытству, читая о великихъ военныхъ дѣйствіяхъ; они старались открывать истинныя причины щастливыхъ послѣдствій какаго нибудь сраженія или цѣлаго похода; учились искусству полководца въ предуготовленіи побѣды, или перенимали способы его въ вознагражденіи потери. Оружіе и воинской порядокъ каждаго народа, разные способы сраженій, движенія войскъ по различію положенія ихъ или мѣстныхъ обстоятельствъ, были предметомъ размышленій ихъ. Сципіонъ и Лукуллъ, не выходя изъ Рима, сражались уже, такъ сказать, съ разными народами и подъ предводительствомъ искуснѣйшихъ Греческихъ полководцевъ. Та-

кимъ образомъ, исполненные генія сихъ великихъ мужей, они сдѣлались соперниками ихъ, когда начали предводительствовать Римскими полками.

Къ какой бы должности кто ни былъ призванъ, относится ли она только до одной вѣтви Государственнаго Правленія, или объемлетъ всѣ части онаго, нѣтъ сомнѣнія, что изъ исторіи онъ можетъ почерпать такія же пособія, какія нашли въ ней для себя Сципіонъ и Лукуллъ. Я могу представить на сіе Вашему Высочеству тысячи примѣровъ и надѣюсь, что вы сами будете нѣкогда образцомъ для Государей, приуготовляемыхъ къ великимъ дѣламъ.

Нѣкоторые народы въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ постоянно наслаждались благополучіемъ; другіе очень краткое время были щастливы, или существовали только для нещастій. Нѣкоторыя Государства, при всѣхъ усиліяхъ, ни какъ не могли выйтти изъ состоянія посредственности; а другія безъ труда достигли могущества. Сколько такихъ народовъ, которые въ древнія времена были славны и которыхъ существованіе, по видимому, должно было равняться

существованію міра, но которые нынѣ извѣстны только изъ исторіи! Персы, Египтяне, Греки, Македоняне, Карѳагенцы, Римляне, не существуютъ болѣе. Щастіе и нещастія ихъ, революціи, паденіе должны ли почитаться игрою слѣпаго случая? Не ужели мы извлечемъ изъ исторіи ихъ одно только печальное и несправедливое заключеніе, что какъ все разрушается отъ времени и умираетъ, то и Государства имѣютъ роковой предѣлъ, при наступленіи котораго никакая мудрость, никакая сила не можетъ спасти ихъ отъ разрушенія?

Нѣтъ—каждый народъ имѣлъ ту участь, какую долженъ былъ имѣть; и хотя всякое Государство умираетъ, однакожъ всякое можетъ и должно стрѣмиться къ безсмертію. Приучите себя, какъ учитъ Фокіонъ Ариста, почитать щастіе наградою, соединенною Творцемъ съ добродѣтелію; признавайте въ нещастіи наказаніе пороковъ. Никакое цвѣтущее Государство не падало иначе, какъ по удаленіи отъ тѣхъ учрежденій, которыя содѣлывали его цвѣтущимъ; никакое государство не дѣлалось щастли-

вымъ иначе, какъ по вознагражденіи своихъ недостатковъ и по исправленіи злоупотребленій. Щастіе не значитъ ничего, мудрость дѣлаетъ все; и сіи великія произшествія, повѣствуемыя въ древней и новой исторіи и столько устрашающія насъ, будутъ для насъ спасительными уроками, ежели только мы будемъ умѣть пользоваться ими. Старайтесь Ваше Высочество, въ продолженіи Вашего ученія, прилѣжно изыскивать причины малаго щастія и безконечныхъ нещастій, бывшихъ удѣломъ рода человѣческаго; и Вы безъ сомнѣнія узнаете тотъ путь, которымъ должны итти, чтобы сдѣлаться отцомъ вашихъ подданныхъ и благодѣтелемъ будущихъ поколѣній. Познаніе прошедшаго откроетъ вамъ завѣсу, покрывающую будущее. Вы узнаете, какой участи должна ожидать всякая нація отъ нравовъ своихъ, отъ законовъ и правленія.

Перев. И. Ф.

О личномъ достоинствѣ.

(Переводъ 2 й главы изъ Caractères de la Bruyère.)

Admonere voluimus, non mordere: prodesse, non laedere: consulere morbis hominum, non officere.

Erasm.

Кто съ самымъ рѣдкимъ дарованіемъ, съ самыми великими достоинствами не признаетъ своего ничтожества, когда при смерти посмотритъ на міръ, который лишаясь его, не чувствуетъ потери и въ которомъ столь много есть людей, готовыхъ заступить его мѣсто?

У многихъ людей одно только имя чего нибудь стоитъ. Посмотрите на нихъ въ близи — они менѣе, нежели ничто; а въ дали — величественны.

Какъ я ни увѣренъ, что люди, избираемые для различныхъ должностей, исполняютъ ихъ всякой по своимъ дарованіямъ и знанію хорошо; но осмѣливаюсь сказать, что можетъ быть находятся многіе извѣстные и неизвѣстные, которыхъ не употребляютъ ни къ какимъ должностямъ и которые испол-

нили бы оныя весьма хорошо. Такъ думать заставляютъ меня чудесныя дѣла нѣкоторыхъ единственно случаемъ поставленныхъ людей, отъ коихъ сначала не ожидали ничего великаго.

Сколько людей съ изящными дарованіями, достойныхъ удивленія умерло, не заставивъ говорить о себѣ! Сколько еще живыхъ, о которыхъ не говорятъ ни слова и никогда говорить не будутъ!

Какой неизмѣримый трудъ, безъ приверженцевъ, безъ соумышленниковъ, не принадлежа ни къ какой партіи, одному, токмо съ своими достоинствами выйти изъ неизвѣстности и стать на ряду съ глупцомъ знаменитымъ!

Почти никто, по собственному побужденію, не думаетъ о достоинствѣ другаго.

Люди столько заняты собою, что не имѣютъ времени заниматься разсматриваніемъ другихъ: по сему съ великими достоинствами и еще съ большею скромностію можно надолго остаться въ неизвѣстности.

Генію и великимъ дарованіямъ часто не достаетъ только случая отличиться: однихъ надобно хвалить за то, что

сдѣлано ими; а другихъ за то, что бы могли они сдѣлать.

Чаще находишь умъ, нежели людей, которые пользуются своимъ умомъ, или уважаютъ умъ другихъ и употребляютъ его на что нибудь.

Несравненно болѣе инструментовъ, нежели художниковъ, и между сими послѣдними болѣе дурныхъ, нежели превосходныхъ: что подумаешь о томъ, кто хочетъ пилить настругомъ и скоблить пилою?

Въ свѣтѣ труднѣе всего составить славное имя: едва дѣло начато, какъ жизнь оканчивается.

Эгезиппъ хочетъ опредѣлиться къ должности: куда дѣвать его? Сдѣлать ли Казначеемъ, или Воиномъ? Все равно, и одна польза должна рѣшить выборъ; ибо Эгезиппъ можетъ перебирать деньги и писать счеты, носить на боку саблю и перо на шляпѣ. Его друзья сказываютъ, что онъ способенъ ко всему: это значитъ, что онъ не искусенъ особенно ни въ чемъ, или—другими словами—что онъ никуда не годится. Такъ большая часть людей, незанимавшихся ни чѣмъ въ молодости, развращенныхъ лѣностію и

распутствами, состарѣваясь, думаютъ весьма несправедливо: „намъ нужно быть „только полезными или нищими, что„бы заставить отечество опредѣлить „насъ къ мѣсту или помочь намъ.“ — Государи мои! вы забываете важное правило: люди должны проводить молодость свою въ ученіи и трудахъ, дабы сдѣлаться нужными отечеству, необходимою частію общественнаго зданія, и дабы собственная онаго польза заставила его составить или улучшить ихъ щастіе.

Намъ нужно трудиться, чтобы сдѣлать себя достойными какой либо должности: все прочее до насъ не касается и есть обязанность другихъ.

Сдѣлай себя значущимъ въ такихъ вещахъ, которыя не зависятъ отъ другихъ, но отъ тебя одного; или откажись отъ знаменитости. Вотъ неоцѣненное, необходимо нужное для жизни правило, полезное слабымъ, добродѣтельнымъ, умнымъ: ибо съ нимъ можно быть творцемъ своего щастія и покоя; правило гибельное вельможамъ: ибо оно уменьшило бы число рабовъ ихъ, унизило бы ихъ спѣсь, ослабило силу и оставило бы ихъ съ одними роскошными столами и

блестящими экипажами; оно лишило бы ихъ удовольствія слышать прозьбы и отказывать въ нихъ; обѣщать и не давать; возводить дураковъ на высокія степени и подавлять достоинства, когда случится имъ замѣчать ихъ; оно изгнало бы изъ дворцовъ заговоры, партіи, наушничество, подлость, лесть, коварство; оно изъ бурнаго, безпокойнаго, пронырливаго двора сдѣлало бы комедію или трагедію, гдѣ мудрые были бы токмо зрителями; оно возвратило бы уваженіе различнымъ званіямъ и спокойствіе на чело людей; оно распространяло бы свободу ихъ, возбуждало бы въ нихъ съ дарами природы любовь къ трудолюбію и дѣятельности; поселяло бы честолюбіе, стремленіе къ славѣ, любовь къ добродѣтели; подлыхъ, безполезныхъ, часто тягостныхъ отечеству придворныхъ превратило бы въ мудрыхъ домостроителей, попечительныхъ отцовъ, безкорыстныхъ судей, великихъ полководцевъ, ораторовъ, философовъ; оно причинило бы одну токмо бѣду: они оставили бы своимъ наслѣдникамъ менѣе богатства и болѣе хорошихъ примѣровъ.

Надобно имѣть большую твердость и обширный умъ, чтобы жить безъ должности, рѣдко выходить изъ дому и ничего не дѣлать. Почти никто не можетъ играть такой роли, не заставя презирать себя; почти никто не умѣетъ проводить времени безъ такъ называемыхъ простымъ народомъ дѣлъ. Должно бы назвать лучшимъ именемъ праздность мудраго; должно бы чтеніе, наставительную бесѣду, размышленіе назвать трудомъ.

Никогда не увидишь тщеславія въ достойномъ человѣкѣ, занимающемъ видное мѣсто; онъ несколько гордится своимъ знаніемъ, сколько уничижается, видя вышшія степени, которыхъ не занимаетъ, и которыя могъ бы занимать съ отличіемъ; будучи болѣе честолюбивъ, нежели гордъ и презорчивъ, онъ думаетъ токмо о себѣ самомъ.

Достойный человѣкъ не любитъ кланяться знатнымъ, но совсѣмъ по другой причинѣ, нежели можно полагать. Чрезвычайная скромность не позволяетъ ему думать, что онъ сдѣлаетъ удовольствіе вельможамъ, естьли будетъ встрѣчаться съ ними, показывать имъ лице свое и

передъ ними изгибаться. Онъ скорѣе повѣритъ, что симъ обезпокоитъ ихъ и ему надобно представить себѣ всѣ причины, по которымъ обычай и должность принуждаютъ его выказывать себя, чтобъ рѣшиться на сіе. Напротивъ, тотъ, кто имѣетъ весьма хорошее о себѣ мнѣніе и кого простой народъ называетъ честолюбивымъ, любитъ себя показывать: онъ кланяется вельможамъ тѣмъ съ большею довѣренностію, чѣмъ меньше можетъ себѣ вообразить, что бы вельможи думали объ немъ не такъ, какъ онъ думаетъ самъ о себѣ.

Честный человѣкъ собственными руками платитъ себѣ за свое прилѣжаніе къ должности; исполняя оную, находитъ онъ удовольствіе и не думаетъ о похвалахъ, почтеніи и признательности, которыхъ иногда не получаетъ.

Естьли бы смѣлъ я сравнить два совершенно неравныя состоянія, то бы сказалъ, что храбрый человѣкъ съ такими же мыслями исполняетъ свою должность, съ какими плотникъ кроетъ домъ: ни тотъ, ни другой не хотятъ подвергать жизнь свою опасности; но опасность не отвращаетъ ихъ, и смерть

для нихъ есть неудобство званія, а не препятствіе. Первый, всходя на траншею, сбивая репраншаментъ, овладѣвая крѣпостью, столь же мало тщеславится, какъ и второй, взлезая на высокія кровли, на шпицы колоколенъ. Они хотятъ токмо хорошо исполнять свою должность, а тщеславный трудится для того, что говорятъ объ немъ: онъ прилѣженъ.

Скромность для достоинства есть то же, что тѣни для фигуръ на картинѣ: она даетъ ему и силу и свѣтъ.

Простая наружность есть одежда простолюдимовъ; она скроена для нихъ и по нимъ: но простая наружность есть украшеніе для мужей великихъ; они подобны красотѣ небрежной, но тѣмъ болѣе привлекательной.

Нѣкоторые люди довольные собою, своими дѣлами или сочиненіями, кои имѣли успѣхъ, услышавъ, что скромность весьма прилична великимъ людямъ, хотятъ подражать имъ, осмѣливаются быть скромными. Они подобны людямъ средняго роста, которые нагибаются у дверей, что бы не удариться въ притолоку.

Твой сынъ заика; не заставляй его быть ораторомъ. Дочь твоя родилась для свѣта; не заключай ее съ Весталками. Ксантъ, твой отпущенникъ, слабъ и робокъ; не медли, возьми его изъ полку. „Я хочу возвысить его,“ говоришь ты; осыпь его богатствомъ, обремѣни почестями, пиплами и деревнями, пользуйся временемъ: мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, когда все сіе принесетъ ему чести болѣе, нежели добродѣтель. „Онъ бы дорого мнѣ стоилъ,“ возражаешь ты; — неужели Крассъ, ты не шутишь? Не капля ли это воды, почерпнутая изъ Тибра для обогащенія любимца твоего, Ксанта, и для предупрежденія постыдныхъ слѣдствій обязанности, которой исполнить онъ не способенъ?

Должно смотрѣть на добродѣтель друзей, а не на щастіе или нещастіе ихъ; естьли чувствуешь въ себѣ силу не оставлять ихъ въ злополучіи, смѣло и съ довѣренностію обращайся съ ними, когда стоятъ они на вершинѣ благополучія.

Естьли мы всегда удивляемся предметамъ необыкновеннымъ, то для чего же столь мало добродѣтели?

Естьли родишься отъ знатныхъ людей есть щастіе; то не меньше щастіе сдѣлаться таковымъ, чтобы не спрашивали, знатнаго ли ты происхожденія.

(Продолженіе будетъ).

Синонимы (*).

1.

Слѣдовать, подражать.

Слѣдуютъ тому, кого берутъ путеводителемъ, или что берутъ за правило; *подражаютъ* тому, кого берутъ за образецъ, или въ примѣръ.

Слѣдуютъ кому нибудь, что бы дѣйствовать съ большею надеждою на успѣхъ и вѣрнѣе достигнуть предположенной цѣли; *подражаютъ*, что бы сравнишься съ нимъ, или отличишься, также какъ и онъ.

Мы *слѣдуемъ* въ чемъ либо другому отъ увѣренности, что онъ хорошо дѣлаетъ; *подражаемъ* отъ совмѣстничества, желая сравняться съ нимъ, или и превзойти его.

Ученики *слѣдуютъ* своимъ учителямъ; дѣти *подражаютъ* взрослымъ. У насъ говорятъ: дочь во всемъ *слѣдуетъ* своей матери, когда она ведетъ себя подобно ей. Нѣкто сказалъ объ одной женщинѣ: „всѣ стараются *подражать* ей, но какъ всѣ далеки отъ нее!“

(*) Разборъ сихъ синонимъ взятъ съ Французскаго; ибо слова сіи почти одинаковы въ значеніяхъ своихъ съ соотвѣтствующими имъ Французскими.

По сему надлежитъ говорить: онъ *слѣдуетъ* Н....., онъ *подражаетъ* Д.....; потому что Н.... писалъ правила, Д..... далъ намъ образцы.

Ментторъ совѣтовалъ Телемаку *слѣдовать* Улиссу, котораго дѣянія исполнены мудрости; Александръ *подражалъ* Ахиллу, Герою, котораго взялъ себѣ въ образецъ.

Слѣдуютъ близко, или далеко; *подражаютъ* худо, или хорошо.

Мы *слѣдуемъ* хорошимъ примѣрамъ, которые одобряемъ; *подражаемъ* великимъ мужамъ, которые удивляютъ насъ.

Надобно стараться *подражать* хорошему, чтобъ заставишь другихъ по крайней мѣрѣ *слѣдовать* себѣ.

Нѣкто сказалъ: „необходимо нужно всегда представлять себѣ великіе примѣры, полезно *слѣдовать* имъ, славно *подражать*, но еще славнѣе превосходить ихъ.“

Суворовъ никому не *слѣдовалъ* въ военныхъ дѣйствіяхъ своихъ, и при всемъ томъ вездѣ побѣждалъ. Слава его заставила многихъ *подражать* ему, даже въ самыхъ малостяхъ.

Александръ, Отецъ Россіи, *слѣдуетъ*

мудрымъ правиламъ, начертаннымъ славными мужами всѣхъ вѣковъ и народовъ, ко благу рода человѣческаго; *подражаетъ* великимъ примѣрамъ безсмертныхъ именемъ и дѣлами Петра перваго и Екатерины второй, и милліоны подданныхъ благоденствуютъ подъ его скипетромъ. — Присовокупимъ еще одно замѣчаніе:

Слѣдовать предполагаетъ нѣкоторый порядокъ, продолженіе дѣяній; но *подражать* можно также и въ чемъ нибудь одномъ.

2.

Со всѣхъ сторонъ, отвсюду.

Со всѣхъ сторонъ относится болѣе къ той вещи, о которой говорится; *отвсюду* относится болѣе къ вещамъ постороннимъ, окружающимъ ту, о которой говорится.

Предметъ видѣнъ *со всѣхъ сторонъ*, когда зрѣнію нашему представляются поперемѣнно всѣ части его поверхности; онъ видѣнъ *отвсюду*, когда всѣ окружающіе могутъ его видѣть, хотя каждый видитъ только одну часть его.

Со всѣхъ сторонъ предполагаетъ уже мѣсто, куда что стремится; *отвсюду*

не предполагаетъ ничего. На пр. Греки *со всѣхъ сторонъ* стекались на Олимпійскія игры. — Сдѣлалось землетрясеніе; земля колебалась подъ нашими ногами; народъ бѣжалъ *отвсюду*, не зная самъ, куда бѣжать.

С.

Опасность отъ грозы.

„Хлоя! слышишь, какъ ужасно
Буря въ воздухѣ реветъ?
Скроемся въ шалашъ!„—Напрасно
Хлою пастушокъ зоветъ;
Сердце слабое боится,
Коль опасность такъ близка;
Хлоя тутъ въ двойнѣ страшится—
И грозы, и пастушка.

*

Между тѣмъ громъ ударяетъ,
Блещетъ молнія ярчѣй;
Хлоя въ ужасѣ не знаетъ,
Что начать, что дѣлать ей.
То пойдетъ, то возвратится;
Все ея смущаетъ духъ.
Въ полѣ быть одна боится,
Страшно въ шалашѣ сам-другъ.

*

Вдругъ ударилъ громъ надъ нею,
Туча рѣки пролила;
Хлоя съ трепетной душею
Наконецъ въ шалашъ вошла.
Скоро буря удалилась,
Вѣтры перестали дуть;
[illegible]ла любви вонзилась
[illegible]о пастушки грудь.

Богъ любви въ сіе мгновенье
Въ облакахъ себя скрывалъ
И любовниковъ смятенье
И опасность умножалъ.—
Выходя изъ кущи, Хлоя
Видитъ ясну твердь небесъ;
Все утихло, все въ покоѣ;
Но ея покой исчезъ.

II.

Оправданіе сонливаго.

Чудесноль, что едва заря
Блеснетъ, и Фебъ готовъ къ походу?—
Вѣдь Фебъ ложится спать въ моря
И бѣдный пьетъ одну тамъ воду.
Но естьлибъ онъ, подобно мнѣ,
Подъ вечеръ утопалъ въ винѣ,
То—отвѣчаю головою—
Не просыпался бы съ зарёю.

П.

БАСНИ.

1.

Козелъ и Лисица.

Козелъ большой, рогатой,
Преважной съ виду, бородатой,
Но по уму едва ль не братъ ослу родной,
Съ плутовкою Лисой дорогой шелъ одной.
День самой жаркой былъ, листокъ не колы-
хался;
Ихъ жажда мучила, а солнце ихъ пекло.
Шли, шли они, и вдругъ колодезь имъ попался.
„Здѣсь, куманекъ, вода прозрачна, какъ сте-
кло,
Не хочешь ли испить?„—Лиса Козла спросила.
Безмозглой бородачь въ колодезь мигомъ скокъ.
Колодезь этотъ былъ, по щастью, не глубокъ.
Лисица, видя то, туда же соскочила
И въ запуски ну двое пить. —
Лиса, напившися, сказала:„какъ намъ быть,
Голубчикъ куманекъ? Идти еще далеко,
А вылѣзть вонъ нельзя, высоко!“—
Козелъ ей отвѣчалъ: не приложу ума,
Подумай лучше ты сама. —
„А вотъ я вздумала;—пожалуй потрудися
На задни ноги встань, передними уприся
Покрѣпче ты въ обрубъ, да чуръ не шевелися;
Отсюда вылѣзу я по твоимъ рогамъ,
А тамъ
И кума вытащить на верьхъ я постараюсь.„
И впрямъ такъ; удивляюсь!

Ужъ что за кумушка! какая голова!
Да мнѣ бы этого не выдумать дни въ два.
Изволь... и съ словомъ симъ Лисѣ подставилъ роги.
Лисица вылѣзла. — „Сиди же здѣсь, глупецъ!
Сказала—и давай Богъ ноги.

*

Предвидѣть надобно во всѣхъ дѣлахъ конецъ.

А. Измайловъ.

2.

Кащей и его сосѣдъ.

Отъ сребролюбія Кащей ни ѣлъ, ни пилъ
И много звонкой онъ монеты накопилъ;
Но въ ростъ отдать боялся,
Что бы не потерять на курсѣ серебра;
Держать и дома опасался;—
Ужъ скупость подлинно невѣжеству сестра.
Кащей такъ размышлялъ: „Богъ знаетъ, что случится?
Ну! естьли домъ мой загорится?
Ну! естьли въ ночь черезъ заборъ
Какой нибудь отважной воръ
Придетъ съ ножемъ искать въ моей каморкѣ кладу?
Да я и безъ воровъ самъ у себя украду.“—
Наставилъ наконецъ его на разумъ бѣсъ
Снести червонцы всѣ съ рублевиками въ лѣсъ
И тамъ предать ихъ погребенью.
Кащей, за слабостію силъ,
Похлопотать съ собой сосѣда попросилъ.
Сосѣдъ былъ очень радъ такому порученью.
Взявъ деньги, оба въ лѣсъ пришли они густой,
Подъ елью ихъ зарыли,
Огромную на нихъ колоду навалили.
Прекрасной памятникъ—и прочной, и простой!
Повѣся голову, Кащей пришолъ домой
И отъ тоски не зналъ, куда ему дѣваться:
Осшался онъ одинъ; что дѣлать, чѣмъ заняться?

Считать ужъ нечего и не на что взглянуть.
Отъ страха передъ симъ Кащей не могъ
заснуть;
Теперь не можетъ спать отъ
скуки.
Двѣ ночи такъ прошло; на третью заступъ
въ руки
И въ лѣсъ идетъ встрѣчать раз-
свѣтъ.
Колоду сворошилъ онъ кой-какъ чрезъ силу,
Разрылъ могилу,
Взглянулъ—анъ мертвецовъ и нѣтъ.
Какъ снопъ Кащей свалился;—
Но послѣ всталъ и ухитрился;
Передъ сосѣдомъ притворился
И такъ ему сказалъ: „не льзяли, братъ, по-
мочь
Еще мѣшечка два хоть въ будущую ночь
Туда же отнести; зайди-ка ты за мною.“—
Сосѣдъ, прельстясь казною,
Своими ужъ считалъ послѣдніе мѣшки;
Но обманулся онъ въ надеждѣ:
Кащей ихъ ворошилъ въ пустые сундуки.

*

Плутъ попадается нерѣдко въ дураки.

А. Измайловъ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ о рускомъ стихосложеніи.

(Вступленіе.)

Стихотворство—выраженіе чувствъ человѣческихъ словами изящными, подчиняемыми извѣстной мѣрѣ — сущность имѣетъ одинаковую у всѣхъ народовъ; форму же (складъ) или одежду столько различествующую, сколько есть на землѣ различныхъ языковъ. Сравните, на примѣръ, пѣсни Камчадала или Лопаря, оды Горація, Сонеты Петрарка: чувства могутъ быть во всѣхъ однѣ и тѣже; но какая разность въ стихосложеніи! Не меньшая, какъ и въ тѣлесномъ образованіи народовъ. Всякому однако свое нравится; всякой имѣетъ свою *складность* (гармонію). Сколько Грекъ восхищался стихами Гомера и Пиндара, столько же утѣшается французскій простолюдинъ своимъ Романсомъ и Водевилемъ, а рускій своею протяжною или плясовою пѣснію.

Я намѣренъ здѣсь говорить о *стихосложеніи рускихъ пѣсенъ*, какъ о собственной формѣ Поэзіи, которую имѣлъ Руской языкъ до Ломоносова, введшаго стихосложеніе Нѣмецкое, и до Петра Могилы, введшаго Польское стихосложеніе: разобрать съ большею противъ предшественниковъ моихъ точностію свойство и принадлежности оной, выгоды и невыгоды, и изложить нѣкоторыя правила, изъ примѣровъ почерпнутыя; а потомъ вывести вопросъ, заслуживаетъ ли еще сей руской складъ стиховъ употребленія въ новѣйшей Поэзіи?

Сперва обозначимъ вкратцѣ всѣ извѣстныя намъ формы Поэзіи, чтобъ показать отличительныя каждой изъ нихъ черты.

Часть первая.

О формахъ Поэзіи вообще.

Кромѣ безчисленныхъ мѣлкихъ оттѣнокъ, коими каждый языкъ отличаетъ свое стихосложеніе отъ другихъ, можно вообще раздѣлить Піитическія формы извѣстныхъ намъ языковъ на три главные разряда:

Ie. *Стихосложеніе метрическое*, въ которомъ стихи по стопамъ слагаются: оно принадлежитъ собственно Грекамъ; отъ нихъ заимствовано Римлянами, а въ послѣдствіи также нѣкоторыми изъ новѣйшихъ Европейскихъ языковъ, кои нашлись способными къ стопосложенію.

IIe. *Стихосложеніе силлабическое*, или *слогочислительное*. Въ ономъ стихи *по числу слоговъ* сочиняются. Употребляется оно Италіанцами, Французами, Поляками и иными, коихъ языки, за ограниченностію ихъ прозодіи, мало, либо вовсе не способны къ стопосложенію.

IIIe. Наконецъ *стихосложеніе тоническое*, сочиняющееся *по удареніямъ*. Къ сему то разряду принадлежатъ наши рускія пѣсни и можетъ быть также отчасти народныя пѣсни многихъ другихъ націй (Норманскихъ Скальдовъ, Нѣмецкихъ Миннезингеровъ, и проч?..). Послѣдняго роду стихосложеніе до сихъ поръ, кажется, никѣмъ еще у насъ не было разсмотрѣно съ надлежащимъ вниманіемъ; хотя оно къ намъ ближайшее и (по крайней мѣрѣ для просто людимовъ) согласнѣйшее со свойствомъ рускаго языка. Читатель самъ посудитъ о томъ, когда

мы приступимъ къ сему разсмотрѣнію: теперь же просимъ его запастись терпѣніемъ и предваритьльно обозрѣть съ нами первыя двѣ формы. Сіе нужно, сколько для общаго сравненія, а болѣе для того, что пытались нѣкогда и въ руской языкъ ввести какъ ту, такъ и другую форму (*).

Глава первая.

О стихосложеніи метрическомъ, или о стопосложеніи.

Отдѣленіе 1.

О стопосложеніи древнихъ.

Греческое стихосложеніе, подобно всѣмъ Греческимъ формамъ въ наукахъ и художествахъ, перешедшихъ къ намъ, носитъ на себѣ отпечатокъ того богатства, той нѣжности въ организаціи, которыми древніе Греки климату своему и правленію обязаны и которыя даютъ

(*) Сочинитель Славенской Грамматики *Смотрицкій* хотѣлъ дать Славенскому языку Греческую прозодію; а Митрополитъ Петръ Могила ввелъ въ оный столь же несвойственное Польское стихосложеніе, которое и продолжалось до временъ Ломоносова.

право симъ щастливѣйшимъ чадамъ Природы быть учителями нашими во всемъ изящномъ. И потому наперед скажемъ, что другія двѣ формы Поэзіи, которыя будутъ разсматриваемы послѣ сей, ни съ которой стороны съ оною равняться не могутъ.

Метрическое стихосложеніе основаніемъ своимъ имѣетъ *стопы*.

Стопа есть мѣра, содержащая въ себѣ одинъ или нѣсколько тактовъ (разовъ) музыкальныхъ. Протяженіе такта опредѣляется по произволу. Ежели тактъ (или *разъ*) есть время, въ которое произносимъ слогъ долгій; то на произношеніе краткаго слога довольно половины такта. Изъ сихъ тактовъ и полутактовъ, т. е. долгихъ и краткихъ слоговъ, взятыхъ въ извѣстномъ порядкѣ и количествѣ, образуются стопы, составныя части стиха Греческаго (*).

Греческій языкъ имѣетъ таковыхъ стопъ 28, изъ коихъ 12 простыхъ и 16

(*) *Стопами* же или *ногами* (pedes) названы онѣ вѣроятно потому, что мѣра стиховъ первоначально заимствована отъ мѣрнаго топоту ногъ въ *плескѣ*, которую должно почитать предтечею Поэзіи и первою ихъ руководительницею.

сложныхъ; *простыя* стопы суть тѣ, кои содержатъ въ себѣ по два и по три слога и отъ одного до трехъ тактовъ:

Въ одинъ тактъ.

1. *Пиррихій*, два слога краткіе: θεός (*); въ рускомъ для примѣру могутъ служить частицы: *пере*, или *наи*, сложно съ другими словами употребленныя.

Въ полтора такта.

2. *Трохей* или *хорей*, долгій съ краткимъ: πολλά, милость;
3. *Ямбъ*, краткій съ долгимъ: δέλω, любовь;
4. *Трибрахисъ*, три краткіе: δέλετε, урвавшіеся.

Въ два такта.

5. *Спондей*, два долгіе: ζῶτῶν, азъ есмь;
6. *Дактиль*, долгій съ двумя краткими: ἄγγελος, радостный;
7. *Анапестъ*, два краткіе съ долгимъ: ἐλθῶν, перенесть;
8. *Амфибрахисъ*, долгій между двумя краткими: ἰάχε, пустыня.

(*) Греческіе примѣры взяты изъ Греческой Граммашики Петрова: а Рускіе примѣры изъ руководства къ Россійской Словесности Борна.

Въ два съ половиною такта.

9. *Амфимакръ*, крашкій между двумя долгими: *τυπτέ῾ων*, горе намъ;

10. *Вакхій*, крашкій съ двумя долгими: *ἀπόλλων*, къ тебѣ мы;

11. *Палимвакхій*, два долгіе съ крашкимъ: *ἄνθρωπος*, громъ грянулъ.

Въ три такта.

12. *Молоссъ*, или *тримакръ*, три долгіе: *σῶσθαι*, шелъ, спалъ, палъ.

Сложныя стопы состоятъ изъ соединенія двухъ простыхъ и бываютъ всѣ въ четыре слога, а мѣрою отъ 2 хъ до 4 хъ шаговъ.

Въ два такта:

1. *Прокелевсматикъ*, или *дипиррихій*, четыре крашкіе: *φιλόσοφος*, нѣкоторые.

Въ два съ половиною такта.

2 *Пеонъ первый*,	четвероякое положеніе трехъ крашкихъ при одномъ долгомъ.	*δαμνάμενος*, нѣкоторый;
3 —— *вторый*,		*εβάλετο*, мученіе;
4 —— *третій*,		*λαλέοντα*, заревѣли;
5 —— *четверт.*,		*ἀναμέ῾νων*, соединишъ.

Въ три такта:

6 *Іоническая большая стопа,*	спряженіе двухъ долгихъ съ двумя краткими.	*μιμνάσκετο,* се подвиги;
7 —— *меньшая,*		*πολύτεχνῶ,* разсвѣшалъ день;
8 *Харіямбъ,*		*παντα μάτορ,* радость, любовь;
9 *Антиспастъ,*		*ἀποστέλλον,*
10 *Дїямбъ,*		рука рушитъ; *ὑποβλέπων,*
11 *Дитрохей,*		воспалъ и рѣкъ; *ἐκπεσόντες,* вѣра, правда.

Въ три съ половиною такта.

12 *Эпитритъ первый,*	четвероякое положеніе трехъ долгихъ при одномъ краткомъ.	*τριπάρχης,* и вихрь громъ мракъ;
13 —— *вторый,*		*μηχανηρύς,* горе намъ съ нимъ;
14 —— *третій,*		*δημηγορεῖν,* громъ божій глась;
15 —— *четвертый,*		*παπταίνεσα,* громъ глась божій.

Въ четыре такта.

16. *Диспондей*, четыре долгіе: ἁρπαζόντων,
Богъ далъ намъ жизнь.

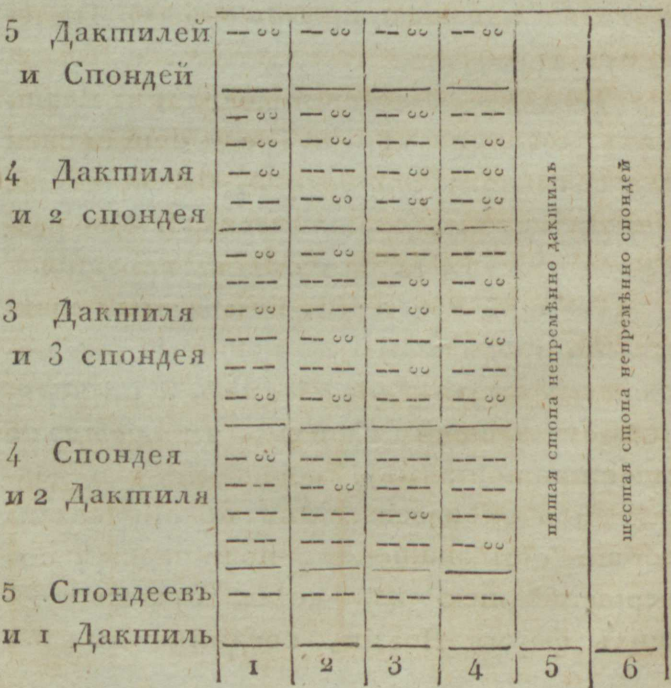
Нѣкоторые грамматисты почитаютъ изчисленіе сложныхъ стопъ за излишнее, поелику онѣ ничто иное суть, какъ усугубленіе простыхъ; но въ Греческомъ языкѣ (а за нимъ и въ Латинскомъ) сіе изчисленіе конечно принято для того, что каждая изъ 28^ми стопъ можетъ заключаться въ особенномъ словѣ, какъ то и видно изъ вышеприложенныхъ Греческихъ примѣровъ.

По сему раздѣленію долгихъ и краткихъ слоговъ размѣряли Греки стихи свои для сочиненій *Эпическихъ*, *Элегическихъ*, *Лирическихъ* и *Драматическихъ*. Мы разсмотримъ сіи роды стиховъ вкратцѣ.

Размѣръ *Эпическій*, называемый также—по предметамъ, на которые онъ посвященъ былъ—*Героическимъ*, а по количеству частей своихъ—*экзаметромъ* (шестистопнымъ), состоитъ изъ дактилей и спондеевъ. Онъ по справедливости отъ знатоковъ почитается совершеннѣйшею изъ всѣхъ существующихъ формъ Поэзіи, соединяя въ себѣ

два главнѣйшія условія гармоніи, — разнообразіе и единство, — въ возможномъ степени: ибо онъ способенъ къ 32 мъ разнымъ измѣненіямъ (варіяціямъ) въ порядкѣ и количествѣ слоговъ, не выходя изъ мѣры музыкальныхъ временъ (темповъ), коихъ имѣетъ всегда шесть; слоговъ же отъ двѣнадцати до осмнадцати. Все сіе яснѣе видно изъ приложеннаго при семъ начертанія:

Начертаніе измѣненій или варіяцій экзаметра.



Вотъ 16 варіяцій въ одномъ только дактилическомъ экзаметрѣ, т. е. въ такомъ, въ которомъ пятая стопа остается непремѣнно дактиль; съ перемѣною пятой стопы на спондея, которая однако только въ Греческой, а не въ Латинской поэзіи употребительна, прибавится новыхъ 16 варіяцій, и того 32.

Иліада, Энеида и другія поэмы древнихъ писаны симъ размѣромъ.

Сочетаніе онаго съ пентаметромъ (пятистопнымъ дактилоспондеическимъ) образуетъ размѣръ *елегическій*, котораго примѣры можно видѣть у Овидія, Тибулла, Марціала, въ Антологіи и пр.

Въ пентаметрѣ только первое полустишіе подлежитъ перемѣнамъ въ порядкѣ и количествѣ слоговъ, и слѣдовательно онъ можетъ имѣть только четыре измѣненія (варіяціи), такимъ образомъ:

Начертаніе варіяцій пентаметра.

Первое полустишіе.			Второе полустишіе.		
— ⏑⏑	— ⏑⏑				
— ⏑⏑	— —				
— —	— ⏑⏑	—	— ⏑⏑	— ⏑⏑	—
— —	— —				

Послѣднее полустишіе его неизмѣнимо; а чрезъ то служитъ пентаметръ, такъ сказать, переходомъ отъ *елегическаго* (повѣствовательнаго) стихосложенія къ *лирическому* (пѣсенному); ибо въ семъ послѣднемъ, какъ ниже увидимъ, порядокъ и количество слоговъ совсѣмъ не перемѣняются.

Лирическихъ размѣровъ находятся многія отмѣны, Алкеевъ, Сафинъ, Ферекратовъ, Гликоновъ стихъ, которыя всѣ найти можно у Горація и коихъ я здѣсь замѣчу только общія принадлежности: а именно 1 е, что они сохраняютъ опредѣленный порядокъ и количество слоговъ, бывъ подчинены непосредственно пляскѣ и музыкѣ, которыя требуютъ сей опредѣленности; 2 е, что они бываютъ мѣрою не болѣе 5 и не менѣе 2 стопъ *простыхъ*, а побольшой части 4 стопные, и 3 е, что господствующія въ нихъ стопы суть ямбъ, хорей, спондей и дактиль, въ извѣстномъ порядкѣ однѣ съ другими сопряженныя.

Пѣсни, сатиры и другія мѣлкія стихотворенія писывались также и сплошь *ямбами*, которые бывали либо чистые, либо перемѣшанные со спондеями, пир-

рихіями и пр. Шестистопные амбы посвящены были собственно *драматической* Поэзіи.

Отдѣленіе II.

О стопосложеніи новѣйшихъ языковъ и о различіи между прозодіею количественною и тоническою.

Изъ новѣйшихъ обработанныхъ языковъ ни который не былъ способенъ ко всѣмъ видамъ стихосложенія Греческаго, за неимѣніемъ *количественной* прозодіи. Одинъ только Нѣмецкій языкъ, сколько мнѣ извѣстно, да еще изъ соплеменныхъ намъ Славенскихъ діалектовъ Богемскій (*), имѣя прозодію отчасти сходную съ Греческою, могутъ удачно подражать Греческимъ размѣрамъ. *Отчасти*, говорю; ибо Греческая прозодія имѣетъ передъ всѣми новѣйшими и даже передъ Латинскою ту особенность, что въ ней самыя буквы гласныя суть, такъ сказать, музыкальныя ноты, будучи не только по *положенію*, занимаемому ими въ складахъ и реченіяхъ, но и *сами по себѣ*, или какъ Грамматики изъясняются — по

(*) См. Неедлія Богемскую Грамматику: Bohemische Grammatik, 4o, Johann Negedly. Prag. 1804.

естеству своему долгими, краткими и двувременными. Сіе то свойство долготы, краткости и двувременности называется *количествомъ* (ῥ'υθμός, numerus). Оно совершенно независимо отъ ударенія или выходки голоса (τόνος, accentus), которое въ Греческомъ и Нѣмецкомъ, такъ точно какъ и въ Рускомъ, бываетъ всегда на одномъ которомъ нибудь слогѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Греческомъ ставится оно и на короткихъ слогахъ, не перемѣняя ихъ мѣры, а въ Нѣмецкомъ съ удареніемъ соединяется непремѣнно и протяженіе слога, или лучше сказать, голосъ повышается всегда на какомъ нибудь слогѣ долгомъ, хотя сіе не мѣшаетъ и другимъ, не имѣющимъ выходки слогамъ, быть долгими по ихъ свойству, на пр. Ūmstānd, ūmständlĭch, vīelgĕlīebt. Богемскій языкъ, хотя имѣетъ во всѣхъ словахъ непремѣнное удареніе или выходку, а вмѣстѣ съ онымъ и протяженіе на первомъ слогѣ, на пр. *же́на, се́дѣти, бы́вати*, протягиваетъ однако, такъ какъ Нѣмецкій, прочіе слоги, на пр. *ста̄ва̄, ӯго̄дӣлъ*, и пр., слѣдовательно можетъ имѣть спондеическую мѣру. Но за то онъ бѣ-

денъ ямбами, къ составленію коихъ долженъ непремѣнно начать стихъ односложною частицею, на пр. союзомъ или мѣстоименіемъ, которые бы не имѣли ударенія; а пиррихіевъ, анапестовъ и другихъ, краткими слогами начинающихся стопъ, совсѣмъ не имѣетъ (*). Напротивъ того Руской языкъ, сими послѣдними стопами изобилующій, лишенъ за то спондеевъ, потому что нѣтъ въ немъ собственнаго пропяженія, не зависящаго отъ выходки, а слова получаютъ оное отъ сей послѣдней, на одномъ только слогѣ, на которомъ голосъ повышается, какъ бы впрочемъ слово ни было длинно; на пр. человѣколюбецъ, исподоволь, неудобоисполнимый. Когда же два ударенія случатся сряду, на пр. *гдѣ онъ*,

(*) Судя по различію въ прозодіи трехъ извѣстнѣйшихъ Славенскихъ діалектовъ, т. е. Рускаго, Польскаго и Богемскаго, изъ коихъ каждый особенное свое имѣетъ слогоударѐніе, полагать можно, что и прочіе, какъ то Сербскій, Хорватскій, Крайнскій, имѣютъ также свои въ ударѐніи и мѣрѣ словъ особенности, которыя бы мы здѣсь замѣтили, ежели бы имѣли передъ собою грамматики сихъ діалектовъ; но мы даже не знаемъ еще ничего объ оттѣнкахъ въ выговорѣ нашего собственнаго Рускаго языка, по разнымъ областямъ, на пр. объ Архангелогородскомъ, Сибирскомъ, Украинскомъ выговорѣ, которые въ слогоударѐніи не всѣ сходны съ Московскимъ, употребительнымъ у насъ выговоромъ, а болѣе на разпѣвъ произносятъ слова и слѣдовательно имѣютъ, можетъ быть, пропяженіе и спондеи.

поди́ про́чь, сказа́ть ва́мъ, тогда одно которое нибудь скрадывается и уступаетъ другому: на пр. *едѣ онъ*; илиже: *едѣ онъ, поди́ прочь, сказа́ть ва́мъ.* Естьли же ни которое изъ двухъ удареній уступить другому не можетъ, что бываетъ наичаще при стеченіи многосложныхъ словъ, на пр. *простира́ть ру́ки, иска́ть сла́вы*, иногда также и при односложныхъ, сохраняющихъ удареніе свое для важности и выразительности слова; на пр. *гро́мъ гря́нулъ, а́зъ рѣ́къ бо́зи есте́*, тогда непремѣнно должно наблюдать между стекшимися удареніями промежуткъ или остановку въ голосѣ (*паузу*), которая бы соотвѣтствовала мѣрою половинѣ такта, и замѣняла бы отсутствіе краткаго слога между двумя долгими; на пр. *искать* (˘) *славы, громъ* (˘) *гря́нулъ* и пр. По сему то свойству языка нашего, любящаго стеченіе краткихъ, т. е. пиррихическую мѣру, а спондическую, т. е. стеченіе долгихъ слоговъ не терпящаго, должны мы отказаться отъ большой части Греческихъ размѣровъ, основанныхъ на сей послѣдней. Изъ 28 стопъ Греческаго стихосложенія принимаетъ языкъ нашъ только 9 стопъ; 5 *простыхъ*, а именно:

ямба, *хорея*, *дактиля*, *анапеста* и *алфибрахія*, и 4 *сложныя*, а именно: 4^хъ *пеоновъ*. Однако и съ симъ небольшимъ достаткомъ прозодическимъ должно намъ почитать языкъ нашъ еще очень богатымъ, въ сравненіи съ другими, гораздо бѣднѣйшими въ томъ языками. Сравнивъ напр. съ нашимъ слогоударенiемъ Польское, Французское, Аглинское и даже Италіянское, можемъ мы смѣло воскликнуть съ Карамзинымъ: „да будетъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка, — шумитъ, гремитъ, — и вдругъ, естьли надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса.“ (*Письма Рус. Путешественника* Ч. IV). И ежели мы изъ своихъ 5 ти стопъ только первыя двѣ наибольше употребляемъ, то сіе не столько изъ нужды, сколько изъ привычки и подражанія дѣлаемъ.

Ломоносовъ ввелъ *стопосложеніе* въ Рускую Поэзію съ тогдашнихъ Нѣмец-

кихъ образцовъ. Ямбы четверостопные постановилъ онь преимущественно Лирическимъ размѣромъ, а шестистопные или Александрійскіе стихи учинились подъ перомъ его и Сумарокова размѣромъ Эпическимъ, Элегическимъ и Драматическимъ—не потому, чтобы таковой размѣръ былъ въ Рускомъ языкѣ для всѣхъ сихъ родовъ Поезіи удобнѣйшимъ и равно приличнымъ; а единственно потому, что онъ такъ употреблялся у Французовъ и Нѣмцовъ. Спрашивается, за чѣмъ Ломоносовъ не избралъ для Пешріады своей, вмѣсто единообразнаго Александрійскаго, свободнѣйшаго какого нибудь размѣра, на пр. *анапестоямбическаго* или *дактилохореическаго*, которые онъ самъ хвалитъ въ *Письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго стихотворства?* Вотъ его слова: „за наилучшіе, велелѣпнѣйшіе и къ сочи„ненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ ско„рость и тихость дѣйствія и состояніе „всякаго пристрастія изобразить наи„способнѣйшіе, оные стихи почитаю, „которые изъ анапестовъ и *хореевъ* „(?) состоятъ.“ (*) Далѣе, егоже слова:

(*) Читай: „изъ анапестовъ и *ямбовъ*;“ ибо здѣсь очевидно вкралась ошибка переписчиковъ, ежели только

„очень также способны и падающіе, или „изъ хореевъ и дактилевъ составленные „стихи, къ изображенію крѣпкихъ и сла„быхъ аффектовъ, скорыхъ и тихихъ „дѣйствій, быть видятся.“ Тутъ онъ приводитъ въ примѣръ „скораго и яркаго дѣйствія“ два стиха дактилохореическіе:

Бре́вна ката́йте на ве́рьхъ, каме́нья и го́ры вали́те;
Лѣсъ броса́йте, живу́чей вы́жавъ ду́хъ, задави́те.

Онъ бы вѣрно умѣлъ, властію своего дарованія, ввести между нами сіи раз-

---

Ломоносовъ говоритъ здѣсь о сопряженіи стопъ. Сопряженіе *анапеста* и *хорея* ⏑⏑–⏑ совершенно противно нашей прозодіи; *анапестоямбическимъ* же стихамъ приводитъ онъ и примѣръ, въ томъ же письмѣ своемъ, тетрамегры изъ анапестовъ и ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардится
Вылетаетъ вспыльчиво хищный встокъ. и пр.

Примѣръ, по несчастію, не очень заманчивый; ибо составитъ изъ дурныхъ стиховъ, кои совсѣмъ не доказываютъ пріятности размѣра. Сіи стихи, такъ какъ и всѣ прочіе, въ упомянутомъ письмѣ о правилахъ Россійскаго стихотворства въ примѣръ приводимые, принадлежатъ вѣроятно къ первымъ еще ученическимъ опытамъ нашего Пиндара. Получше сего примѣры анапестоямбическимъ стихамъ можно найти у другихъ Поетовъ нашихъ, на пр. у Державина въ *Ласточкѣ*, гдѣ они игриво перемѣшаны съ дактилями:

Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя поешь,
Крылышками движешь, препещешь,
Въ колокольчикъ горлышкомъ бьешь. —
Ты часто въ зеркалѣ водномъ и пр.

мѣры и не мало бы тѣмъ разширилъ границы Поэзіи нашей. Благодарить конечно должно Ломоносова уже и за то, что онъ, введеніемъ правильныхъ стопъ, освободилъ Россійскую Музу отъ недостойныхъ цѣпей прежняго, такъ называемаго *средняго* стихотворства, и подчинилъ Лирическое ея пареніе законамъ мелодіи равнѣйшей и пріятнѣйшей; однако жалѣть при всемъ томъ можно, что онъ стѣснилъ для нее свободный ходъ Эпопеи, единообразнѣйшимъ изъ всѣхъ стиховъ, Александрійскимъ съ рифмами. Но надобно сказать правду: онъ былъ только Лирикъ; Эпопея, равно какъ и Трагедія, была не его дѣло. Когда уже Петріада его есть во всемъ подражаніе Генріадѣ, то неудивительно, что онъ и въ стихосложеніи не посмѣлъ удалиться отъ сего образца своего. Между тѣмъ, примѣръ Ломоносова, Хераскова и Петрова, освятилъ между нами шестистопные ямбы въ качествѣ стиха Эпическаго; а дактило-хореическій экзаметръ, по несчастію, съ самаго начала попался въ руки Тредьяковскаго, который также имѣлъ отвагу затѣвать новое, только не имѣлъ вовсе дарованія и вкуса, къ учиненію но-

ваго своего привлекательнымъ, и потому, своею ославленною Тилемахидою, ославилъ и невинный размѣръ, какимъ она писана, и совсѣмъ отвратилъ отъ онаго публику. Опыты, дѣланные въ послѣдствіи, чтобъ оный возстановить, были слишкомъ не важны и слабы, а потому и безуспѣшны. Для сего нуженъ Геній, и Геній Эпопеи, который бы написалъ поэму симъ размѣромъ, въ такой же степени занимательную и превосходную, въ какой степени скучна и груба Тилемахида. Трудная задача! Довольно однако на первой случай и того, что изъ новѣйшихъ поэтовъ нашихъ, Бобровъ осмѣлился въ дидактическихъ поэмахъ, по Аглинскимъ образцамъ, свергнуть съ себя узы Александрійскаго стиха и рифмы, — и имѣлъ въ томъ удачу; а Державинъ, Дмитріевъ, Карамзинъ и другіе, въ твореніяхъ Лирическихъ, приучаютъ насъ опять къ бѣлымъ стихамъ, къ дактилямъ и ко всѣмъ другимъ размѣрамъ, какіе только согласны съ нашею тоническою прозодіею.

Мелетій Смотрицкій (коего Грамматика напечатана въ началѣ 17го столѣтія въ Вильнѣ), а за нимъ Московскіе из-

дателн Славенской Грамматики 1648 го года, хотѣли дать Славенскому языку совершенно Греческую прозодію. Надобно думать, что или Славенскій языкъ, который былъ уже тогда языкомъ мертвымъ и токмо въ устахъ духовенства обносящимся, имѣлъ предъ нынѣшнимъ Рускимъ нѣкоторую способность къ количественной прозодіи, подобно языку Богемскому, или, что оные Грамматики, не вникнувъ въ прозодическое свойство языка, коему сочиняли правила, принужденнымъ и неестественнымъ образомъ, изъ одного только педанства, его коверкали. Послѣднее и вѣроятнѣе; ибо не видно, чтобъ они нашли хотя одного подражателя, который бы по ихъ правиламъ сочинилъ стихи Славенскіе. Напротивъ того, совершенная несообразность сихъ правилъ со свойствомъ языка Славенскаго, чаятельно, не укрылась отъ вниманія тогдашнихъ ученыхъ; что и побудило ихъ искать другаго Славенскому языку стихосложенія. Они бы, можетъ быть, и нашли стихосложеніе легчайшее и согласнѣйшее со свойствомъ Славенорускаго языка, естьли бы только имѣли случай и охоту обратить вни-

маніе свое на простонародныя пѣсни и преданія: но во первыхъ, ученость тогдашняго времени была школьная, презиравшая все то, чего не было написано въ книгахъ и о чемъ не сказывали ей Греки и Римляне; во вторыхъ же, ученые тогдашніе жили по большой части въ Польшѣ или въ подвластныхъ Полякамъ областяхъ Рускихъ, въ малой и бѣлой Руси, гдѣ и языкъ народный уже перемѣшался съ Польскимъ, а сей послѣдній, по праву завоеванія, начиналъ быть господствующимъ языкомъ между дворянами и духовенствомъ, и притомъ же нарочито уже былъ обработанъ, имѣлъ своихъ стихотворцевъ и пр. И такъ всего ближе и естественнѣе было установителямъ Славенскаго стихосложенія обратиться въ таковой нуждѣ своей къ сосѣдямъ и учителямъ своимъ Полякамъ, и принять безъ дальныхъ разборовъ ихъ стихосложеніе. Въ ономъ недостатокъ *благозвучности* (гармоніи) замѣняла покрайней мѣрѣ *созвучность* (рифма).

Глава вторая.

О *стихосложеніи силлабическомъ* (слогочислительномъ) и — по принадлежности къ оному — *о рифмѣ* или *созвучномъ окончаніи.*

Силлабическое стихосложеніе есть изобрѣтеніе позднихъ временъ и выдумано по нуждѣ для тѣхъ языковъ, коихъ прозодія ограничена неизмѣняемостью ударенія на одномъ которомъ нибудь слогѣ; такъ на пр. въ Польскомъ и Италіанскомъ всегда, или почти всегда, на предпослѣднемъ, а во Французскомъ на послѣднемъ слогѣ удареніе (*). Сія ограниченность не позволяетъ имъ размѣрять стихи свои по стопамъ, хотя они и имѣютъ нѣкоторыя стопы, совмѣстныя съ ихъ слогоударенiемъ. На примѣръ, Французы имѣютъ ямбы, анапесты и даже спондеи; а ежели считаютъ полугласное e, то также хореи и амфибрахіи. Но какъ они ихъ употребляютъ? Возьмемъ начало Генріады:

(*) Естьли не считать e полугласнаго (muet), которое собственно не болѣе черпвертки такта имѣетъ прозодической мѣры; хотя Французы и протягиваютъ оное въ стихахъ своихъ на полтакта, чтобъ замѣнить тѣмъ недостатокъ краткихъ окончаній.

Je chante ce Héros qui régna sur la France,
Et par droit de conquête, et par droit de naissance;
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les factions, sut vaincre et pardonner.

И здѣсь нѣтъ даже двухъ стиховъ сходныхъ между собою въ размѣрѣ и въ порядкѣ стопъ. Одинъ стихъ состоитъ изъ чистыхъ анапестовъ; въ другомъ ямбы и анапесты перемѣшаны безъ порядку; въ третьемъ нѣсколько чистыхъ ямбовъ сряду и потомъ опять разстройка. Слухъ нашъ не скоро могъ бы догадаться, что это стихи, ежели бы не рифма ему о томъ напоминала. Рифма одна почти составляетъ всю складность подобныхъ стиховъ; а что они одинъ другому числомъ слоговъ равны, это ничуть не прибавляетъ имъ порядка въ размѣрѣ.

Польскіе же стихи еще ограниченнѣе тѣмъ, что окончаніе ихъ всегда женское, и нѣтъ мужескихъ рифмъ, нѣтъ разнообразнаго сочетанія стиховъ мужескихъ и женскихъ. И такимъ однако бѣднымъ стихосложеніемъ довольствовались Русскіе во времена такъ называемаго *средняго* стихотворства (почти чрезъ цѣлое

столѣтіе). Люди съ талантами, Θеофанъ, Кантемиръ, Буслаевъ, коихъ произведенія достойны бы были въ лучшую одѣяны быть форму, порабощали себя тѣснымъ правиламъ сего несроднаго имъ стихосложенія, подобно человѣку, который — по уподобленію Ломоносова — будучи обѣими ногами здоровъ, осужденъ бы однако былъ всегда скакать на одной (*).

(*) Поелику нѣтъ вещи, которая бы, при невыгодахъ своихъ, не имѣла и выгодъ какихъ нибудь; то и силлабическое стихосложеніе имѣетъ для употребляющихъ оное языковъ выгоду, и довольно важную — а именно большую легкость къ сочиненію и свободу въ разположеніи словъ: стихотворецъ у нихъ не затрудненъ подборомъ мѣрныхъ словъ, которому у насъ нерѣдко жертвовать должно приличіемъ и силою выраженій: и отъ того наши стопосложные стихи гораздо труднѣе сочинять, нежели стихи Французскіе, Италіянскіе и Польскіе, малымъ чѣмъ отъ прозы отличающіеся, въ коихъ вольно поставить, вездѣ гдѣ надобно, приличнѣйшее и выразительнѣйшее слово, лишь бы только набрать опредѣленное число слоговъ, и на концѣ пріискать рифму. А что наборъ и пріисканіе послѣднихъ гораздо легче подбору правильныхъ стопъ, въ томъ, я думаю, согласится всякой. И такъ, естьли бы мы не имѣли стопъ, то намъ конечно не безвыгодно было бы оставаться при силлабическомъ стихосложеніи. Но со стопами оно совсѣмъ несовмѣстно. Гдѣ хромому позволяется сидѣть или покойно проѣзжаться, тамъ здоровый обѣими ногами долженъ потрудить ноги свои стояніемъ или ходьбою: и мы должны, какъ умѣемъ, пользоваться выгодами собственной нашей прозодіи, и несши также сопряженныя съ оною неудобства. Съ преодолѣніемъ большихъ трудностей, предстоитъ намъ и большая слава.

Въ сей формѣ Поэзіи были стихи троякой мѣры, о 13ти, объ 11ти и о 9ти слогахъ. Первая мѣра, каковою писаны Кантемировы Сатиры, соотвѣтствуетъ шестистопному нашему ямбу, вторая пятистопному, третья четырехстопному. Въ тринадцатисложномъ стихѣ пресѣченія не имѣли постояннаго мѣста, и позволялось переносить слова изъ стиха въ стихъ, какъ въ Греческомъ и Латинскомъ экзаметрѣ. Ежели сіе давало стихотворцу большую свободу въ оборотахъ и теченіи слова, какъ можно видѣть у Кантемира: то съ другой стороны, еще болѣе разстроивало оно складность или гармонію стиха, которому безпрестанная женская рифма служила единственною, такъ сказать, подпорою.

Въ примѣръ силлабическаго стихосложенія выпишемъ здѣсь начало Кантемировой сатиры о истинномъ щастіи:

Тотъ въ жизни сей лишъ блаженъ, кто
малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ
воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ
надежну
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.

Въ Рускомъ языкѣ могли бы стихи сіи принимать и мужескую рифму, такъ какъ во Французскомъ, отъ чего бы они стали нѣсколько поразнообразнѣе; но подражатели наши, не находя того въ образцахъ своихъ, въ Польскихъ стихахъ, не смѣли сею выгодою языка своего пользоваться. Обычай и предубѣжденіе заставляли ихъ напротивъ того почитать мужескія рифмы неблагородными и въ шуточныхъ только сочиненіяхъ для смѣху иногда позволительными (*). Ломоносовъ справедливо возстаетъ противъ сего самовольнаго осужденія себя къ нищетѣ. Его-то генію предоставлено было показать намъ всѣ богатства прозодіи нашей; способность ея къ правильному стопосложенію и къ окончаніямъ стиховъ не только мужескимъ и женскимъ, какъ у Французовъ, но и *тригласнымъ* или *дактилическимъ*, какъ у Италіанцовъ.

Рифма или созвучное окончаніе, безъ котораго Польскіе, Французскіе и Италіанскіе стихи никакъ обойтись не могутъ, не есть необходимо нужное условіе въ нашихъ метрическихъ или по сто-

(*) Словомъ сказать — такими, какими новѣйшая Поэзія наша почитаетъ *тригласныя* рифмы.

намъ размѣряемыхъ стихахъ, которые могутъ очень хорошо быть и безъ рифмъ, т. е. *бѣлыми стихами*, особливо въ сочиненіяхъ Дидактическаго и Описательнаго рода, каковы суть поэмы Боброва. Не спорю однакожъ, чтобъ съ рифмами стихи не были еще пріятнѣе, и сіе особенно въ Лирическомъ родѣ, гдѣ Поэзія наиболѣе должна приближаться къ музыкѣ. Я весьма согласенъ съ тѣми, кои думаютъ, что рифма имѣла бы для насъ большую еще прелесть, естьли бы употребляема была не такъ часто и не во всякомъ родѣ Поэзіи, но съ умнымъ разборомъ, въ нѣкоторыхъ только родахъ, для умноженія игривости и сладкогласія. Древніе Греки не употребляли въ стихахъ сей игры созвучностей; потому, вѣроятно, что не имѣли въ оной нужды, услаждаясь и безъ того предовольно многоразличною и богатою мѣрою своихъ стопъ: но мы, при нашемъ стопосложеніи, еще не такъ богаты, чтобъ могли, подобно имъ, совершенно обойтись безъ сей побочной прикрасы въ нашихъ стихахъ, по правильнымъ стопамъ слагаемыхъ: другое дѣло въ *стихахъ народныхъ русскихъ*, о коихъ говорено будетъ въ

слѣдующей части и кои, точно также какъ и Греческіе стихи, совсѣмъ не требуютъ рифмы!

Можетъ быть теперь большая часть Рускихъ, по долголѣтнему употребленію и привычкѣ, съ увѣренностію скажутъ, что форма Поезіи стопослагательная, утвердившаяся при Ломоносовѣ, есть согласнѣйшая съ механизмомъ языка ихъ и отъ которой они уже не отстанутъ; однако всякому небезъизвѣстно, что есть и другой складъ стиховъ, не столько обработанный, но не менѣе согласный со свойствомъ языка Рускаго, т. е. складъ Рускихъ народныхъ пѣсенъ. Приступимъ къ разсмотрѣнію онаго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

О Пародіи.

(Изъ Словаря *Древней и Новой Поэзіи*, Н. Остолопова).

Слово *Пародія* есть Греческое: παρῳδία или παρῳδή; составлено изъ предлога παρά, *чрезъ*, и существительнаго имени ᾠδή, *пѣснь* или *пѣніе*. Сіе соединеніе производитъ въ одно время понятіе о сходствѣ и объ отличіи, такъ что чрезъ глаголъ παρῳδεῖν можно разумѣть, по словопроизведенію, одинъ или многіе стихи, написанные однимъ и тѣмъ же размѣромъ, по одному и тому же напѣву съ другими стихами, кои взяты образцомъ, но различные съ оными по смыслу и по предмету, къ которому относятся.

Греческіе и Латинскіе Риторы полагали нѣсколько родовъ *Пародіи*. Цицеронъ почти всѣ означилъ въ томъ мѣстѣ второй книги объ Ораторѣ, гдѣ показываетъ источники и правила замысловатой шутливости. Можно, говоритъ онъ, съ пріятностію включать въ своемъ сочиненіи полный стихъ или съ легкою перемѣною, или совсѣмъ безъ перемѣны.

Пародія бываетъ:

1. Когда во взятомъ стихѣ перемѣняется одно слово и чрезъ то раждается другой смыслъ. Слѣдующіе стихи изъ Корнелева Сида всѣмъ извѣстны:

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce
que nous ſommes;
Ils peuvent ſe tromper, comme les autres
hommes.

Малая перемѣна въ нихъ сдѣлала правило, принятое во всей ученой республикѣ:

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce
que nous ſommes;
Ils ſe trompent en vers, comme les autres
hommes.

Вотъ переводъ обоихъ стиховъ, приводимый единственно для показанія разности въ подлинникѣ:

Велики хоть Цари, но намъ во всемъ подобны;
Къ погрѣшностямъ они, какъ люди всѣ, способны.

Пародія же имѣетъ такой смыслъ:

Велики хоть Цари, но намъ во всемъ подобны;
Къ погрѣшностямъ въ стихахъ, какъ мы, они способны.

2. Иногда перемѣна одной буквы производитъ Пародію. Катонъ, говоря о Маркѣ Фулвіи, перемѣнилъ его названіе *Nobilior* (благороднѣйшій) въ *Mobilior* (непостоянѣйшій, самый перемѣнчивый).

3. Приведеніе нѣсколькихъ извѣстныхъ стиховъ, или одного изъ нихъ, безъ всякой перемѣны, составляло третій родъ Пародіи. — Въ трагедіи А. П. Сумарокова *Гамлетъ*, пришедшая въ раскаяніе Гертруда говоритъ второму своему супругу:

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того проклятна дня, какъ ты на тронъ возшелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла
И на супружню смерть *не тронута* взирала.

Ломоносовъ, которому послѣдній стихъ не понравился, сдѣлалъ изъ него самое Сатирическое употребленіе. *См. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. Стран. 149.*

Аристофанъ изъ одного стиха Еврипидовой трагедіи *Ипполитъ* сдѣлалъ Пародію въ своей комедіи *Лягушки*. Ипполитъ, которому кормилица Федры объявила страсть къ нему сей Принцес-

сы, приходитъ въ ужасъ и объявляетъ негодованіе; кормилица тотчасъ напоминаетъ клятву его не сказывать никому о сей тайнѣ; Ипполитъ отвѣчаетъ: *языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ толкъ участія* (Ипп. Ст. 612). Аристофанъ нашелъ сей стихъ противнымъ нравственности. Онъ представилъ въ означенной комедіи Бахуса, который, желая доставить Аѳинянамъ хорошаго трагическаго Писателя, нисходитъ въ адъ для того, чтобы вывести оттуда Есхила, или Еврипида. Оба трагики спорятъ между собою; наконецъ Еврипидъ напоминаетъ Бахусу, что онъ обѣщалъ возвратить его въ Аѳины, и Бахусъ отвѣчаетъ: *языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ толкъ участія* (ст. 1515): я избираю Есхила.

4. Еще находится въ Аристофанѣ, въ Діонисіи Галикарнаскомъ и въ Ефестіонѣ четвертый родъ Пародіи, состоящій въ писаніи стиховъ во вкусѣ и слогомъ извѣстныхъ худыхъ стихотворцевъ.—На французскомъ языкѣ есть прекрасный сему примѣръ. Слѣдующіе четыре стиха написалъ Боало въ подражаніе слогу Шапеленя, сочинителя поэмы *Дѣвственница*:

Maudit soit l'auteur dur, dont l'âpre et rude
verve,
Son cerveau tenaillant rima malgrè Minerve,
Et de son lourd marteau martelant le bon
sens,
A fait de méchans vers douze fois douze cens.

Г. Николевъ сочинилъ двѣ оды въ подраженіе слогу Тредіаковскаго. Здѣсь помѣщаюпіся нѣкоторыя строфы:

Сколько дивиться вдругъ станешь прилично,
Видя Фелицей прославленный вѣкъ!
Вѣкъ, въ коемъ тако прединоразлично
Даръ свой для пользы стремитъ человѣкъ.

О Лѣпомудра Богиня Фелица!
Выше дѣлами ты Фебскихъ высотъ;
Всѣмъ неизключно сердцамъ ты Царица,
Сердцемъ родяся красивѣй красотъ.

Т. 4. стр. 10.

Гордый Султане! Мрачный владыко!
Что не въ причину тако кутилъ?
Тя-ль не постигло бѣдствіе велико?
Турчу ли нынѣ Русъ не скрутилъ?

Ну же быстренько вонъ изъ Европы!
Съ вольною волей менѣ бѣды.
Иль тя загонитъ Русъ въ Ефіопы!
Ей, преупруглый! жди сей чреды.

Т. 4. стр. 3.

5. Наконецъ послѣдній и главный родъ Пародіи есть сочиненіе, написанное по разположенію другаго извѣстнаго

творенія, съ обращеніемъ на другой предметъ и съ произведеніемъ, чрезъ перемѣну нѣкоторыхъ выраженій, другаго смысла. Древніе наиболѣе говорятъ о семъ родѣ Пародіи. Мнѣ случилось видѣть Пародію стиховъ Державина *на рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока*, обращенную къ одному сочинителю, въ которой между прочимъ по мѣсто, гдѣ слѣтаются Геніи и предвѣщаютъ августѣйшему младенцу будущее, передѣлано такимъ образомъ:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ;
Будешь нѣкогда учитель,
Будешь вѣчно Капитанъ.
Будешь и судьбы гласили
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ;
Старцы всѣ тутъ повторили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ и пр.

Изобрѣтателемъ Пародіи почитаютъ Гиппонакса, жившаго около 540 лѣтъ до Христіанскаго счисленія. Иные, согласно съ Аѳинеемъ, приписываютъ честь сію Архилоху, а другіе Гегемону, жившему на Фазосѣ, островѣ Егейскаго моря около 88 Олимпіады. Гегемонъ прославился наиболѣе своею *Гигантомахіею*.— Надлежитъ замѣтить, что ни одинъ По-

этъ не былъ столько пародированъ, какъ Гомеръ; его Ватрахоміомахію (поэма, война мышей съ лягушками) почитаютъ Пародіею нѣкоторыхъ мѣстъ Иліады и Одиссеи. Тимонъ, написавшій четыре книги Пародій, бралъ основаніе оныхъ изъ твореній сего великаго Поэта. Онъ жестоко нападалъ на философовъ того времени и сравнивалъ ихъ съ пѣми пещерами, въ коихъ Эоломъ заключены были вѣтры: они, говорилъ Тимонъ, суть пузыри, надутые пустыми мыслями. И вотъ какимъ образомъ сдѣлалъ онъ въ одной своей Пародіи призываніе, въ подражаніе началу Иліады: „Повѣдай мнѣ, муза, кто воспламенилъ между ними (философами) сію ужасную войну? Богиня Эхо, раздраженная на людей молчаливыхъ, разсѣяла повсюду болѣзнь многорѣчія; сія страшная болѣзнь большую часть изъ нихъ погубила.„—Пародіи Тимона были называемы *Силліями Silli*, отъ введенія въ нихъ Силена.

Пародія должна заключать въ себѣ пріятность и пользу, какъ и всѣ прочія отрасли Поэзіи; ее можно почесть замысловатою шуткою, подъ которою скрывается истина. Иногда она выставляетъ

на позоръ подверженное осмѣянію; иногда даетъ на замѣчаніе ложныя красоты какого либо сочиненія, открываетъ глаза Автору, ослѣпленному самолюбіемъ и лестію, и чрезъ то способствуетъ къ его исправленію; иногда же служитъ къ одному только увеселенію читателя.

Предметомъ Пародіи должно быть непремѣнно извѣстное твореніе. Въ подражаніи надлежитъ сохранять вѣрность и точность; шутки должно употреблять съ бережливостію и такимъ образомъ, чтобъ онѣ казались происходящими сами отъ себя; болѣе же всего надлежитъ остерегаться площадныхъ и неблагопристойныхъ выраженій.

Примѣчаніе. Можно ли принять за Пародію тѣ сочиненія, кои называются *вывороченными на изнанку*, какъ напримѣръ Енеиду, преложенную такимъ образомъ на Французскомъ языкѣ Скаррономъ, а на Рускомъ Осиповымъ и Котельницкимъ? Сей *выворотъ на изнанку* есть неиное что, какъ описаніе шуточнымъ слогомъ тѣхъ произшествій, кои прежде описаны были слогомъ высокимъ; а *Пародія*, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, состоитъ наиболѣе въ

примѣненіи того же сочиненія къ другимъ произшествіямъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій, и потому полагаю, что *изнанка* не есть Пародія, да и древніе о семъ родѣ сочиненій ничего не упоминаютъ. *Выворотъ на изнанку* есть произведеніе новѣйшихъ временъ.

КРИТИКА.

Біологическое изслѣдованіе природы вѣ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія всеобщей Физіологіи. Сочиненіе Доктора Медицины и Хирургіи и Экстраординарнаго Профессора Физіологіи и Анатоміи вѣ Императорской Медико – Хирургической Академіи Данила Велланскаго. С. Петербургѣ. Вѣ Типографіи Іоаннесова. 1812.

Вотъ книга, на которую нельзя почти сдѣлать рецензіи, особливо такой, какую хотятъ иногда видѣть въ журналахъ сочинители разсматриваемыхъ книгъ, или защитники ихъ. Она написана по *умозрительной* Шеллинговой Философіи, которая, какъ извѣстно, есть *непримиримый врагъ* Философіи, такъ называемой, *опытной*. Сказать то, что случалось намъ слышать объ ней отъ противниковъ и послѣдователей Шеллинговой Философіи и что говорятъ обыкновенно о сочиненіяхъ такого роду; на-

звать ее, какъ называютъ нѣкоторые, *бредомъ*, или, какъ превозносятъ другіе, *высокою Философіею*, было бы очень мало. Отъ Рецензента требуютъ доказательствъ, и иногда болѣе, нежели сколько можно требовать отъ самаго Профессора, преподающаго курсъ его науки. Доказать же свое мнѣніе какой нибудь изъ двухъ сторонъ, убѣдить кого либо въ заблужденіи его или въ справедливости стороны противника, невозможно никакою рецензіею. Посмотримъ, на примѣръ, чего требуетъ Г. Велланскій отъ того, кто бы хотѣлъ приобрѣсть познанія *высокой* Философіи, или убѣдиться въ основательности преподаваемыхъ въ ней истинъ? Онъ говоритъ, что для сего нужно *отвергнуть всѣ положенія, происходящія изъ Логическихъ заключеній* (Предувѣдомл. стр. VIII); увѣриться, что, на примѣръ, Анатомія, Физика, Химія, Механика и всѣ прочія науки, основанныя на опытахъ, въ нынѣшнемъ состояніи ихъ, то есть не озаренныя Шеллингіанскою Философіею, суть нечто иное, какъ *пустыя зданія* (тамже стр. XV), и что гдѣ нѣтъ сей Философіи, тамъ, во всѣхъ наукахъ, царствуетъ *мракъ* и *хаосъ*

(стр. IV и V), и наконецъ — что всего труднѣе — должно стать въ *точку*, или предъ *точкою*, „составляющею *центръ* „и *периферію* безконечнаго и вѣчнаго „*круга* веществъ и изливающею теоре„тическій свѣтъ на разсматриваемые „въ оной предметы, которымъ каждый „озаряясь, представляется въ собствен„номъ видѣ своего бытія и общемъ, на„чальномъ содержаніи къ единственной „сущности всѣхъ“ (стр. VII)! — Тщетно защитникъ *опытной* Философіи будетъ утверждать, что, для предохраненія себя и даже для изцѣленія отъ заразительнаго сумасшествія Шеллингіанскаго и всякаго *фантастическаго* бреда очень полезно слѣдовать *здравой опытной Логикѣ*; что *очевидность опыта* есть единственное начало и основаніе всѣхъ нашихъ познаній; что кромѣ сего начала никакого другаго принять и допустить не можно; — тщетно будетъ онъ *доказывать*, что всякое *отвлеченное* понятіе есть только *отвлеченіе* отъ очевидности опыта, или *слѣдствіе* оной; что всякая *Теорія* должна состоять только въ соединеніи сихъ отвлеченныхъ понятій, а не въ произвольныхъ вымы-

слахъ; что *предположенія* (гипотезы) суть вообще начала произвольныя, которыя всякой можетъ принять и не принять, не подвергаясь опасности заблужденія. Г-нъ Велланскій говоритъ: „Основанія, на которыхъ мы утверж„даемся, суть такъ глубоки и крѣпки, „что нѣтъ никакой опасности, чтобы „кто возмогъ поколебать оныя; нату„ральная Философія, при толикомъ мно„жествѣ бурныхъ ея противниковъ въ „Германіи и другихъ странахъ, стремя„щихся яростно къ разрушенію оной, „не потерпѣла ни малѣйшаго подрыва, „а еще болѣе утвердилась оными“ (Предув. стр. X). Онъ, увѣряя читателей въ своей *искренности* и *безпристрастіи*, говоритъ, что „возстающіе противъ сей „Философіи изъявляютъ (только) *вели„кую свою привязанность ко тлѣ*“ (стр. IV); что *зависть* лишь одна побуждаетъ ихъ къ противорѣчіямъ (стр. VII), и заключаетъ: „Духъ мой ни мало не содра„гается отъ *тучи страстей ученыхъ „недоброхотовъ*“ (стр. X). Какою рецензіею можно было бы поколебать такую увѣренность?

Но, вѣря чистосердечно *искренности*

и *безпристрастію* Г-на Велланскаго, выпишемъ здѣсь кратко содержаніе *Біологическаго изслѣдованія Природы* и приведемъ изъ него нѣсколько положеній, не для того, чтобы доказать Г-ну Велланскому и защитникамъ его неосновательность мнѣній ихъ; но чтобы дать любопытнымъ читателямъ нѣкоторое понятіе о семъ сочиненіи.

Г-нъ Велланскій разсматриваетъ здѣсь:

1 е. Всеобщую жизнь вселенной, относительно къ *абсолютной ея идеи*;

2 е. Явленіе всеобщей жизни въ неорганической природѣ подъ видами *творящаго дѣйствія*;

3 е. Образованіе всеобщей жизни въ неорганической природѣ подъ видами *творимаго бытія*;

4 е. Органическую природу, какъ *субъективное образованіе всеобщей жизни*;

5 е. Строеніе организма животныхъ соотвѣтственно главнымъ неорганическимъ веществамъ и живымъ твореніямъ земнаго міра;

6 е. Царство животныхъ въ соображеніи онаго съ человѣкомъ;

7 е. Человѣка — въ *идеальной* и *мате-*

ріальной сферахъ его;

8е. Бденіе и сонъ животныхъ;

9е. Темпераменты;

10е. Значеніе половъ, мужескаго и и женскаго, и наконецъ

11е. Рожденіе и смерть.

Онъ говоритъ, что сочиненіе сіе, „по обширности содержанія, принадле„житъ всякому роду ученыхъ людей;“ но что „наипаче медики каждое положеніе „въ ономъ найдутъ достойнымъ своего „вниманія, какъ по *совершенному не„сходству онаго съ обыкновеннымъ чте„ніемъ, такъ и по вышшему умозрѣнію*“ (Предув. стр. XV). Особенно хвалится онъ *теоріею чувствъ* и основанною на оной *системою царства животныхъ*; ученіемъ объ *идеальной сферѣ человѣческаго организма*; показаніемъ глубокой причины *бденія и сна*; изъясненіемъ *темпераментовъ* и *значенія половъ*; наконецъ *теоріею рожденія* и *смерти* (стр. XV и XVI).

Разсматривая всеобщую жизнь природы, онъ говоритъ: „Изъ явленій жизни, „подлежащихъ чувственнымъ испытані„ямъ, умственнаго понятія объ оной „имѣть не можно; . . . *сущность* (жизни),

„какъ вѣчная и безпредѣльная идея оной,
„наружнымъ чувствамъ и воображенію
„непостижима“ (стр. 1). „Любопытный
„разумъ, не довольствуясь физическимъ
„познаніемъ вещей, силится узнать *са-*
„мую отдаленнѣйшую причину жизнен-
„ныхъ явленій;... при всемъ томъ ощу-
„щаемую матерію находитъ онъ въ од-
„нихъ бездушныхъ атомахъ; а *сила*, не-
„подлежащая чувственнымъ испытані-
„ямъ, остается для него вовсе неизвѣ-
„стною“ (стр. 2. и 3).

Здѣсь невольно должны мы сдѣлать вопросъ: какимъ же образомъ можемъ мы приобрѣсть умственныя понятія о какой нибудь вещи, естьли не могутъ дать намъ оныхъ (прямо, либо чрезъ отвлеченіе) явленія, подлежащія чувственнымъ испытаніямъ? Какая вещь въ мірѣ можетъ дѣйствовать на насъ иначе, какъ чрезъ чувства, и откуда, естьли не отъ вещей видимыхъ, можемъ мы приобрѣсть какія либо понятія? Посему то послѣдователи *опытной* Философіи никогда не силятся узнать того, чего нельзя постигнуть изъ физическихъ явленій, познаніе чего не возможно для человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, здравый *разумъ* не мо-

жетъ возбуждать любопытства къ познанію *сущности* вещей, *самой отдаленнѣйшей причины* жизненныхъ и всѣхъ явленій (кромѣ постигаемой имъ *первой причины*) и того, что называется *силою*. Онъ довольствуется познаніемъ сходства вещей, различія ихъ и законовъ дѣйствія одной на другую. Ища *причины* какого нибудь дѣйствія, въ самомъ дѣлѣ, онъ ищетъ всегда только другой дѣйствующей *вещи* и останавливается въ семъ изысканіи тамъ, гдѣ, или не находитъ другой разнородной вещи, или самая изслѣдываемая скрывается отъ чувствъ; здѣсь уже довольствуется онъ знаніемъ только *образа*, или *законовъ явленій*. Одно *воображеніе*, не управляемое разумомъ, можетъ возбуждать безразсудное желаніе простираться далѣе. Потому то нужно знать, какимъ образомъ пріобрѣтаемъ мы и можемъ только пріобрѣтать познаніе о вещахъ, и можно ли имѣть правильныя *отвлеченныя* понятія инымъ какимъ способомъ, кромѣ *сравненія* или *сношенія ближайшихъ* и приведенія ихъ къ *общему* (generalisatio).—

Но посмотримъ, какъ Г-нъ Веллан-

скій, по умозрительной Философіи, открываетъ *сущность* жизни. Онъ говоритъ: „*Всеобщая жизнь*, по значенію „двухъ ея качествъ, составляющихъ „противустороннія принадлежности отражаемой ею единственной и повсюдной „сущности веществъ, образуется въ „природѣ дѣйствіемъ и бытіемъ,—со стороны единой вѣчности и повсюдной безпредѣльности. Видимый міръ есть представленіе одинакаго въ различномъ, и „различнаго въ одинакомъ..... Неорганическая природа, какъ пребывающій *обьектъ*, „представляетъ собственно творимое, „а органическая, какъ дѣйствующій *субъектъ*, изъявляетъ творящее качество „всеобщей жизни; но обѣ заключаютъ въ „себѣ то и другое вмѣстѣ, творящее качество неорганической природы являетъ„ся подъ видомъ *свѣта*, а творимое по„казывается *тяжестію*“ (стр. 10 и 11). Не открыта ли здѣсь *сущность* всеобщей жизни? Не удовольствовано ли любопытство разума? Долженъ ли онъ искать какой нибудь *отдаленнѣйшей причины творящаго* и *творимаго*? Долженъ ли онъ спрашивать, почему въ *свѣтѣ* является творящее, а въ *тяжести* творимое?

Поступимъ далѣе. — Жизненная дѣятельность *неорганическихъ* веществъ, по сему ученію, состоитъ въ *Магнетизмѣ*, *Электрицизмѣ*, *Химизмѣ*, или *Хемизмѣ* (какъ говоритъ Г-нъ Велланскій) и *Гальванизмѣ*; а „органическая природа произошла, въ животномъ царствѣ, по *принципу свѣта*,—со стороны дѣйствія, въ „растительномъ же по *началу тяжести*,— „со стороны бытія всеобщей жизни, и „одно царство содержится къ другому „*въ прямой противоположности ихъ существованія*; въ животномъ Солнце представляется Землею, а въ растѣніи Земля образуется Солнцемъ“ (стр. 447).

Вы потребуете здѣсь — не доказательствъ; нѣтъ, ихъ требовать нельзя, это уже рѣшено; но по крайней мѣрѣ — объясненія. Не требуйте на каждое непонятное для васъ слово; это впятеро увеличило бы самую книгу и, можетъ быть, все безъ пользы. Спросите, что есть, по сей Философіи, *Свѣтъ*, *Тяжесть*, *Магнетизмъ*, *Электрицизмъ*, *Химизмъ* и *Гальванизмъ*?

„Обыкновенная Физика, говоритъ Г-нъ Велланскій, главнѣйшіе сіи предметы „естественнаго познанія не токмо не

„показываетъ въ надлежащемъ ихъ свѣ-
„тѣ, но еще погружаетъ глубже въ
„мракъ невѣденія“ (стр. 16).

„*Магнетизмъ* есть видимое явленіе
„одной изъ категорій, или главныхъ спо-
„собовъ образованія и состоянія всей
„вещественной природы, по которой
„категоріи всеобщая одинакость пре-
„вращается въ особенное различіе, и ма-
„терія дѣлается цѣлостною и одинакою
„въ самой себѣ, содержась ко всему внѣ-
„шнему особенною“ (стр. 19). Вотъ и
объясненіе этого опредѣленія: „Та самая
„жизнь, которая въ идеальномъ ея обра-
„зованіи представляется самопознатель-
„нымъ Я, въ матеріальномъ отраженіи
„показывается магнитнымъ дѣйствіемъ,
„изъявляющимъ безразличіе общаго съ
„особеннымъ, въ свойственномъ значеніи
„каждаго; гдѣ общее, будучи особеннымъ
„содержится въ ономъ такъ, какъ идея
„въ какомъ либо изъ своихъ понятій“
(тамъ же).

Вотъ опредѣленіе, которымъ Г. Вел-
ланскій извлекаетъ насъ изъ глубокаго
мрака невѣденія въ разсужденіи Магне-
тизма, — изъ того мрака, въ который,
по мнѣнію его, погружаетъ обыкновен-

ная Физика! Здѣсь узнаемъ мы, что Магнетизмъ есть *Категорія*; можно ли послѣ этого сказать: *я не понимаю, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо?* Узнаемъ, что посредствомъ сей Категоріи *всеобщая одинакость превращается въ особенное различіе*; не достаточно ли это къ объясненію всѣхъ явленій Магнетизма? Здѣсь вмѣстѣ объясняется и *самопознательность Я*, и то, какъ *идея содержится въ какомъ либо изъ своихъ понятій*; это объясняется уже посредствомъ самаго Магнетизма!

Что есть *Электрицизмъ*? — „*Эмпирическое* изслѣдованіе Электрицизма, говоритъ Г-нъ Велланскій, остается при „однѣхъ машинахъ, изобрѣтаемыхъ ищательными испытателями для возбужденія и показанія различныхъ способовъ „электрическихъ дѣйствій, въ которыхъ „однако, — сколько бы кто ни занимался „оными, — никогда не можно видѣть „самой сущности Электрицизма, понимаемой только въ области умозрѣнія“ (стр. 29 и 30). Здѣсь Г-нъ Велланскій, кажется, хочетъ особенно пристыдить нѣкоторыхъ, тщательно занимающихся опытами, въ незнаніи сущности Элек-

прицизма, и открываетъ имъ оную слѣдующимъ образомъ: „*Электрицизмъ* есть „категорія общаго сцѣпленія матеріи“ (стр. 26). Онъ „содержится въ противо„номъ качествѣ къ Магнетизму; и въ отно„влеченномъ ихъ значеніи первый есть „пространство, образующееся во време„ни,—какъ различное въ одинакомъ; а „второй составляетъ время, показываю„щееся въ пространствѣ,—какъ одина„кое въ различномъ„ (стр. 26); словомъ— „какъ линія содержится къ поверхно„сти, такъ магнитное дѣйствіе отно„сится къ электрическому“ (стр. 27).

Вотъ сущность Электрицизма, понимаемая только въ *области умозрѣнія!* Вотъ свѣтъ Философіи Шеллингіанской, „отъ сіянія коей не получаютъ ни ма„лѣйшаго луча не посвятившіеся въ ея таинства“ (Предувѣд. стр. V)! Такъ—ни малѣйшаго луча! Самые Математики, которые наиболѣе чуждаются *посвященій въ какія либо таинства* въ наукахъ, по необходимости должны будутъ прибѣгнуть къ сему единственному способу, чтобы понять даже, какъ *линія содержится къ поверхности*.... Надобно быть слишкомъ *завистливу* и *недоброхотну*, чтобы не удивляться сей Философіи!

Узнавъ такимъ образомъ сущность сихъ двухъ видовъ динамическаго процесса, не трудно уже будешь постигнуть и *Химизмъ* съ *Гальванизмомъ*; ибо „*Химизмъ* не что иное есть, какъ Ма„гнетизмъ и Электрицизмъ въ *безразли„номъ ихъ единствѣ*„ (стр. 34); а *Гальванизмъ* есть „одна и та же категорія „динамическаго процесса, какъ и Хи„мизмъ, только различнаго и противо„положнаго съ нею вида„ (стр. 38), т. е. „химическій процессъ есть химичес„кое дѣйствіе въ магнитномъ свойствѣ; „а галваническій оное же дѣйствіе, но „въ электрическомъ качествѣ„ (стр. 39 и 40).

Наконецъ вы хотите знать, что есть *свѣтъ* и *тяжесть*? „*Свѣтъ* изъявля„ющій *субъективное* дѣйствіе природы, „не состоитъ изъ матеріальныхъ ато„мовъ, какъ обыкновенно думаютъ; а „есть *невещественный*, *совершенно про„тивоположный*, ... есть *духъ* неорганиче„скихъ веществъ, — тотъ самый, кото„рый въ организмѣ обнаруживается жиз„ненною дѣятельностію; а *тяжесть*, со„ставляющая существо матеріи, есть „ихъ *тѣло*, находящееся къ оному въ та-

„комъ содержаніи, въ какомъ органиче-
„скій членъ къ своей дѣятельности“ (стр. 12). — Не подумайте, чтобы слова *духъ*, *тѣло* имѣли здѣсь *переносный* (метафорическій) смысль; нѣтъ — извѣстно, что тамъ, гдѣ открывается *сущность* вещи, и даже въ обыкновенныхъ нашихъ опредѣленіяхъ *переносныя* слова не принимаются. А что есть *духъ*? Что есть *тѣло*? Это уже *само собою* разумѣется.

Такимъ образомъ объясняются въ семъ сочиненіи и другія важнѣйшія явленія органической и неорганической природы. На примѣръ: *Произхожденіе чувствъ*. „Чувства, ощущающія внѣшній
„міръ въ пространствѣ, произошли и дѣй-
„ствуютъ по *существенному*, *живому*
„*значенію линіи*, *эллипсы* и *круга*; а пони-
„мающія оный во времени, образовались
„по *идеальной силѣ гиперболы*, *овально-
„сти* и *параболы*“ (стр. 89).

Бденіе и *сонъ*. „*Бденіе* есть свѣтлая
„область человѣческой жизни, представ-
„ляющейся здѣсь въ идеальныхъ разви-
„тіяхъ духа; а *сонъ* мрачная ихъ страна,
„гдѣ образуется она въ матеріальныхъ
„произведеніяхъ тѣла“ (стр. 362).

Значеніе половъ. „*Творящій принципъ*

„*жизни*, изъявляемый въ общей природѣ „свѣтомъ; и *творимое начало* оной, по„казуемое тяжестію, въ органическомъ „мірѣ представляются *мужескимъ* и „*женскимъ* поломъ“ (стр. 386). „Муже„скій организмъ произошелъ по *экспан„сивному*, или *центрифугальному* свой„ству свѣта, а женскій образовался по „*контрактивному* или *центрипеталь„ному* качеству тяжести“ (стр. 389).

Здѣсь доказывается, что *каждое животное есть земная Планета въ извѣстномъ ея видѣ, и строеніе его организма соотвѣтственно составу земнаго Міра*; т. е. что *покровы организма равнозначительны съ землями, кожа соотвѣтствуетъ воздуху, легкое — водѣ, печень — горючимъ ископаемымъ, кости — металламъ, желудокъ и кишки — солямъ, кровоносные сосуды и мышицы — кораллами и животными, лимфатическіе протоки и желѣзы — грибами и растѣніями, а нервная система — человѣку.* — Въ сравненіи царствъ животныхъ съ человѣкомъ открывается, что *въ животныхъ представленъ человѣкъ раздробленными, а въ человѣкѣ образованы животныя соединенными*, или что *животныя, взятыя вмѣстѣ, составляютъ че-*

ловѣка, т. е. червь *означаетъ человѣческую губу*, *моллюскъ—палецъ*, *рыба—глазъ*, *насѣкомое — носъ*, *земноводное — языкъ*, *а птица—ухо*. Г-нъ Велланскій, при объясненіи каждаго изъ важнѣйшихъ явленій природы, какъ мы и выше замѣтили, обращается къ обыкновеннымъ физическимъ наукамъ съ укореніями въ недостаткахъ ихъ. Такимъ же образомъ, отзывается онъ о нынѣшней *Физіологіи* и *Зоологіи*, основывая ученіе свое объ организмѣ человѣческомъ на Зоологіи, а систему царства животныхъ на шести человѣческихъ чувствахъ: *ощущеніи*, *осязаніи*, *зрѣніи*, *обоняніи*, *вкусѣ* и *слухѣ*. Сколько усовершенствуетъ Медицину столь важное открытіе! *Легкое* соотвѣтствуетъ *водѣ*, *желудокъ* и *кишки* — *солямъ*! *Губа человѣческая* означаетъ *червя*, *глазъ—рыбу*, *ухо — птицу*! „Вкусъ „содержится къ осязанію, какъ медвѣдь „къ обезьянѣ“ (стр. 258)! Каковъ долженъ быть тотъ *Врачь*, который, *въ области умозрѣній*, такъ ясно видитъ всю *сущность* природы!

Приведемъ наконецъ еще (*) одно

(*) *Еще одно изъясненіе* — повторяете вы съ неудовольствіемъ, ушомясь рецензіею! Милостивые Государи! взгляните на книгу, вспомните предметъ ея и званіе Г-на Сочинителя! Вы извините рецензента.

весьма важное изъясненіе первыхъ и важнѣйшихъ явленій органической природы, изъясненіе *Рожденія* и *Смерти*. Г-нъ Велланскій говоритъ: „Какимъ образомъ + „и — составляютъ вмѣстѣ о, не будучи „особенно частями онаго: такъ *рожде-„ніе* и *смерть* относятся къ всеобщей „жизни, не касаясь ея сущности; ибо + „и — хотя бы ты продолжалъ безконечно, „произведутъ всегда одно и тоже о, въ „которомъ содержатся они ничтожны-„ми: и ежели ты понялъ умственное „значеніе алгебраической формулы + о —; „то ты видишь здѣсь свойственнѣйшую „*схему* всегдашняго произхожденія, у-„ничтоженія и вѣчнаго существованія „органической природы“ (стр. 400). Какое изъясненіе! Какая Философія! Надобно быть слишкомъ *привязану ко тмѣ*, чтобы не понимать алгебраической формулы + о —, слишкомъ *завистливу* и *недоброхотну*, чтобы отвергать *вѣчныя* математическія истины!

Но — кончимъ нашу рецензію! Что должно сказать о сей книгѣ? Назвать ли ее *бредомъ*, какъ называютъ нѣкоторые; или, какъ превозносятъ другіе, *высокою Философіею*? Пусть рѣшатъ это чита-

тели! Мы посовѣтуемъ только нѣкоторымъ молодымъ людямъ, обыкновенно плѣняющимся *умозрѣніями*, никогда и ни для кого *не отвергать правилъ здравой Логики*; всегда помнить *способъ пріобрѣтенія познаній*, чтобы умѣть отличать *правильное умозрѣніе* отъ *пустыхъ мечтаній*. Посовѣтуемъ имъ читать и знать исторію наукъ, особливо исторію Философіи. Тамъ увидятъ они, что умозрительная Философія не въ первый уже разъ является на земномъ шарѣ; что науки и самыя художества, сколько получили они отъ наукъ, обязаны нынѣшнимъ состояніемъ ихъ *способу опыта*. Какая разница между временами предшествовавшими и послѣдовавшими Бакону! *Предположенія, пустыя умозрѣнія*, водя умъ человѣческій, чрезъ нѣсколько вѣковъ, отъ однихъ заблужденій къ другимъ, не привели его ни къ одной истинѣ до самыхъ временъ сего великаго преобразователя Философіи. Они, естьли принесли какую пользу, то развѣ только ту, что умъ человѣческій, предавшись имъ, узналъ, кажется, всѣ пути заблужденія. Это нещастная дань, какъ говоритъ одинъ философъ, кото-

рую предки наши невольно платили за драгоцѣнную истину. Мы щастливы, что живемъ не въ тѣ времена! За чѣмъ же добровольно подвергаться сей дани?

Ф.

Адріанъ или приключенія молодаго Семинариста. Переводъ съ Французскаго. Москва. Въ Типогр. Всеволожскаго.

Давно уже не попадалось намъ книги, столь неблагопристойной, соблазнительной и притомъ столь дурно переведенной. Поставляемъ долгомъ предостеречь отъ нее любителей чтенія. Она не только не имѣетъ никакой нравственной цѣли, но еще представляетъ развратные, подлые и беззаконные поступки молодаго человѣка, назначеннаго въ духовное состояніе, въ видѣ позволительныхъ, а иногда и похвальныхъ дѣлъ. Двѣ женщины дурнаго поведенія и три распутные Аббата, изъ которыхъ одинъ, влюбясь въ Жидовку, отрекается отъ Христіянства — суть главныя дѣйствующія лица сего романа. — Переводъ достоинъ подлинника. Вотъ нѣкоторыя фразы: (стр. 21.) „Насъ почли бы столь глубоко погруженными въ задумчивость, что будто мы имѣемъ въ умѣ своемъ какую нибудь идею, которою такъ сильно были заняты“. (стр. 54.) „Ваше объясненіе *очень прекрасно*“. (стр. 20.) „Болѣе нѣжна не-

жели кокетка, невѣрность ея любовниковъ была причиною ея перемѣнъ.“ — Надлежало бы выписать еще нѣсколько мѣстъ (на пр. на стр. 40, 53, 79, 100, 101, 115 и мн. др.); но мы боимся оскорбить своихъ читателей.

Г.

Задача Любителямъ Древности.

Милостивые Государи мои! (*)

Естьлибъ я жилъ въ Петербургѣ, то конечно давно бы имѣлъ честь познакомиться съ вами и, хотя или не хотя, вы бы узнали меня: но обстоятельства и упражненія мои не позволяютъ мнѣ переселиться въ Столицу; и я, будучи уже не въ силахъ долѣе сопротивляться смертной охотѣ моей сдѣлаться вамъ извѣстнымъ, принужденнымъ нахожусь объявить вамъ письменно то, что, по врожденной скромности моей, охотнѣе открылъ бы вамъ изустно: *Noris nos-cupio-Docti fumus!*

Такъ точно, милостивый государь мой! и ученость моя не таковая безполезная какъ многихъ другихъ; я жизнь мою посвятилъ на приобрѣтеніе познаній самонужнѣйшихъ для рода человѣческаго; однимъ словомъ: я — Археологъ!

Двадцать лѣтъ въ Софіи, не выѣзжая далѣе какъ до Царскаго Села, я трудился

(*) Писано къ Членамъ Общества.

надъ важнѣйшими и любопытнѣйшими изысканіями, какъ на примѣръ: Кто была настоящая мать Энея? Какого роста былъ Александръ Пріамовичь? Замѣтьте: я не говорю—*Парисъ*; не должно смѣшивать Царевичева имени съ пастушескимъ. Какого поведенія была Сафо въ Левосѣ? Вподлинну ли Анакреонъ былъ пьяница, или только, что называется, *Весельчакъ*?.... Конечно, не ловко самому себя хвалить, но нельзя же и не чувствовать собственныхъ своихъ достоинствъ, о которыхъ естьли паче чаянія вы усумнитесь, то пожалуйте, возмите на себя трудъ справиться обо мнѣ у Г-дъ Царскосельскихъ Столяра, Слесаря и даже у *Янтарнаго Мастера:* они васъ удостовѣрятъ въ томъ, что нѣкогда благодарное потомство воздвигнетъ мнѣ памятникъ попрочнѣе того, которымъ Державинъ, въ слѣдъ за Горапіемъ, ласкаетъ себя.

Но объ этомъ въ другое время: теперь открою вамъ горе мое, которому Вѣстникъ Европы безъ вѣдома причиною.— Три года я трудился надъ Диссертапіею о *Древнихъ Вѣнцахъ*, подъ заглавіемъ:

Историческое, Филологическое, Эстетическое и Философическое изслѣдованіе о Вѣнцахъ, Хронологическимъ порядкомъ изложенное, отъ Сотворенія Міра по Жидовскій бунтъ, случившійся въ 1734 году въ Роттердамѣ.—По одному заглавію вы можете уже судить, какихъ трудовъ мнѣ стоило обширное предпріятіе мое и чего еще будетъ стоить, естьли (чего боюсь!) прійдется все сызнова переработывать! *Инфоліо* мой и съ полнымъ къ нему *Индексомъ* на чисто переписанные, готовы уже были отправиться въ цензуру, какъ попался мнѣ въ руки Вѣстника Европы, Апрѣля нынѣшняго года, No 7й . . . . и ноги подкосились подо мною! Вотъ что въ немъ срѣзало меня: „Ты вмѣсто *пышнаго Гражданскаго Вѣнца.* (примѣчаніе) — какіе давали *обыкновенно* въ древности *за мирныя добро-*„*дѣтели.*“ Изъ піэсы: Благотворителю Московскихъ музъ. —

Посудите вы сами объ отчаяніи моемъ! Я говорилъ обо всѣхъ древнихъ Вѣнцахъ вообще, а объ этомъ и не слыхалъ никогда! — *Гражданскій* Вѣнецъ! — Не ужели это Согопа *civica*?... А я, не одумав-

шись, утвердительно сказалъ о ней (въ 137 й главѣ моего сочиненія), что она давалась за воинскій подвигъ, ob *civem* ſervatum, за спасеніе отъ смерти *Гражданина!!!*

Три дня и три ночи роюсь въ огромной библіотекѣ моей, и кромѣ Corona *civica* не могу отыскать ничего похожаго на *Гражданскій* Вѣнецъ. — Что мнѣ дѣлать! Corona *Civica, Aurea, Triumphalis, Ovalis, Muralis, Obsidionalis, Navalis, Roſtrata* — всѣ, безъ изъятія, давались только за храбрость, мужество, за подвиги воинскіе. Corona Victorum in ludis ſacris хотя и мирная была, но давалась не за добродѣтели, а за преимущества въ состязаніяхъ въ Поэзіи, въ музыкѣ, силѣ тѣлесной и проворствѣ. — Правда, что Иродотъ и Пиндаръ украшены были такими *Коронами*, но и тутъ я не вижу *обыкновенной* награды за *мирныя добродѣтели*, поелику на ровнѣ съ ними увѣнчавались и Атлеты—что я говорю Атлеты? — даже лихіе бѣгуны: очемъ изволите спросить (только не въ переводѣ!) самаго Пиндара! (VI. Олимп: строфа 6 я стр: 7 й).

О прочихъ вѣнцахъ — какъ Corona Nuptialis, Natalitia, Convivalis — и о тѣхъ что Греки называютъ *ἔρωτες* мирныхъ и любовныхъ, съ коими покойники отправлялись въ *разширенныя долины вѣчности*, нечего и упоминать; они даже и не принадлежатъ къ вопросу. Гдѣ же мнѣ теперь другихъ отыскивать? Не знаю и другаго ничего придумать не могу, какъ только просить васъ, милостивые государи мои, напечатать въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ, предлагаемый мною ученому свѣту ученѣйшій вопросъ: *Что такое пышный Гражданскій вѣнецъ, который давали* обыкновенно въ древности *за мирныя добродѣтели*? Можетъ быть кто нибудь сжалится надо мною и выведетъ меня изъ мучительнаго недоразумѣнія. Я не назначаю срока рѣшенію, но буду ожидать отвѣта отъ любителей древности съ нетерпѣніемъ равнымъ тому, которымъ мучусь, чтобы скорѣе выпустить на свѣтъ Диссертацію мою и быть въ правѣ сказать: Non omnis moriar! — Сколько ни скучно мнѣ будетъ переправлять огромное сочиненіе мое — если того потребуетъ удовлетворительный отвѣтъ; но я охотнѣе рѣшусь на двой-

ную работу, какова была Тредьяковскаго, нежели оставить несовершеннымъ трудъ, отъ котораго ожидаю безсмертія.

Съ истиннымъ почитаніемъ есмь,
Милостивые Государи мои,
Вашъ покорный слуга
Ѳома (или Тома) Археомановъ.

Апрѣля 19-го дня
1812-го года.
Городъ Софія (С: П: Б: губерніи).

P. S. Хотя, по званію моему, я обязанъ находить красоты только въ тѣхъ произведеніяхъ, которымъ по крайней мѣрѣ двѣ тысячи лѣтъ старшинства; не менѣе того я чувствителенъ ко всѣму изящному, какому бы оно вѣку ни принадлежало. Доказательство сему — Ипербола мною употребленная: *разширенныя долины вѣчности*; — она чужая но я тотчасъ ее себѣ присвоилъ и совѣтую и вамъ, Милостивые Государи мои, разобрать ее эстетически. Какая гордая мысль: *разширить* долины вѣчности! — *Разширить* то, чему предѣловъ нѣтъ! Надобно имѣть узкой умъ, чтобы не плѣняться такою широкою фигурою.

ОПЕЧАТКИ:

Напечатано:				Читай:
Стран. 3,	Стр. 17:	Меридское		Меридово
—— 4,	—— 9:	Афинянъ,		Аѳинянъ,
—— 52,	—— 19:	Umständ,		Umstand,
—— 62,	—— 21 и 24:	е		*е*
—— 80,	—— 22:	*доказывать*		доказывать
—— 99,	—— 3:	За чѣмъ		За чѣмъ же.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

МАІЙ 1812. No 5.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Абу-Гіафаръ-Алманзоръ,

или

Какъ должно судить о людяхъ.

Фана Хозру, прозванный Адгадъ-Еддулатъ, былъ одинъ изъ величайшихъ Государей Востока. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества и добродѣтели, которыя передаютъ имена Монарховъ отдаленнѣйшему потомству. Покоривъ Персію и овладѣвъ Багдадомъ, столицею Калифовъ, онъ возсѣлъ на престолѣ сихъ Государей, намѣстниковъ Великаго Пророка.

Однажды разговаривалъ онъ съ знатнѣйшими особами своего двора, и искалъ вмѣстѣ съ ними средствъ составить благополучіе народовъ, которыхъ судьба

была ввѣрена ему провидѣніемъ. Онъ разсуждалъ о томъ искусствѣ, которое долженъ употреблять Государь, чтобъ не быть обманутымъ, и чтобъ хорошо узнать свойства людей, его окружающихъ.

Придворные Адгада-Еддулата объявляли ему поочередно свои мнѣнія. Адгадъ слушалъ ихъ улыбаясь: ибо онъ очень хорошо видѣлъ, что они совѣтовали употреблять только тѣ способы, посредствомъ коихъ онъ непремѣнно долженъ былъ сдѣлаться жертвою обмановъ. Въ числѣ придворныхъ находился мудрый Морадъ, который былъ всѣми уважаемъ за свои познанія, честность и благородную откровенность. Онъ одинъ хранилъ молчаніе. „Почему ты не подаешь мнѣ никакихъ совѣтовъ? спросилъ его Адгадъ. Не ужели ты одинъ отказываешься наставить меня въ той наукѣ, которая всего полезнѣе для Государя, въ наукѣ: не быть обманутымъ? Открой мнѣ самый вѣрный способъ судить о достоинствахъ людей.“ — Государь, отвѣчалъ Морадъ, въ то время, когда твои придворные подавали тебѣ удивительные совѣты, я думалъ о Калифѣ Абу-Гіафарѣ-

Алманзорѣ, основателѣ Багдада и славѣ Востока. Великій Алманзоръ зналъ въ совершенствѣ эту науку, которая можетъ быть не столь трудна, какъ ты воображаешь; и ежели хочешь меня выслушать, то я разскажу тебѣ, какимъ образомъ онъ узналъ людей, съ которыми раздѣлялъ управленіе обширнымъ Государствомъ.

Услышавъ отъ Адгада, что онъ нетерпѣливо желаетъ знать, какъ поступалъ Алманзоръ, Морадъ началъ говорить слѣдующее:

Калифъ Абу-Гіафаръ-Алманзоръ лишился своего Казнохранителя. Когда онъ сталъ разсматривать поступки его, то увидѣлъ, что онъ ограбилъ казну, и собралъ для себя великія сокровища, разоривъ цѣлыя области своими притѣсненіями. Алманзоръ чувствовалъ необходимость замѣнить невѣрнаго Министра такимъ человѣкомъ, который не употреблялъ бы во зло его довѣренности и своей власти. Но гдѣ найти того, кто бы былъ достоинъ занять такую важную должность? Какую честность не обольстятъ сокровища, когда можно завладѣть ими безъ всякаго труда? Всѣ знатнѣйшіе

чиновники домогались сего званія; всѣ расточали золото и употребляли всякаго рода средства, чтобъ получить успѣхъ въ своемъ намѣреніи; всѣ клялись въ своей честности и въ усердіи къ общему благу. Но Калифъ не смотря на происки придворныхъ, оставался еще въ нерѣшимости.

Между тѣмъ всѣ ожидали, что должность Казнохранителя будетъ поручена Агибу, который обладалъ великимъ богатствомъ, славился своимъ умомъ и не щадилъ ничего, чтобъ получить это мѣсто. Калифъ много слышалъ объ Агибѣ, но не зналъ его. Желая удостовѣриться въ его достоинствахъ, онъ призвалъ къ себѣ одного придворнаго, по имени Мегмета. „Ты безпрестанно хвалишь мнѣ Агиба, сказалъ онъ ему; я хочу сдѣлать его Казнохранителемъ; но прежде я хочу узнать его. Сего дня ввечеру я переодѣнусь и пойду къ нему вмѣстѣ съ тобою: назови меня своимъ другомъ, хвали меня какъ можно больше, говори о моихъ свѣденіяхъ, умѣ и особливо о моей честности, а въ то же время скажи ему, что я бѣденъ и нещастенъ. Но берегись открыть ему, кто я въ самомъ дѣлѣ; измѣна

твоя будетъ стоить тебѣ жизни.“ Мегмепъ повергается къ стопамъ Алманзора, и даетъ клятву, что исполнитъ его волю.

Ввечеру, Абу-Гіафаръ одѣвается въ самое простое платье, и идетъ къ Агибу. „Позволь мнѣ, Агибъ, говоритъ Мегметъ, представить тебѣ человѣка, который оказалъ мнѣ важныя услуги. Онъ одаренъ превосходными качествами и свѣдущъ во всѣхъ наукахъ. Ты видишь въ немъ образецъ честности и добродѣтели; но судьба поступила съ нимъ несправедливо: онъ бѣденъ и находится въ совершенной крайности.“ Агибъ кланяется Мегмету, говоритъ съ нимъ съ величайшимъ почтеніемъ, расточаетъ ему самыя лестныя похвалы, и едва удостоиваетъ Калифа малымъ наклоненіемъ головы. — Въ это время приходятъ нѣкоторые друзья Агиба. Онъ принимаетъ ихъ съ чрезвычайною ласкою, и, кажется, не находитъ словъ, какъ изъяснить имъ свою дружбу. Что жъ касается до бѣдняка, одѣтаго столь худо, что онъ совершенно позабытъ Агибомъ, и не можетъ обратить на себя ни одного ласковаго взгляда.

Приносятъ закуски и шербетъ; всѣ

гости садятся вокругъ стола, украшеннаго и освѣщеннаго съ величайшею пышностію. Первое мѣсто занимаетъ Мегметъ; гости посажены смотря по ихъ чинамъ и богатству, а бѣднякъ принужденъ бы былъ стоять, естьлибы самъ не занялъ послѣдняго мѣста.

Между тѣмъ сожигаютъ драгоцѣнныя благоуханія въ золотыхъ курильницахъ; толпа музыкантовъ и плясавицъ восхищаютъ слухъ и зрѣніе бесѣдующихъ, которые не перестаютъ прославлять достоинства Агиба, превозносить его умъ, вкусъ и разборчивость. Зашелъ разговоръ о мѣстѣ Казнохранителя. — „Ты непремѣнно получишь его, говорятъ всѣ Агибу. Можетъ ли Калифъ сдѣлать лучшій выборъ? Гдѣ найдетъ онъ человѣка, который былъ бы достойнѣе Агиба?“ Потомъ каждой начинаетъ просить у него покровительства для себя и для своихъ друзей. Радость и гордость блистаютъ въ глазахъ Агиба; онъ обѣщаетъ всѣмъ исполнить ихъ просьбы, и клянется Мегмету, что никогда не забудетъ тѣхъ благодѣяній, которыя получитъ отъ него, ежели сдѣлается Казнохранителемъ.—Бѣднякъ долго молчалъ; наконецъ говоритъ

съ робостію Агибу: „Могу ли надѣяться, мудрый Агибъ, что ты вспомнишь и обо мнѣ, когда вступишь въ эту важную должность? Я буду служить тебѣ съ истиннымъ усердіемъ. Великія злополучія, которыхъ я не могъ предвидѣть, лишили меня богатства, и не оставили мнѣ ничего, кромѣ моей честности, сокровища, котораго судьба не можетъ у насъ похитить.“ Агибъ смотритъ на него съ улыбкою покровителя и ничего не обѣщаетъ. Наконецъ гости уходятъ, а вмѣстѣ съ ними и Алманзоръ съ Мегметомъ.

По прошествіи недѣли Калифъ призываетъ Мегмета. „Сего дня, говоритъ онъ, мы опять пойдемъ къ Агибу. Я одѣнусь богато, множество невольниковъ будутъ провожать меня, и ты долженъ сказать, что въ судьбѣ моей сдѣлалась чрезвычайная перемѣна; что, будучи представленъ Калифу, я ему очень понравился, и онъ осыпалъ меня благодѣяніями; скажи, что, можетъ быть, въ скоромъ времени я буду знатнѣйшимъ человѣкомъ въ Багдадѣ. Но я опять требую отъ тебя величайшей скромности. Ежели ты осмѣлишься открыть обо мнѣ

прежде времени, то поступлю съ тобою какъ съ измѣнникомъ.“

Калифъ надѣваетъ великолѣпное платье, садится на богато убранную лошадь, и сопровождаемый многочисленною свитою, ѣдетъ вмѣстѣ съ Мегметомъ къ Агибу. Увидя такихъ пышныхъ гостей, Агибъ спѣшитъ къ нимъ на встрѣчу и съ величайшею учтивостью ихъ привѣтствуетъ. „Порадуйся, любезный Агибъ, сказалъ Мегметъ, щастію моего друга, котораго я недавно приводилъ къ тебѣ. Участь его перемѣнилась; онъ былъ представленъ Калифу и снискалъ его любовь и довѣренность. Никому еще не было такого неожиданнаго щастія, и можно ожидать, что онъ скоро будетъ сдѣланъ Великимъ Визиремъ. Я упросилъ его посѣтить тебя.“

Нельзя изобразить изумленія Агиба. Онъ едва можетъ скрыть свое замѣшательство. Кланяясь тому, кого за недѣлю предъ симъ принялъ такъ худо, онъ достаетъ головою почти до полу; дѣлаетъ множество поздравленій, и благодаритъ Бога, что имѣлъ случай познакомиться съ такимъ достойнымъ человѣкомъ. „Теперь я увѣрился, говоритъ онъ, что

щастіе не всегда поступаетъ несправедливо: оно наградило умъ и добродѣтель!“ Тутъ вводитъ онъ Алманзора въ великолѣпную комнату, гдѣ было много гостей; забываетъ всѣхъ ихъ, говоритъ только съ нимъ однимъ и безпрестанно твердитъ о той чести, которую онъ сдѣлалъ ему своимъ посѣщеніемъ. Приносятъ шербетъ также какъ и въ первый разъ, но уже въ самыхъ дорогихъ сосудахъ; на столъ ставятся самыя рѣдкія кушанья, комнату освѣщаютъ великолѣпнѣйшимъ образомъ и куряться драгоцѣннѣйшія благоуханія. Опять говорятъ о мѣстѣ Казнохранителя. — „Я недавно обѣщалъ, говоритъ Агибъ Алманзору, сдѣлать тебѣ благодѣяніе: ты безъ сомнѣнія это помнишь. Но теперь справедливое небо предупредило мои желанія; теперь я самъ имѣю величайшую нужду въ твоемъ покровительствѣ, и надѣюсь, что ты не откажешься употребить свою силу при дворѣ, чтобъ доставить мнѣ мѣсто, котораго ищу я.“ — И котораго не получишь: ибо ищешь его только для того, чтобъ обмануть меня, сказалъ Калифъ. Я не хочу сдѣлать моимъ Казнохранителемъ того, кто не

смотришь на дарованія и честность, а уважаешь только деньги. Узнай во мнѣ самаго Абу-Гіафара, котораго ты принялъ прежде такъ худо, думая, что я не имѣю ничего, кромѣ ума и честности. Прощай, оставляю тебѣ твое богатство; но ты не умножишь его на щетъ мой и моего народа: ты не будешь моимъ Казнохранителемъ. —

При имени Абу-Гіафара всѣ гости въ изумленіи и въ ужасѣ повергаются на колѣни, остаются въ семъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Калифъ уходитъ изъ дому Агиба, и вставъ спѣшатъ удалиться отъ нещастнаго, который навлекъ на себя негодованіе Государя.

Между тѣмъ Калифъ возвращался домой, сопровождаемый однимъ Мегметомъ. Онъ отпустилъ отъ себя безполезную свиту, и хотѣлъ дойти до дворца пѣшкомъ. Дорогою онъ размышлялъ о своемъ приключеніи, и внутренно смѣялся надъ страхомъ и замѣшательствомъ Агиба. Въ то же время онъ думалъ о средствахъ найти хорошаго человѣка для должности Казнохранителя. Онъ перебиралъ въ умѣ своемъ всѣхъ людей, которые искали этого мѣста, и никто изъ нихъ не

казался ему достойнымъ. Проходя мимо одной мечети, онъ увидѣлъ нищаго, сидящаго на камнѣ. Когда подошелъ онъ къ нему, то бѣднякъ всталъ и простирая къ нему руку: „сжалься, говорилъ ему, надъ нещастнымъ, умирающимъ съ голоду.“ — Оставь насъ, отвѣчалъ сурово Калифъ, и безпокой другихъ своими просьбами: у меня ничего нѣтъ.

Нищій вздохнулъ, и опять сѣлъ на камень, гдѣ приготовлялся провести ночь. Между тѣмъ Калифъ роняетъ съ намѣреніемъ къ ногамъ его кошелекъ съ двумя тысячами секиновъ, и удаляется отъ мечети. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ позади себя крикъ: „остановись, остановись!“ Онъ оглядывается и видитъ нищаго. „Чего „ты отъ меня хочешь? сказалъ онъ; еще „разъ говорю тебѣ, что у меня нѣтъ де„негъ.“—Такъ, отвѣчаетъ нещастный; но возьми отъ меня свой кошелекъ, который ты выронилъ: вотъ онъ!— „Отъ чего же ты не взялъ его себѣ? спросилъ Калифъ: въ немъ двѣ тысячи секиновъ, а это много значитъ для такого бѣдняка какъ ты.“—Ахъ! присвоивъ его, я потерялъ бы болѣе, нежели сколько нашелъ.—

„Какъ?“—Я бы сдѣлался богатъ, а поперялъ бы свою честность.—„Скажи мнѣ, кто ты?“—Я сынъ одного купца, и называюсь Аліемъ. Отецъ мой трудами своими кормилъ большое семейство, но вдругъ постигло его нещастіе, отъ котораго онъ въконецъ разорился.—„Какое нещастіе?“—Казнохранитель Калифа требовалъ отъ насъ множество разныхъ товаровъ: мы принуждены были войти въ долги, чтобъ исполнить его требованіе; но послѣ онъ отказался заплатить намъ, и мы лишились всего, что имѣли. Отецъ мой продалъ и домъ свой и лавку, чтобъ заплатить заимодавцамъ, и наконецъ умеръ съ печали, а я дошелъ до того, что долженъ просить милостыни, пока не найду себѣ работы.—„Ты просишь работы, сказалъ Калифъ; хорошо, ступай за мною: завтра я дамъ тебѣ дѣло.“ Нищій идетъ за Алманзоромъ, не зная куда его ведутъ, и не ожидая отъ него большой награды.

Пришедши во дворецъ, Калифъ приказалъ дать ему богатое платье, прекрасныя комнаты, и двадцать невольниковъ для услуги. Повелѣніе Калифа тотчасъ исполняется и бѣдный Алій не знаетъ, что подумать о своемъ приключеніи.

„Завтра, Алій, ты долженъ явиться въ диванъ, говоритъ ему Калифъ; теперь поди въ свои комнаты и успокойся: завтра будешь имѣть работу.“ Алій бросается къ ногамъ Калифа, хочетъ говорить съ нимъ, но не находитъ словъ для выраженія своей радости и благодарности. Онъ почитаетъ все случившееся съ нимъ за сновидѣніе и боится проснуться. Его ведутъ въ богатоубранные покои, гдѣ двадцать невольниковъ ожидаютъ почтительно его приказаній.

На другой день по утру Алій получаетъ повелѣніе явиться въ диванъ, но только въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ на камнѣ у мечети, и просилъ милостыни. „Увы! говорилъ онъ, одѣваясь опять въ рубище; щастіе мое кончилось очень скоро!“

Будучи приведенъ въ диванъ, увидѣлъ онъ Калифа, сидящаго на тронѣ и окруженнаго вельможами. Изумленный Алій повергается къ ногамъ его, и долгое время остается въ семъ положеніи, подобно опрокинутой статуѣ. „Встань, сказалъ ему Калифъ, я обѣщалъ дать тебѣ работу, и хочу сдержать свое слово.“ Потомъ, обращясь къ окружавшимъ его: „я

давно ищу, продолжалъ онъ, человѣка, который бы могъ быть моимъ Казнохранителемъ. Мнѣ хотѣлось поручить эту должность тому, кто предпочтетъ честность богатству, и избираю Алія. Пусть оказываютъ ему всѣ почести, сопряженныя съ его саномъ; я жестоко накажу тѣхъ, которые не будутъ почитать этого добродѣтельнаго человѣка. А ты, Алій, ступай надѣнь платье приличное твоему чину, и послѣ возвратись ко мнѣ: я разскажу тебѣ, въ чемъ состоитъ твоя должность. Теперь ты видишь, что я исполнилъ свое обѣщаніе, и далъ тебѣ хорошую работу.“

Калифъ Гіафарь никогда не раскаявался въ своемъ выборѣ. Въ короткое время сокровищницы его наполнились несмѣтнымъ богатствомъ. Жители Багдада и все Государство стали благословлять мудрое и справедливое управленіе Алія.

Между тѣмъ всѣ подлыя ласкательства знатныхъ и придворныхъ сдѣлались несносны Алманзору; онъ живо чувствовалъ необходимость имѣть друга, который бы былъ столь мужественъ и вѣренъ, что не страшился бы открывать

ему истину; но гдѣ найти такого человѣка? Какъ увѣриться въ немъ, и различить правду отъ лжи, когда говорящій имѣетъ столько выгоды лгать? Вотъ способъ, который онъ употребилъ.

Жилъ въ Багдадѣ человѣкъ, написавшій книгу: *о должностяхъ Государей.* Онъ назывался Елаимъ. Книга его возбудила великое любопытство въ народѣ, который всегда любитъ судить издалека о достоинствѣ Государей, и которому очень пріятно, ежели дѣлаютъ имъ наставленія. Книга его тѣмъ больше сдѣлала впечатлѣнія, что въ ней замѣчали весьма смѣлыя мѣста, которыя, казалось, прямо относились на первые годы царствованія Абу-Гіафара. Калифу безпрестанно совѣтовали сжечь книгу и посадить на колъ сочинителя, дерзнувшаго охуждать поступки своего Государя; но онъ не наказывалъ Елаима, котораго однакожъ совсѣмъ не зналъ, и который никогда не былъ при дворѣ.

Въ одинъ вечеръ Абу-Гіафаръ приказываетъ призвать Елаима, и въ то же время велитъ придти девяти придворнымъ, которые всегда хвалились приверженностію къ своему Государю. Калифъ

надѣваетъ на пальцы свои по алмазу чрезвычайной величины. „Я собралъ всѣхъ васъ, говоритъ онъ придворнымъ, въ надеждѣ, что вы скажете мнѣ правду. Вы видите эти алмазы; они будутъ наградою за слова ваши; но я требую, чтобъ вы говорили истину. Скажите, что вы думаете о моемъ могуществѣ и славѣ?“ Придворные, ослѣпленные блескомъ и величиною алмазовъ, начинаютъ одинъ передъ другимъ выхвалять Алманзора; они отдаютъ ему преимущество предъ всѣми героями, которые когда либо существовали; восхищаются его великодушіемъ, разумомъ и любовью къ наукамъ; съ восторгомъ говорятъ о всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, словомъ сказать, возносятъ его столь высоко, что не могли бы найти достойныхъ выраженій для прославленія величія и славы Бога.

Калифъ снимаетъ съ пальцовъ своихъ девять алмазовъ, и раздаетъ ихъ девяти придворнымъ, которые столь много его похвалили. Потомъ, обратясь къ Елаиму, сказалъ ему: „по чему ты не говоришь ни слова? Развѣ ты не хочешь получить алмазъ, который у меня остался?“—Государь, отвѣтствуетъ Ела-

имъ улыбаясь, можно купить ложь и лесть, а не истину: она не продается.— „Но что же думаешь ты о моей силѣ и славѣ?“ спросилъ Калифъ. — Я думаю, отвѣчалъ Елаимъ, что ты не иное что какъ человѣкъ, который слабъ подобно всѣмъ намъ, и который единымъ дуновеніемъ Всевышняго можетъ быть обращенъ въ прежнее свое ничтожество.

При сихъ словахъ придворные глядятъ другъ на друга въ величайшемъ изумленіи; они не смѣютъ смотрѣть на злощастнаго, который дерзнулъ произнести такія безразсудныя слова, и ожидаютъ въ ужасѣ, что будетъ отвѣчать Калифъ. Абу-Гіафаръ беретъ за руку Елаима и говоритъ ему: „Я не дамъ тебѣ десятаго алмаза, ибо ты самъ сказалъ, что истины купить нельзя. Но истину можно наградить дружбою и довѣренностію. Будь всегда при мнѣ; я нашелъ друга, въ которомъ сердце мое давно имѣло нужду.“ Отпустивъ отъ себя изумленныхъ придворныхъ, Калифъ остается съ Елаимомъ, для котораго назначаетъ жилище въ своихъ чертогахъ.

На другой день, девяшеро придворныхъ, по обыкновенію, приходятъ изъя-

вить почтеніе свое къ Калифу. У всѣхъ на рукѣ видны прекрасные алмазы, полученные на канунѣ отъ Алманзора. „Довольны ли вы моими подарками?“ — спрашиваетъ ихъ Калифъ.—Повелитель Правовѣрныхъ! отвѣчаютъ придворные, не столь дорога для насъ жизнь наша, какъ эти алмазы, потому что мы получили ихъ отъ тебя. Но позволь, Государь, открыть тебѣ, что купецъ, у котораго куплены алмазы, обманщикъ.—„Почему?“— Они поддѣланные.—„Такъ что-жъ? сказалъ Калифъ со смѣхомъ, неужели вы думаете, что я этого не зналъ? Вы говорили мнѣ несправедливыя похвалы, а я наградилъ васъ поддѣланными алмазами. Вы не можете жаловаться: я отплатилъ вамъ тою же монетою.“

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, Калифъ, бывшій въ войнѣ съ Царемъ Персидскимъ, имѣлъ нужду въ храбромъ и честномъ человѣкѣ, которому бы можно было поручить одно важное и тайное дѣло. Весь успѣхъ войны зависѣлъ отъ сего дѣла, а малѣйшая измѣна могла все испортить. Цѣлую недѣлю Калифъ былъ въ нерѣшимости, не зная кому поручить его. Въ это время привели въ Багдадъ

пять сотъ человѣкъ, которые за сдѣланный ими въ одной области бунтъ, осуждены были на смертную казнь. Извѣстно было, что изъ нихъ двѣсти человѣкъ убѣжали съ мѣста сраженія, но будучи со всѣхъ сторонъ окружены воинами Калифа, принуждены были сдаться; прочіе же триста не хотѣли бѣжать и долгое время защищались съ чрезвычайнымъ упорствомъ. — Случилось, что Калифъ проходилъ по тому самому мѣсту, гдѣ должно было казнить мятежниковъ. Онъ остановился, и, какъ будто тронутый симъ зрѣлищемъ, сказалъ: „Я прощаю всѣхъ тѣхъ, которые бѣжали: пусть подойдутъ они ко мнѣ.“ Услышавъ это, всѣ бросаются къ Калифу: только одинъ остается на своемъ мѣстѣ. Почему ты не подражаешь своимъ товарищамъ?“ говоритъ ему удивленный Абу-Гіафаръ. — Я раскаяваюсь въ своемъ поступкѣ, но не хочу подражать робкимъ, отвѣчаетъ воинъ. — „Но я говорю, что прощаю всѣхъ, которые бѣжали.“ — Я не бѣжалъ. — „Безразсудный, для чего отказываешься сдѣлать то, что можетъ спасти твою жизнь?“ — Для того, что буду подлецъ и трусъ, ежели это сдѣлаю. — „Наконецъ я

нашелъ человѣка, котораго искалъ, восклицаетъ Калифъ. Я прощаю тебя, и твое великодушіе не останется безъ награды.“ Онъ уводитъ съ собою воина, и поручаетъ ему дѣло, для котораго нуженъ былъ человѣкъ отважный и предпочитающій всему честь свою. Калифъ не ошибся въ своемъ выборѣ; воинъ удачно исполнилъ сдѣланное ему порученіе, Персіане были побѣждены, и Абу-Гіафаръ сдѣлалъ его напослѣдокъ предводителемъ своего войска.

„Государь! продолжалъ Морадъ, я могъ „бы разсказать тебѣ множество проис„шествій, изъ которыхъ ты увидѣлъ бы „какъ хорошо умѣлъ Калифъ Абу Гіафаръ „узнавать достоинства людей; но, опа„саясь тебѣ наскучить, я упомяну еще „только объ одномъ случаѣ.“

Умеръ Великій Иманъ. Никто не зналъ кого выберетъ Калифъ на его мѣсто. Всякой Иманъ добивался до сего почтеннаго сана; всякой просилъ чрезъ своихъ покровителей Калифа; но онъ отложилъ выборъ въ Великіе Иманы до тѣхъ поръ, пока время и обстоятельства не покажутъ ему человѣка, который былъ бы достоинъ занять эту должность, пре-

бующую всѣхъ добродѣтелей.

Каждый день ходилъ онъ переодѣтый по Багдаду; бывалъ въ каравансераяхъ, и въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ; разспрашивалъ всѣхъ, чтобъ узнать кого желаетъ народъ имѣть Великимъ Имаиомъ, и одаренъ ли этотъ человѣкъ тѣми качествами, которыя необходимы для сего званія.

Прошло двѣ недѣли, но Калифъ ничего еще не узналъ. Напослѣдокъ, прогуливаясь ввечеру, онъ увидѣлъ трехъ Дервишей, которые разговаривали другъ съ другомъ. Онъ подошелъ къ нимъ и услышалъ, что каждый изъ нихъ говорилъ чего бы пожелалъ онъ болѣе всего на свѣтѣ, естьли бы зналъ, что желаніе его исполнится. Признаюсь, говорилъ одинъ, мнѣ бы ничего такъ не хотѣлось, какъ быть Великимъ Визиремъ: славное мѣсто! — А я многаго не желаю, говорилъ другой: я бы хотѣлъ быть только Калифомъ. — Третій Дервишъ не говорилъ ничего; но побуждаемый своими товарищами объявить то, чего онъ желаетъ: „Друзья мои, отвѣчалъ имъ, ваше честолюбіе не велико; мое желаніе столько превышаетъ ваше, сколько небо выше

земли. Естьли бы я обладалъ цѣлымъ свѣтомъ, то и тогда пожелалъ бы еще одного сокровища, которое всего драгоцѣннѣе.“ Сіи слова возбуждаютъ любопытство въ двухъ Дервишахъ.—Какое же это сокровище, спрашиваютъ они, которое можно предпочесть всѣмъ драгоцѣнностямъ и всякому величію? — „Послѣ славы и вѣчнаго существованія святой нашей вѣры, сказалъ третій Дервишъ, я всего болѣе желаю владѣть хотя половиною тѣхъ добродѣтелей, той премудрости и того благочестія, которыя украшаютъ святаго пустынника, почтеннаго Гуссейна.“ — Мы въ первый разъ еще слышимъ объ этомъ пустынникѣ, говорятъ Дервиши. — „Не удивительно, любезные братья, вы чужестранцы. Гуссейнъ удалился отъ міра; онъ на тридцатомъ году разстался на всегда съ суетными удовольствіями свѣта, чтобъ посвятить себя Богу, и совершенно предаться изученію святой нашей вѣры. Каждой день посѣщаетъ его великое число людей въ той пещерѣ, которую онъ самъ сдѣлалъ въ отлогости горы, неподалеку отъ Багдада. Тамъ проповѣдуетъ онъ Алкоранъ съ величайшимъ краснорѣ-

чіемъ; уже слава о чудесахъ его распространяется въ отдаленныхъ мѣстахъ: ибо подобная добродѣтель не можетъ долго оставаться въ неизвѣстности.“— Намъ очень любопытно видѣть сего святаго мужа, сказали два Дервиша. — Это отъ васъ зависитъ, отвѣчалъ третій Дервишъ. Завтра мы посѣтимъ его, если желаете: при восхожденіи солнца придите къ дверямъ большой мечети; я буду тамъ дожидаться васъ, и мы вмѣстѣ отправимся въ путь.

Дервиши расходятся. Калифъ, возвратясь во дворецъ, приказываетъ позвать къ себѣ Великаго Визиря, и говоритъ ему: завтра, до восхожденія солнца, ступай къ дверямъ большой мечети; тамъ найдешь ты Дервиша, и тотчасъ приведи его ко мнѣ.

Приказаніе исполнено. На другой день Визирь приводитъ къ Алманзору Дервиша, котораго нашелъ у мечети ожидающаго своихъ товарищей. „Дервишъ, сказалъ ему Абу-Гіафаръ, мнѣ очень хвалили пустынника Гуссейна, и я думаю, что онъ одинъ можетъ занять мѣсто Великаго Имана. Поди къ нему, и скажи отъ моего имени, что слава о его добродѣте-

лахъ достигла и до меня, и что я хочу наградить его.“ Сказавъ сіе, Калифъ призываетъ Визиря и даетъ ему повелѣніе проводить Дервиша со многочисленною свитою.

Добрый Дервишъ былъ внѣ себѣ отъ радости, что можетъ объявить такую пріятную новость Гуссейну. Онъ желалъ бы имѣть въ семъ случаѣ крылья, чтобъ скорѣе увидѣть почтеннаго старца. Наконецъ онъ приближается къ сей пещерѣ, обители мудрости и благочестія. Онъ видитъ пустынника окруженнаго толпою слушателей, которые съ восхищеніемъ внимаютъ спасительнымъ его поученіямъ. Дервишъ бросается къ нему въ объятія, и указывая на Визиря идущаго съ своею свитою, объявляетъ ему волю Калифа. Святый мужъ, поднявъ руки къ небу, восклицаетъ: „да будетъ благословенъ Алла! пойдемъ, сынъ мой, пойдемъ. Я горю желаніемъ повергнуться къ стопамъ великаго Повелителя Правовѣрныхъ, который съ престола славы своей удостоиваетъ меня милостивымъ своимъ взоромъ.“

Скоро новость сія распространяется въ толпѣ народа, окружавшей Гуссей-

на. Радостныя восклицанія раздаются въ воздухѣ, и со всѣхъ сторонъ слышны слова: да будетъ благословенъ Алла, святой Гуссейнъ сдѣланъ Великимъ Иманомъ Багдадскимъ.“

Между тѣмъ пустынникъ, въ сопровожденіи Визиря и добраго Дервиша, вступаетъ въ Багдадъ и идетъ прямо къ чертогамъ Калифа, который ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Подошедъ къ Гуссейну: „я много слышалъ, говоритъ онъ ему, о твоихъ добродѣтеляхъ и благочестіи; представляя въ лицѣ моемъ Пророка, я долженъ наградить тебя. Скажи мнѣ, почтенный Гуссейнъ, что составляетъ предметъ твоихъ желаній?“

Гуссейнъ бросается на колѣни передъ Калифомъ, и положивъ руки крестообразно на грудь, Великій Государь: солнце мудрости и добродѣтели! говоритъ онъ Алманзору: — признаюсь тебѣ чистосердечно, что ничего болѣе не желаю какъ быть Великимъ Иманомъ. — „Какъ? только въ этомъ состоитъ твое желаніе? спрашиваетъ Калифъ съ усмѣшкою.“ Повелитель Правовѣрныхъ! я почту себя щастливѣйшимъ человѣкомъ, ежели получу это мѣсто.—„Хорошо! сказалъ

Калифъ съ кротостію. Эта важная должность будетъ дана не тебѣ; но тому кто болѣе всего желалъ, чтобы вѣра наша вѣчно сохранила свою славу, и чтобы онъ имѣлъ часть тѣхъ добродѣтелей, которыя въ тебѣ предполагалъ."

Пристыженный Гуссейнъ возвратился въ пустыню, а добрый Дервишъ былъ сдѣланъ Великимъ Иманомъ, и до конца жизни своей служилъ примѣромъ добродѣтели.

Изъ сего повѣствованія, продолжалъ мудрый Морадъ, ты видишь, Государь, что Калифъ Абу-Гіафаръ-Алманзоръ очень хорошо зналъ человѣческое сердце. „Слова наши, говорилъ онъ, часто бываютъ намъ внушаемы страхомъ, притворствомъ, легкомысліемъ и корыстолюбіемъ. Мы не всегда можемъ владѣть своими поступками. Не часто ли увлекаемся мы, противъ воли нашей минутною страстію, необходимостью, и тою таинственною силою, которая, кажется, управляетъ подсолнечною, и которую мы, по невѣжеству своему, называемъ *случаемъ*. И такъ не по словамъ и поступкамъ людей, должно судить о ихъ достоинствѣ, но по истинной цѣнѣ

шѣхъ вещей, которыя они почитаютъ.“ Слѣдуя этому правилу, нельзя обмануться: ибо оно не имѣетъ исключенія.

Съ фр. Н.

Воспитаніе Венеры.

(Изъ Lettres à Emilie sur la Mythologie.)

Извѣстно, что воспитаніе Венеры поручено было Часамъ на островѣ Кипрѣ; извѣстно также и то, что тогдашнее воспитаніе совсѣмъ не походило на нынѣшнее. Тогда требовали отъ женщины, чтобъ она была прекрасна безъ гордости, любезна безъ кокетства, и умна безъ тщеславія; чтобъ она была вѣрною любовницею, доброю супругою и нѣжною матерью. На сихъ-то правилахъ поступали Часы воспитывая Венеру.

Лишь Аврора появлялась,
Прилеталъ Часъ первый къ ней,
И Венера пробуждалась
Вмѣстѣ съ утренней зарей.

Часъ второй цвѣты душисты
Ей съ собою приносилъ,
И власы ея волнисты
Убирая говорилъ:
„Презирай искуствъ уборы,
„И оставь ихъ для дурныхъ:
„Кротость и стыдливы взоры
„Есть убранство лѣтъ твоихъ.
„Темный облакъ да скрываетъ

„Прелестей твоихъ соборъ,
„Да ни чей не проницаетъ
„Сквозь покровъ сей дерзскій взоръ;
„Красота почтенна болѣ, —
„Есть таковъ въ любви законъ —
„Чѣмъ она желаньямъ, волѣ
„Ставишъ болѣе препонъ.

Третій Часъ плодовъ кошницу
И млеко ей предлагалъ;
А четвертый Часъ Царицу
Изъясняться научалъ:
„Острословьемъ не прельщайся,
„Что бы умницей прослыть,
„Лишь *пріятно* ты старайся,
„А не *много* говорить.
„Разговоры тѣ прекрасны,
„Та бесѣда хороша,
„Съ чувствомъ гдѣ слова согласны,
„И въ словахъ видна душа.

Часъ пятый сердце въ ней образовать желая,
Училъ какъ съ нѣжностью она любить должна;
Жеманство, хитрости, притворство изгоняя,
Чистосердечія въ немъ сѣялъ сѣмена.
„Люби! твой долгъ любить! онъ говорилъ прекрасной,
„Люби! но берегись во зло употребить
„Отличну выгоду красавицею быть;
„И естьли возгоришь къ кому любовью страстной,

„Пребудь тому вѣрна;
„Старайся никогда не быть обольщена
„Желаньемъ льстивымъ
„Толпу любовниковъ имѣть,
„И щастье то цѣни превыше всѣхъ побѣдъ,
„Что можешь одного содѣлать ты щастливымъ.

Шестой Часъ говорилъ
Кипридѣ юной тоже,
„Что всѣхъ вздыхателей дороже
„Быть долженъ другъ одинъ, который сердцу милъ.
„Любовь для юности щастливой,
„А дружба нѣжная всѣмъ возрастамъ дана.
„Хотъ трудно — женщинѣ быть должно молчаливой.
„Будь осторожна и скромна.
„Жестоко измѣнять тому, кто намъ ввѣряетъ
„Надежду, щастіе, иль горести одни,
„И естьли тайну кто съ тобою раздѣляетъ,
„Ты какъ священнѣйшій залогъ ее храни.
„Сердечной тайны разглашенье
„Есть въ дружбѣ преступленье.

Три послѣдующіе Часа говорили ей о состраданіи къ нещастнымъ, о обязанностяхъ супруги и матери:

„Едва вселенна началась,
„Ужъ былъ нещастныхъ слышенъ гласъ;
„Брегися къ бѣдности оказывать презрѣнье,
„Не лучшеель изъ свойствъ боговъ — благотворенье?

„Ахъ! естьлибъ знала ты,
„Какъ мило посѣщать убогихъ хижинъ кровы,
„Людей, которыхъ рокъ суровый
„Томишься осудилъ подъ игомъ нищеты;
„Вздыхать и плакать вмѣстѣ съ ними,
„Ихъ горести—щитать своими,
„И соучастіемъ такимъ
„Давать почувствовать страдальцамъ бѣднымъ симъ,
„Что въ свѣтѣ и объ нихъ жалѣютъ,
„И что нещастные еще друзей имѣютъ.
„Красавицы рука тогда еще милѣй,
„Когда дождитъ благотворенье.
„Что ваши прелести, побѣды, наслажденье,
„Предъ наслажденьемъ тѣмъ, какое другъ людей
„Вкушаетъ въ жизни сей?

„Когда ты изберешь супруга,
„И въ вѣрности къ нему произнесешь обѣтъ,
„Люби его всегда какъ истиннаго друга,
„Пусть щастье дней его тобой одной цвѣтетъ.
„Покоится ли онъ въ твоихъ объятьяхъ нѣжныхъ?
„Ты бодрствовать должна, хранить его покой.
„Томится ль скорбію? печалей сонмъ мятежныхъ
„Отъ сердца отгонять есть долгъ священный твой.
„Пусть онъ найдетъ вездѣ съ тобой

„Забавы, радости всечасны,
„Пріятный воздухъ, дни прекрасны.
„Симъ средствомъ можешь ты снискать его любовь.
„Но естьли всѣ твои отвергнувъ попеченья
„Жестокій измѣнить готовъ,
„Упреками ему не дѣлай огорченья;
„Собою вѣрности примѣръ потщися дать,
„И тѣмъ принудь себѣ невольно подражать.
„Когда же онъ твоимъ примѣромъ убѣдится
„И съ нѣжною къ тебѣ любовью обратится,
„Пусть на устахъ твоихъ
„Улыбку радости найдетъ при возвращенье
„А въ сердцѣ и душѣ—прощенье.
„Мущинамъ нравятся, когда ласкаютъ ихъ.
„Старайся мысль его проникнуть сокровенну
„И малой нѣжности своей умѣй дать цѣну.
„Противуполагай
„Спокойство ярости, надменности смиренье,
„Невинность ревности, угрозамъ снисхожденье,
„Покорствуя повелѣвай,
„И власти своея ты утверди основы,
„На кротости и на любови.

„Нѣкогда настанетъ время,
„Ты Киприда будешь мать;
„Не щитай себѣ за бремя
„Плодъ сама свой воспитать.
„Дни тобою проведенны
„Въ этой должности святой,
„Не пройдутъ ненагражденны

„Новыхъ радостей цѣной.
„Чѣмъ кто болѣе трудится
„И заботы понесетъ,
„Большимъ благомъ насладится,
„Больше радостей пожнетъ.
„Твой питомецъ то докажетъ,
„Лежа у груди твоей;
„Онъ одной тебѣ окажетъ
„Знаки нѣжности своей.
„Ахъ! сколь будешь восхищаться,
„Первая увидѣвъ ты,
„Какъ въ немъ станутъ распускаться
„Дарованія цвѣты.
„И, взирая съ удивленьемъ
„На красу его лица,
„Ты замѣтишь съ умиленьемъ
„Сходство съ нимъ его отца.
„Тутъ - то радостно забьется
„Сердце нѣжное твое,
„Что въ чертахъ его найдется
„Кто ему далъ бытіе.

Такимъ образомъ сіи мудрые наставники занимались образованіемъ сердца и разума юной своей воспитанницы до того времени, въ которое Часъ молитвы водилъ ее во храмъ.

Съ потупленными внизъ очами,
Съ челомъ украшеннымъ цвѣтами,
Киприда приходила въ храмъ
Съ мольбой сердечною къ богамъ.

Межъ тѣмъ, какъ жертва приносилась
И дымъ всходилъ отъ олтарей,
Она душею возносилась
Къ безсмертному Царю царей.

Изъ храма послѣдующій Часъ велъ ее въ мирповую сѣнь.

Тамъ при тихомъ водъ теченьи,
Древъ подъ тѣнію густой,
На дерновомъ возвышеньи,
Ей природою самой
Въ снѣдь трапеза предлагалась.
Цѣпь цвѣточна извивалась
По вѣтвямъ древесъ вокругъ.
Тутъ веселость оживляла
Собесѣдующихъ кругъ,
А невинность предсѣдала
Съ нею искренность сама,
Скромность, простота святая,
И умѣренность златая,
Мать здоровья, дщерь ума.

Вскорѣ Часы прогулки и труда занимали Венеру одинъ послѣ другаго.

То по лугамъ цвѣты срывала,
Гуляя средь младыхъ подругъ,
И тамъ, гдѣ только пробѣгала
Цвѣтами испещрялся лугъ;
То возвратясь она съ проворствомъ непонятнымъ
Садилась за шитье съ Минервиной иглой,
Умѣя съединять искусною рукой
Полезное съ пріятнымъ.

Слѣдующіе Часы давали знакъ къ пляскамъ и пѣнію. — Между тѣмъ, какъ Киприда плясала, ей говорили:

„Не тщись поддѣлывать прикрасами пустыми
„Природныхъ прелестей своихъ,
„Кто слишкомъ гонится за ними,
„Тотъ удаляется отъ нихъ.

Когда богиня отдыхала, наставники ея иногда садились подлѣ нее, и давая замѣтить радость, оживляющую все собраніе, говорили ей:

„Средь небожителей, въ селеніяхъ эфирныхъ,
„Киприда! нѣкогда ты вспомнишь, можетъ быть,
„О нашихъ праздникахъ и о забавахъ мирныхъ.
„Ахъ! возвратись тогда къ намъ жить,
„Въ сіи лѣса уединенны,
„Покоемъ огражденны.
„Приди на брегъ сего ручья срывать цвѣты,
„Приди почить подъ тѣ кусты,
„Которые тебя покоили въ младенствѣ,
„Тутъ будешь ты мечтать въ блаженствѣ,
„Тутъ въ радостный восторгъ придетъ твоя душа;
„Свободнѣе дыша,
„Тутъ взоръ найдетъ твой восхищенный
„Луга нещетными цвѣтами испещренны,
„Свѣтлѣе небеса, прозрачнѣй ручейки,
„Тѣнистѣе лѣса и тише вѣтерки,
„Тутъ вспомнивъ ты о прежней долѣ,
„Прольешь источникъ слезъ,

„Которыхъ жители небесъ
„Не проливаютъ болѣ;
„Но сердцу твоему та будетъ грусть мила
„И ты почувствуешь въ душевномъ умиленьи,
„Что можно находить пріятность въ сожалѣньи
„О дняхъ, въ которые ты щастлива была.

Часъ пѣнія прерывалъ сіи разговоры. Надобно думать, что искусство пѣть было тогда еще далеко отъ своего совершенства, ибо Венера довольствовалась однимъ живымъ выраженіемъ любви, радости или печали, не сопровождая его ни быстрымъ обращеніемъ глазъ, ни кривляньемъ, и, что покажется безъ сомнѣнія страннымъ, внятно произносила слова и пѣла для тѣхъ, которые ее слушали. Вы конечно догадаетесь, что при такихъ смѣшныхъ обычаяхъ, пѣсни ея были весьма просты, и не стоили послѣдняго сочиненія новыхъ нашихъ Анакреоновъ. Вотъ отрывокъ, который осмѣлился я перевести, чтобъ дать легкое о нихъ понятіе.

Нимфы! пусть въ глазахъ прелестныхъ
Вашихъ огнь любви горитъ,
Какъ царя свѣтилъ небесныхъ
Въ лонѣ водъ кристальныхъ видъ.

Не давайте клятвъ напрасныхъ,
Вы любовникамъ, для нихъ
Слово вашихъ устъ прекрасныхъ
Слаще меду пчелъ младыхъ.

*

Но притворно увѣренье,
И обманчивы слова
Для сердецъ ихъ есть мученье,
Горче чѣмъ полынь трава.

*

Принимайте вы ихъ слезы
Въ жертву вашея красы, —
Какъ пріемлютъ нѣжны розы
Перлы утренней росы.

*

Уступайте имъ — но волѣ
Знайте мѣру положить,
И всего старайтесь болѣ
Вашей цвѣтъ весны хранить.

За пѣніемъ слѣдовалъ умѣренный сельскій ужинъ, по окончаніи котораго послѣдній Часъ дня велъ Венеру въ бесѣдку, украшенную цвѣтами, гдѣ Морфей закрывалъ ей глаза. Тогда Часы ночи

Сбирали вкругъ ея толпою
Пріятны легки сны.
Киприда юная, блестящая красою,
Среди ночныя тишины

Въ невинности своей тогда мечтала,
Что будтобъ одного она
Любезнаго себѣ сыскала
И ввѣкъ была ему вѣрна.

Сіи наставленія сдѣлали воспитанницу Часовъ столь совершенною, что боги захотѣли видѣть ее, и увѣриться во всемъ томъ, что разсказывала о ней Молва. Завистники тотчасъ стали увѣрять, что Венеръ было много, и что прелести и душевныя качества всѣхъ ихъ приписывали одной. Это заблужденіе столько усилилось, что Цицеронъ, спустя пять или шесть тысячь лѣтъ передалъ его намъ. Его можно извинить: ибо и въ наше время многіе не вѣрятъ, чтобъ были на свѣтѣ совершенныя женщины.

П. Политковскій.

О личномъ достоинствѣ.

(Окончаніе.)

На лицѣ земномъ являются время отъ времени отличные, великіе люди, блистающіе своею добродѣтелію и знаменитыми свойствами, подобно симъ звѣздамъ необыкновеннымъ, которыхъ причины неизслѣдованы, и съ которыми неизвѣстно что бываетъ, когда онѣ сокроются. Не имѣютъ сіи люди ни предковъ, ни потомковъ, и сами составляютъ все свое поколѣніе.

Здравый смыслъ показываетъ намъ должность нашу и обязанность исполнять ее; онъ раждаетъ, въ опасности, мужество или его замѣняетъ.

Кто отличается въ искусствѣ своемъ и доводитъ оное до возможнаго совершенства, тотъ выходитъ изъ посредственнаго состоянія и равняется съ людьми благороднѣйшими и знаменитыми. В * есть живописецъ; С * музыкантъ; сочинитель Пирама стихотворецъ; но Миньяръ есть Миньяръ, Люлли есть Люлли, Корнель есть Корнель.

Человѣкъ умной, свободной и неженатой можетъ возвыситься надъ своимъ

состояніемъ; можетъ обращаться въ свѣтѣ и идти на равнѣ съ знатнѣйшими людьми; женатому это труднѣе. Супружество, кажется, ставитъ всякаго на свое мѣсто.

Надобно признаться, что по достоинствѣ личномъ, высокія почести и великіе чины болѣе всего даютъ знаменитость и блескъ людямъ, и кто не можетъ быть Эразмомъ, долженъ стараться попасть въ Епископы. Иные для распространенія своей славы, навьючиваютъ на себя чины, ордена, митрополіи, пурпуръ, самая тіара нужна была бы для нихъ; но Бенигну (*) надобно ли Кардинальство?

Золото, говоришь ты, блеститъ на Филемоновомъ платьѣ; блеститъ оно и у купцовъ. Кафтанъ на немъ изъ самой лучшей матеріи; хуже ли она разложенная въ лавкахъ и въ кускахъ? Но украшеніе и шитье увеличиваютъ великолѣпіе: похваленъ трудъ художника. Спросятъ ли у Филемона, который часъ: онъ вынимаетъ прекраснѣйшіе часы; эфесъ шпаги его изъ оникса; на пальцѣ у него большой,

(*) Benigne Bossuet, Evêque de Meaux.

настоящій, ослѣпляющій глаза бриліантъ. У Филемона есть всѣ бездѣлки, которыя носятъ или изъ тщеславія или по обыкновенію, и онъ столь же много жалуется на украшенія всякаго рода, сколько молодой человѣкъ, женившійся на богатой старухѣ. Наконецъ ты поселяешь во мнѣ любопытство; по крайней мѣрѣ драгоцѣнныя вещи посмотрѣть надобно: пришли ко мнѣ Филемоновы платье и вещи, а самъ онъ пусть у тебя останется.

Если думаешь, Филемонъ, пріобрѣсть большее уваженіе сею блестящею каретою, сею толпою слѣдующихъ за тобою негодяевъ, сею шестеркою скотовъ везущихъ тебя—обманываешься. Несоставляющій тебя приборъ отбрасываютъ въ сторону, хотятъ видѣть тебя—глупца.

Должно иногда прощать того, кто, окруженный многочисленною свитою, одѣтый въ богатое платье, сидя въ великолѣпной каретѣ, почитаетъ себя знатнѣе и умнѣе другихъ: онъ читаетъ это на лицѣ и въ глазахъ людей съ нимъ говорящихъ.

Человѣкъ, которой бываетъ при дворѣ и часто въ городѣ; у котораго

шелковая или Голландскаго сукна эпанча, широкой надъ брюхомъ поясъ, лучшаго сафьяну башмаки и скуфья, искусно сдѣланный и густо накрухмаленной крагенъ, тщательно причесанные волосы и румяныя щеки, который при томъ помнитъ нѣсколько метафизическихъ раздѣленій, изъясняетъ что есть свѣтъ славы и точно знаетъ какъ можно созерцать Бога: вотъ докторъ! Человѣкъ смиренный, погребенный въ кабинетѣ, проведшій всю свою жизнь въ размышленіи, въ изысканіяхъ, въ чтеніи, за сочиненіями: вотъ ученый!

У насъ воинъ храбръ, а статской человѣкъ ученъ: мы нейдемъ далѣе. У Римлянъ статской человѣкъ былъ храбръ, а воинъ ученъ: Римлянинъ былъ и воинъ и статской человѣкъ.

Кажется, что герой знаетъ одно искусство, военное; человѣкъ великой знаетъ все: онъ судья, воинъ, министръ, придворный; но тотъ и другой вмѣстѣ не споютъ добродѣтельнаго человѣка.

Въ войнѣ трудно различить героя съ великимъ человѣкомъ: оба имѣютъ всѣ воинскія добродѣтели. Однакожъ перваго я воображаю молодымъ, предпріимчивымъ,

храбрымъ, неустрашимымъ, твердымъ въ опасностяхъ; втораго мудрымъ, дальновиднымъ, опытнымъ, способнымъ на все. Можетъ быть Александръ былъ только герой, а Цесарь великій человѣкъ.

Эмилій родился такимъ, какими самые великіе люди дѣлаются съ помощію правилъ, размышленія и опытности. Въ дѣтствѣ ему нужно было пользоваться однѣми природными дарованіями и слѣдовать своему генію. Онъ поступалъ, дѣйствовалъ прежде нежели зналъ, или лучше онъ зналъ то, чему ни когда не учился: могу ли сказать, что дѣтскія его игры были побѣды? Чрезмѣрно щастливая жизнь съ продолжительною опытностію была бы славна только по тѣмъ дѣяніямъ, которыя совершилъ Эмилій въ своей юности. Онъ воспользовался всѣми къ побѣдѣ случаями, которыя или сами собою представлялись или произведены были его искусствомъ и щастливою его звѣздою: Эмилій удивителенъ какъ по исполненнымъ дѣламъ, такъ и по тѣмъ, которыя могъ бы исполнить. Объ немъ думали, что онъ не можетъ уступить непріятелю, что онъ не устрашится ни числа, ни

препятствій; что одаренъ великою, сильною, просвѣщенною душею, которая видѣла тамъ, гдѣ другія уже ничего не видали; что предшествуя легіонамъ, былъ для нихъ предзнаменованіемъ побѣды; что онъ одинъ былъ важнѣе многихъ легіоновъ; что онъ великъ въ щастіи, еще величественнѣе въ злополучіи: снятіе осады, отступленіе приносили ему еще болѣе чести, нежели побѣды. Онъ былъ славенъ и скроменъ; говорилъ съ одинакою пріятностію: *я побѣжалъ* и *мы побили*; былъ преданъ Государству, семейству, главѣ семейства своего; былъ искренень съ Богомъ и съ людьми; столь много удивлялся достоинствамъ, какъ будто бы самъ имѣлъ весьма малыя. Будучи справедливъ, простъ, великодушенъ, не имѣлъ только нѣкоторыхъ маловажныхъ добродѣтелей.

Чада Боговъ не подчинены, такъ сказать, правиламъ природы и служатъ какъ бы исключеніемъ изъ нихъ. Не ожидаютъ они почти ничего отъ времени и лѣтъ. Въ нихъ заслуги предшествуютъ возрасту. Они родятся знающими и становятся совершенными людьми скорѣе, нежели выходятъ изъ дѣтства обыкно-

венные люди.

Близорукіе, я хочу сказать, умы ограниченные, сжатые въ тѣсной сферѣ своей, не понимаютъ какъ можно имѣть всѣ дарованія, которыя бываютъ иногда въ одномъ человѣкѣ: гдѣ они видятъ пріятность, тамъ не предполагаютъ основательности; гдѣ видятъ красоту тѣлесную, легкость, гибкость, ловкость, тамъ не предполагаютъ душевныхъ дарованій, глубокомыслія, разсудка, мудрости. Они забываютъ, что Сократъ умѣлъ танцовать.

Нѣтъ столь совершеннаго, столь нужнаго для родныхъ своихъ человѣка, которой не имѣлъ бы недостатковъ уменьшающихъ объ немъ сожалѣніе.

Человѣкъ умный, съ откровеннымъ и прямымъ характеромъ можетъ попасть въ сѣти: онъ не думаетъ, что бы кто нибудь хотѣлъ для него разставлять ихъ и обманывать его; сія довѣренность дѣлаетъ его не весьма осторожнымъ и глупые насмѣшники могутъ напасть на него съ этой стороны. Но вторичное на него нападеніе будетъ безуспѣшно: такого человѣка можно обмануть только одинъ разъ.

Если я справедливъ, то всѣми силами буду стараться никого не обижать и особенно умнаго человѣка, когда я сколько нибудь люблю свою пользу.

Нѣтъ ничего столь тонкаго, столь простаго, столь малаго, изъ чего бы не были видны истинныя наши свойства. Глупецъ входитъ, выходитъ, садится, встаетъ, молчитъ, стоитъ, все дѣлаетъ не такъ какъ умной человѣкъ.

Я узналъ Мопса съ того времени, какъ онъ, не будучи знакомъ со мною, посѣтилъ меня. Мопсъ проситъ людей, которыхъ не знаетъ, сводитъ его къ другимъ, которые его со всѣмъ не знаютъ; онъ пишетъ къ женщинамъ, съ которыми лишь нѣсколько разъ повстрѣчался; вширяется въ кругъ почтенныхъ людей, которымъ не извѣстно кто онъ такъ, и тамъ, хотя ни кто не спрашиваетъ его, хотя онъ перерываетъ другихъ, Мопсъ говоритъ и много и смѣшно. Иногда приходитъ онъ въ собраніе, садится тамъ гдѣ стоялъ, не имѣя вниманія ни къ другимъ, ни къ самому себѣ; его сгоняютъ съ мѣста назначеннаго для Министра: онъ садится на Герцогское или Баронское; всѣ точно надъ нимъ

смѣются: одинъ Мопсъ важенъ, не улыбается. Сгоните собаку съ царскихъ креселъ, она лѣзетъ на кафедру проповѣдника, смотритъ на людей равнодушно, безъ замѣшательства, безъ стыда: она какъ и глупецъ ни отъ чего не краснѣетъ.

Цельзъ имѣетъ чинъ посредственный, но вельможи терпятъ его; онъ не ученъ, но съ учеными связи имѣетъ; въ немъ мало достоинствъ, но онъ знакомъ съ людьми весьма достойными; онъ незнающъ, но у него есть языкъ, который бы толмачу пригодился, и ноги, которыя переносятъ его изъ одного мѣста въ другое. Онъ рожденъ для посылокъ, для выслушанія и донесенія предложеній, это его должность. Онъ исполняетъ болѣе, нежели сколько ему поручено и ни кто не благодаритъ его; онъ миритъ людей, побранившихся при первомъ своемъ свиданіи; онъ имѣетъ успѣхъ въ одномъ дѣлѣ, а въ тысячѣ не получаетъ его; онъ приписываетъ всю славу успѣха себѣ и складываетъ вину на другихъ, если въ чемъ не успѣваетъ. Ему извѣстны всѣ слухи, всѣ городскія новости; онъ ничего не дѣлаетъ, а говоритъ и слушаетъ

что другіе дѣлаютъ, онъ вѣстовщикъ; онъ знаетъ даже семейственныя тайны; онъ проникаетъ не въ проницаемыя дѣла; скажетъ для чего этотъ выгнанъ, а тотъ возвращенъ; отъ чего побранились два брата и разсорились два Министра: первымъ не предсказалъ ли онъ печальныхъ слѣдствій ихъ ссоры? Не говорилъ ли послѣднимъ, что не продолжительна будетъ связь ихъ? Не при немъ ли сказаны были нѣкоторыя слова? Не участвовалъ ли онъ въ переговорахъ? Хотѣли ли вѣрить ему? Послушалили его? Кому говорите вы объ этихъ дѣлахъ? Кто болѣе Цельза участвовалъ въ сихъ придворныхъ интригахъ? Сталъ ли бы онъ увѣрять васъ, если бы то не была правда, если бы онъ этого не выдумалъ, если бы, по крайней мѣрѣ, не бредилъ о томъ? Принималъ ли бы Цельзъ на себя важный и таинственный видъ человѣка въ послы назначеннаго?

Менипъ есть ворона въ павлиныхъ перьяхъ: онъ не говоритъ, не чувствуетъ, а повторяетъ чувствованія и слова чужія; онъ не мыслитъ, а такъ хорошо пользуется чужимъ умомъ, что самъ первый въ томъ обманывается; онъ

думаетъ, что изъясняетъ собственное свое сужденіе, собственную свою мысль, а въ самомъ дѣлѣ есть только отголосокъ человѣка, съ которымъ онъ за минуту передъ тѣмъ разстался. Меніппъ можетъ имѣть цѣну на четверть часа: минуту долѣе, онъ опускается, упадаетъ, теряетъ небольшой блескъ, которымъ обязанъ былъ памяти и является въ настоящемъ видѣ. Только Меніппу неизвѣстно, сколь онъ низокъ предъ великими, предъ героями. Будучи неспособенъ знать какъ много можно имѣть ума, Меніппъ совершенно увѣренъ, что нѣтъ его умнѣе: видъ, поступь его показываютъ, что ему, относительно ума, ничего желать не остается, что онъ ни кому завидовать въ умѣ не долженъ. Онъ часто разговариваетъ самъ съ собою и не скрываетъ того: проходящіе смотрятъ на Меніппа; но онъ кажется занятъ важнымъ дѣломъ, кажется ему надобно дать какое нибудь рѣшительное опредѣленіе. Поклонитесь ему, онъ придетъ въ недоумѣніе, отплатитъ ли вамъ тѣмъ же или нѣтъ, и пока онъ размышляетъ, вы уходите уже изъ виду. Тщеславіе сдѣлало его честнымъ человѣкомъ, возвысило надъ са-

мимъ собою, заставило быть тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ. Смотря на него всякъ думаетъ, что онъ занимается только собою, что знаетъ какъ пристало къ нему платье, какъ къ лицу ему всѣ наряды, что онъ увѣренъ какъ глаза всѣхъ на него обращаются, какъ люди попеременно и непрестанно на него смотрятъ.

Кто желая сохранить стройность своего стана, не пьетъ вина и ѣстъ только одинъ разъ въ день, тотъ ни трезвъ, ни воздержанъ; кто желая избавиться отъ скучныхъ просьбъ бѣднаго друга, помогаетъ ему, тотъ покупаетъ свой покой, а не можетъ назваться щедрымъ. Побужденіе даетъ цѣну человѣческимъ дѣяніямъ, а безкорыстіе вѣнецъ.

Ложное величіе дико и неприступно: чувствуя слабость свою, оно скрывается; по крайней мѣрѣ нельзя видѣть его совершенно, а токмо сколько ему нужно, чтобы казаться важнымъ и не тѣмъ что оно есть, совершеннымъ ничтожествомъ. Величіе истинное непринужденно, любезно, обходительно, просто. Оно позволяетъ къ себѣ прикасаться, позволяетъ управлять собою и не теряетъ

ничего, когда смотрятъ на него въ близи: чѣмъ болѣе познаютъ его, тѣмъ болѣе ему удивляются. Изъ добродушія оно склоняется къ низшимъ и безъ усилія принимаетъ прежній видъ. Оно иногда забывается, не радитъ о себѣ, не радитъ о собственныхъ своихъ выгодахъ, ибо знаетъ, что всегда можетъ войти въ права свои и возвратитъ имъ истинную цѣну. Оно смѣется, играетъ и шутитъ, не унижая себя. Къ нему подходишь смѣло и съ осторожностію. Оно благородно и снисходительно, внушаетъ почтеніе, довѣренность и производитъ то, что Цари будучи въ глазахъ нашихъ велики и весьма велики, не заставляютъ насъ чувствовать сколь мы передъ ними малы.

Честолюбіе вылѣчиваетъ мудраго отъ честолюбія. Онъ имѣетъ столь великую цѣль, что не можетъ ограничиться ни богатствомъ, ни чинами, ни щастіемъ, ни милостями знатныхъ. Сіи малозначущія, тщетныя, ненадежныя выгоды не могутъ наполнить его сердца, не могутъ его соблазнить, ему даже трудно не презирать ихъ. Единое благо, которое могло бы прельстить его, есть слава, пріобрѣтаемая непорочною, чистою добродѣте-

лію; но между людьми нельзя заслужить ее, и мудрый за нею не гоняется.

Тотъ добръ, кто дѣлаетъ добро другимъ; если гонятъ его за добрыя дѣла, то онъ весьма добръ; если гонятъ его тѣ, которымъ онъ сдѣлалъ сіе добро, то доброта его можетъ увеличиться съ увеличеніемъ гоненій; если онъ умираетъ отъ нихъ: добродѣтель его не могла простираться далѣе: она героическая, совершенная.

Василій Перевощиковъ.

Выздоровленіе,

Ода, почерпнутая изъ молитвы Езекіи.
Исаіи Гл. 38.

Я зрѣлъ: мои печальны лѣта
Сливались вѣчности съ рѣкой,
И дней моихъ среди разсвѣта
Клонился я на западъ мой;
Мнѣ гробъ ужасный отверзался,
Бѣжалъ отъ глазъ отрадный свѣтъ;
Вотще въ глубокой тьмѣ старался
Я дней увядшихъ видѣть слѣдъ.

*

Твоя десница, Боже вѣчный,
Опять къ себѣ свой даръ берешъ,
И дни сей жизни скоротечной
Тобой сотканны мнѣ, сѣчешъ;
Послѣднее мое свѣтило
Восходитъ въ горни высоты,
Твое дыханье отдѣлило
Меня живущихъ отъ среды.

*

Твоимъ дыханьемъ восхищенный,
Взношусь я отъ страны земной,
Какъ стебля своего лишенный
Несется вихремъ листъ сухой;
Недугъ, какъ тигръ неумолимый,
Во мнѣ всѣ кости сокрушилъ;
Покой—ниже на мигъ единый,
Меня въ страданьи не живилъ.

Надежды болѣ лучь не блещетъ,
Томлюсь я въ страхѣ и слезахъ
Какъ ласточица, что трепещетъ
У гладна ястреба въ когтяхъ;
Я жду кончины какъ ограды,
Какъ вожделѣннаго добра,
И плачемъ утомленны взгляды
Не обращаю вкругъ одра.

*

Объятъ болѣзнію жестокой,
Я наступавшей ночи рекъ:
„О ночь! во тьмѣ своей глубокой
„Меня поглотишь ты на вѣкъ!“
Я къ восходящей рекъ денницѣ,
Когда отъ ней бѣжала тѣнь:
„Увы, на свѣтлой колесницѣ
„Ты мой ведешь послѣдній день!“

*

Душа моя покрылась мракомъ
И ужасъ сердце оковалъ,
Объятъ отчаяньемъ и страхомъ,
Въ послѣдни къ Богу я воззвалъ:
Съ предѣла моея гробницы
Услыши, Господи! мой гласъ;
Ужасна месть Твоей десницы,
Пошли въ отраду смертный часъ!

*

Не презрѣлъ Онъ моленій слезныхъ,
Роптанье грѣшнаго внушилъ,
Коснулся краемъ ризъ чудесныхъ,
Отъ сердца муки удалилъ;

Онъ днямъ моимъ велѣлъ простерши
Еще далеко свой предѣлъ,
И въ ужасахъ грозящей смерши
Мнѣ жизнь отрадну зрѣть велѣлъ!

*

Твою, мой Богъ, пускай вселенна
Во мнѣ чудесну благость зритъ,
Твоя десница, мнѣ враждебна,
На мѣсто казни жизнь даритъ!
Твоей щедроты въ прославленье,
Для памяти чудесъ Твоихъ,
Ты пробавляешь дней теченье
Минутныхъ странниковъ земныхъ.

*

Нѣтъ, нѣтъ, мой Боже и Создатель,
Премудрость, благость безъ границъ!
Величья Твоего вѣщатель
Не ужасъ тлѣющихъ гробницъ!
Не смерть, что ихъ съ улыбкой злобной
Вокругъ разсѣянными зритъ;
Но персть, что подъ доскою гробной
Къ Тебѣ надеждою горитъ.

*

Но тѣ, которые со мною,
Теперь отъ ней искуплены:
Изъ рода въ родъ своей хвалою
Тебя прославятъ ихъ сыны,
Твое владычество всемѣстно!
Я самъ пойду, всемощный Царь,
Возставленный Тобой чудесно,
Обнять священный Твой олтарь!

Я чистымъ устъ моихъ хваленьемъ,
Я пламенемъ души моей,
Сердца подвигну сокрушеньемъ
Забывшихъ о Тебѣ людей,
Тебя познать я ихъ заставлю,
Исполню ихъ Твоей хвалой,
Открою, вознесу, прославлю
Надъ нами промыслъ Твой благой.

Н.

Филинъ и Чижъ,

Басня.

Въ лѣсу Соловушко зарей вечерней пѣлъ,
А Филинъ на соснѣ нахмурясь сидѣлъ
И укалъ что въ немъ было мочи,
Какъ часовой средь ночи. —
Пожалуй, дядюшка голубчикъ, перестань,
Сказалъ Чижъ Филину, ты Соловью мѣшаешь.—
„Молчи, дуракъ, не знаешь,
Былъ Филина отвѣтъ, какъ слушать эту дрянь!
Ну такъ ли въ старину пѣвали?
И такъли молодцы изъ насъ теперь поютъ?“—
Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали,
Ему здѣсь первенство всѣ птицы отдаютъ.—
„Не правда! онъ поетъ негодно, вяло, грубо;
А хвалитъ кто его, несетъ тотъ сущій бредъ
Вотъ воронъ мой сосѣдъ
Когда закаркаетъ, то право сердцу любо!
Изряденъ также чорный Грачъ,
Хотьмалъ, а залетѣлъ въ храмъ славы!
Кукушкинъ на кладбищѣ плачъ
Намъ тоже дѣлаетъ забавы.
Но Сычь! вотъ изъ пѣвцовъ пѣвецъ!
Его брать должно въ образецъ:
Кричитъ безъ умолку, прекрасно!
Скажу предъ всѣми безпристрастно,
Что нѣтъ здѣсь равнаго Сычу...
За то я самъ его учу.“

А. Измайловъ.

Эпиграммы.

1.

Друзья нынѣшняго вѣка.

Картузовъ другомъ просвѣщенья
Въ листкахъ провозгласилъ себя:
О времена! о превращенья!
Вотъ каковы въ нашъ вѣкъ друзья!

2.

Брадобрѣю.

(Изъ Катулла.)

Памфилъ, бородобрѣй удалой
Такъ брѣетъ медлѣнно всегда,
Что подъ его рукою вялой
Растетъ другая борода.

3.

На болтуна.

Дамонъ хоть говоритъ прелестно,
Но все одно твердитъ Дамонъ,
И на канунѣ ужъ извѣстно
Все то, что завтра скажетъ онъ.

В. З.

4.

Смерть кривова.

Кривой нашъ Петръ свой вѣкъ кончаетъ;
Не страшенъ для него послѣдній жизни часъ.
Души въ немъ не было — такъ что жъ онъ
потеряетъ?
Одинъ зажмуритъ глазъ.

М—нъ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ о рускомъ стихосложеніи.

(продолженіе.)

Часть вторая.

О народномъ Рускомъ стихосложеніи.

Глава первая.

О Рускихъ стихахъ вообще; главномъ ихъ раздѣленіи и правилахъ.

Народное стихосложеніе Руское, т. е. складъ пѣсенъ, въ новѣйшія времена начинаетъ перемѣняться. Пѣсни старинныя и тѣ, кои сочинены въ позднѣйшее время, разпознать можно по разности стихосложенія. *Рускимъ стихомъ* по превосходству, называю я вообще размѣръ старинныхъ только народныхъ пѣсенъ.

Извѣстно, что мы не имѣемъ слишкомъ старинныхъ по сей части памятниковъ. По крайней мѣрѣ они дошли до насъ не въ первоначальномъ ихъ видѣ, бывши сохраняемы чрезъ долгое время однимъ только изустнымъ преданіемъ,

которое поступаетъ со ввѣренными ему сокровищами, такъ какъ обыватели съ древними зданіями: поновляютъ, перестроиваютъ, поправляютъ или портятъ ихъ на свой ладъ; — на досаду знатокамъ и Антикваріямъ, коихъ любопытный взоръ едва уже гдѣ можетъ, сквозь новыя обмазки, починки и передѣлки, читаетъ на памятникахъ слѣды почтенной древности (*). Памятники слова человѣческаго, ежели преданы не на письмѣ, а изустно, скорѣе еще измѣняются и погибаютъ, нежели произведенія зодчества. Не пройдетъ еще нѣсколькихъ поколѣній, — и уже время унесетъ у изустнаго преданія сіи неисправно хранимые, изтерзанные остатки, въ пучину всепо-

(*) Таковые слѣды древности въ рускихъ пѣсняхъ суть имена Боговъ Славенскихъ, имена историческихъ лицъ и память нѣкоторыхъ историческихъ событій, перемѣшанныхъ конечно съ баснями и нерѣдко представленныхъ со всѣмъ въ превратномъ видѣ, почему и не могутъ сіи приурочки (data) имѣть большой важности для Историка. (+) Но каковы бы онѣ ни были, — для Поэта и для Антрополога онѣ всегда любопытны, по неложному изображенію мнѣній и обычаевъ, нравовъ и чувствъ народныхъ, древняго ли, новаго ли то времени. И съ сей-то стороны долженъ смотрѣть на рускія пѣсни умный собиратель оныхъ.

(+) Отсылаю читателя къ *разсужденію о древней руской словесности* Г-на *Граматина* (1809. Москва), въ которомъ находятся весьма справедливыя замѣчанія о древности, объ анахронизмахъ и о характерѣ сихъ преданій.

глощающаго забвенія. Оно унесло уже съ собою такимъ образомъ можетъ быть многія любопытныя произведенія Руской Музы, — пока наконецъ не вздумали у насъ, не прежде какъ лѣтъ за 40 передъ симъ — записывать и издавать въ печать то, что можно было еще наслышать въ народѣ изъ старинныхъ пѣсенъ рускихъ. А потому и неудивительно, что большая часть тѣхъ пѣсенъ, которыя удалось симъ образомъ спасти отъ забвенія, были уже не старѣе временъ Петра I го.

Вообще, по раздѣленію моему принадлежатъ къ старинным не только сіи, лѣтъ за сто сочиненныя, но даже и тѣ простонародныя пѣсни, кои лѣтъ за 40 или за 50 передъ симъ сложены, ибо онѣ всѣ отъ новѣйшихъ простонародныхъ же пѣсенъ, отмѣняются своимъ *рускимъ размѣромъ*, о которомъ мы говорить намѣрены.

Первое, что замѣтитъ всякой въ стихахъ сего размѣра, есть то, что они изобилуютъ Пиррихіемъ [◡ ◡]. Можно насчитать до десяти и болѣе видовъ рускаго размѣра, между коими разность только въ количествѣ и порядкѣ стопъ; строеніе же оныхъ одинаковое — *пирри-*

хическое. Во всемъ стихѣ слышны только *два* либо *три* долгіе слога; прочіе всѣ, и въ томъ числѣ обыкновенно послѣдніе два (иногда три) слога, суть краткіе, такъ что стихъ оканчивается Дактилемъ либо Трибрахіемъ. Сіи только стопы на концѣ остаются непремѣнными, и образуютъ, такъ сказать, ритмическую основу стиха, котораго прочія части, т. е. начало и средина не имѣютъ опредѣленнаго стопосложенія. Но это не мѣшаетъ стихамъ быть равными, ибо мѣра ихъ состоитъ въ удареніяхъ, коихъ число не измѣняется.

Надобно однако, для удаленія всякихъ недоразумѣній, опредѣлить сперва значеніе слова *ударение*, и войти въ нѣкоторыя другія предварительныя объясненія о правилахъ тонической прозодіи.

Ударение или *сила* [l'accent, der Ton] есть повышеніе голоса въ каждомъ словѣ, на одномъ или на нѣсколькихъ слогахъ, раждающееся необходимо отъ переводимаго дыханія при произнесеніи слова, и способствующее между тѣмъ внятности или явственному раздѣленію словъ въ произношеніи.

Руской языкъ, какъ мы уже видѣли

въ 1й части сего опыта, имѣетъ въ каждомъ словѣ, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударенію, т. е. одинъ только слогъ повышается голосомъ, а прочіе всѣ произносятся съ равнымъ пониженіемъ. Также видѣли мы, что другіе языки напр. Богемскій и Нѣмецкій, имѣютъ и по два и по три удареніа въ словѣ; однакоже — прибавить надобно — въ неравной степени: ибо и у нихъ въ каждомъ словѣ одно которое нибудь удареніе сильнѣе или слышнѣе прочихъ, кои между симъ главнымъ повышеніемъ и между совершеннымъ пониженіемъ голоса составляютъ середину. Слѣдовательно слогоудареніе сихъ языковъ, пріемлетъ широкій переходъ голоса по лѣствицѣ тоновъ: *высокій, средній* и *низкій*; руское же слогоудареніе имѣетъ только два перехода *высокій* и *низкій* (*). Слоги повышаемые называются у насъ *долгими*, а понижаемые *краткими* — хотя и несвойственно бы такъ называть ихъ; ибо повышеніе голоса со всѣмъ не то, что *протяженіе* онаго. Се-

(*) Разумѣется, въ отдѣльныхъ словахъ: ибо въ цѣлыхъ періодахъ или совокупленіяхъ словъ, способенъ и руской языкъ къ таковому же широкому переводу голоса, какъ сіе усмотритъ читатель далѣе.

го послѣдняго нѣтъ въ рускомъ языкѣ, а потому и нѣтъ у насъ собственно долгихъ слоговъ, каковы напр. у Французовъ mânes, ârt, zêle, jaune, у Нѣмцовъ Aal, Feder, Lied, Sohn и пр. Сіи-то *долгіе*, по времени протяженія своего, содержатся къ краткимъ какъ 2 къ 1му. (См. въ 1й части гл. 1. о стопахъ.) Напротивъ того нижеслѣдующія, изъ тѣхъ же языковъ взятыя и подобозвучныя: măn|que, ăr|me, sĕl, jŏnc, Ălt, Vĕt|ter, Lĭtt, Sŏnn' не протягиваются подобно прежнимъ, а только повышаются голосомъ, такъ какъ и всѣ рускіе, такъ называемые *долгіе* слоги. Они столь же коротко или скоро произносятся какъ прочіе слоги, на коихъ голосъ понижается, и которые слывутъ *краткими*. Въ этомъ всякой можетъ удостовѣриться, обративъ вниманіе свое къ мѣрѣ словъ въ *обыкновенномъ разговорѣ*: ибо я здѣсь не говорю о мѣрномъ чтеніи стиховъ или о возглашеніи (деклама-ціи) важной прозы, гдѣ слова произносятся уже нѣкоторымъ образомъ на распѣвъ, и гдѣ конечно рускій языкъ, какъ и всякой другой, воленъ давать словамъ протяженіе для выразительности или

живописности, напр.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ чешыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверьхъ буграми
и пр.

Здѣсь напротивъ того идетъ рѣчь о обыкновенномъ произношеніи, или слогоразмѣреніи, которое въ рускомъ языкѣ есть тоническое, а не количественное, какъ уже замѣчено въ 1й части. Однако мы, послѣдуя принятому обыкновенію, сохранимъ здѣсь сіи названія *долгихъ* и *краткихъ* слоговъ, разумѣя подъ шѣмъ слоги *повышаемые* или *понижаемые* голосомъ.

Сказанное доселѣ объ удареніяхъ относилось токмо до отдѣльнаго произношенія словъ. Но когда слова занимаютъ свое мѣсто въ періодѣ или въ стихѣ, тогда нерѣдко, по связи мыслей ими изображаемыхъ, сливаясь однѣ съ другими какъ бы въ одинъ составъ, теряютъ онѣ либо усиливаютъ свое ударѐніе на щетъ близстоящихъ. *Пойдешь ли ты со мною? со мною ли ты пойдешь? ты ли со мною пойдешь?* — Въ первомъ случаѣ усиливаетъ-

ся удареніе надъ словомъ *пойдёшь*, во второмъ надъ словомъ *мною*, въ третьемъ надъ словомъ *ты*; прочія же слова сего предложенія лишаются на ту пору своихъ удареній и произносятся всѣ съ равнымъ пониженіемъ голоса, на подобіе того какъ бываетъ въ сложныхъ словахъ съ составными частями, изъ коихъ только одна сохраняетъ свое удареніе: человѣколюбіе, благосѣннолиственный, выработать и пр. Такъ и цѣлое предложеніе или періодъ, когда изображаетъ одну нераздѣльную купу мыслей, пріемлется какъ бы за одно большое сложное слово, коего составныя части должны по законамъ единства прозодическаго, подчиниться одной главнѣйшей: а сіе неиначе произойти можетъ, какъ съ отнятіемъ у нихъ удареній — признака ихъ отдѣльности или независимости.

Но сія подчиняемость удареній въ извѣстномъ ряду словъ (мы назовемъ оный *прозодическимъ періодомъ*), имѣетъ свои естественныя границы: при одномъ слогѣ повышаемомъ или съ удареніемъ, можно произнести не болѣе слоговъ понижаемыхъ или безъ ударенія, какъ сколько вынесетъ грудь человѣческая не пере-

водя дыханія. Въ приведенномъ выше́ реченіи: *пойдешь ли ты со мною*, слѣдуютъ послѣ повышаемаго слога 5 слоговъ понижаемыхъ, а въ слѣдующемъ: *сдѣлаемся ли мы когда*, 7 таковыхъ слоговъ; и этого числа (7ми слоговъ, много что 8ми), кажется, довольно для обьятности прозодическаго періода. Но я не щиталъ здѣсь предшествующіе ударенію слоги, а только тѣ, кои за онымъ слѣдуютъ; потому что въ выставленныхъ здѣсь примѣрахъ удареніе стои́тъ сначала на второмъ либо на первомъ слогѣ: когда же случается оно въ срединѣ, или даже въ концѣ фразы, на пр. *не убѣжитъ никто отъ смерти*, или: *коль скоро они валъ знакъ дадутъ*—тогда для соблюденія равновѣсія необходимо умаляется число послѣдующихъ оному слоговъ, по мѣрѣ умноженія предыдущихъ, а періодъ изъ опредѣленнаго числа 7 или 8 слоговъ рѣдко выступаетъ. Большее сего число слоговъ надобно уже произносить въ два пріема, или съ двумя удареніями: на пр. *ты ли сомною пойдешь туда?* — или: *тогда-то мы съ тобою сдѣлаемся!* — Въ обоихъ сихъ примѣрахъ слышно уже и

второе слабѣйшее удареніе на словахъ *туда́* и *сдѣлаемся*. А поелику таковое слабѣйшее удареніе (которое мы будемъ означать симъ знакомъ ◌̆) составляетъ средину между полнымъ повышеніемъ и совершеннымъ пониженіемъ голоса, то и слѣдуетъ изъ сего, что руской языкъ пріемлетъ, по крайней мѣрѣ *въ цѣлыхъ реченіяхъ* или *періодахъ*, такой же троякій переходъ голоса, какой свойственъ нѣкоторымъ другимъ языкамъ въ *отдѣльныхъ словахъ* (*). Подобный періодъ прозодическій, въ которомъ кромѣ главнаго ударенія слышно еще другое слабѣйшее, назовемъ мы двойнымъ или сложнымъ періодомъ, для различія отъ простаго или одинакаго періода, гдѣ одно только удареніе господствуетъ. Употребленіе сложнаго періода прозодическаго зависитъ отъ мѣста, на коемъ случится главное

(*) Есть еще въ рускомъ языкѣ и между сложными словами такія, въ коихъ болѣе 8ми слоговъ, и которыя по сему трудно произнесши однимъ духомъ: на пр. *Высокопревосходительство* 9 слоговъ, *Кіевозолотоверьхомихайловскій* (имя Монастыря) 12 слоговъ. Такой излишній наборъ слоговъ надобно непремѣнно въ произношеніи раздѣлять на два или на три пріема, и слѣдовательно кромѣ главнаго ударенія давать слышать еще одно либо два слабѣйшія: |Высо̆ко|превосходительство|. |Кіево|золотоверьхо|-михайловскій|.

удареніе: ежели оно слишкомъ далеко отстоитъ отъ начала или отъ конца рѣчи, тогда естественно, что надобно на предыдущихъ либо на послѣдующихъ сему ударенію слогахъ еще слегка перевести духъ.

Почти во всѣхъ приведенныхъ мною примѣрахъ главное удареніе приходится на первыхъ слогахъ рѣчи, и это обыкновенное его мѣсто; потому что для груди человѣческой вообще удобнѣе сперва повысить, потомъ уже понизить голосъ, а особливо когда должно произнести множество звуковъ сряду. По сей-то причинѣ, хотя руской языкъ изобилуетъ ямбами, анапестами и другими оканчивающимися долгимъ или повышаемымъ слогомъ мѣрами, могутъ однако сіи мѣры слышны быть въ отдѣльныхъ токмо словахъ, и еще развѣ въ самыхъ коротких фразахъ: совокупленіе же нѣсколькихъ словъ оканчивается обыкновенно хореемъ, дактилемъ, прибрахіемъ, и тому подобными мѣрами. Прочтите даже стихи изъ чистыхъ ямбовъ сложенные (обыкновеннымъ голосомъ, не на распѣвъ), и вы вмѣсто ямба на концѣ услышите нерѣдко дактиль или другую подобную

стопу: „Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ.“ Въ прозаическомъ же или разговорномъ совокупленіи словъ главное удареніе по большой части отстоитъ еще далѣе отъ конца: рѣдко случается оно къ концу на третьемъ, еще рѣже на предпослѣднемъ слогѣ; на послѣднемъ же никогда. — По крайней мѣрѣ, это самое неестественное мѣсто для главнаго въ прозодическомъ періодѣ ударенія, которое въ такомъ случаѣ только съ усиліемъ, т. е. съ крикомъ можетъ произнесено быть. Слабѣйшее удареніе сложнаго прозодическаго періода имѣетъ иногда мѣсто на послѣднемъ слогѣ; но и оно кажется отъ сего положенія своего еще болѣе ослабляется (см. вышеприведенные примѣры сложнаго прозодическаго періода, кои оканчиваются словами: *туда* и *сдѣлается*). Короче сказать: прозодическій періодъ, простой ли онъ или сложной, любитъ оканчиваться пониженіемъ или отдыхомъ голоса.

Объяснивъ такимъ образомъ все что нужно, касательно до свойства удареній и до дѣйствія ихъ въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ періодахъ, остается намъ примѣнить къ предмету нашему

то, что мы сказали о *прозодическомъ періодѣ*.

Извѣстно, что таковымъ нѣсколькихъ словъ соединеніемъ подъ одно прозодическое начало или подъ одну *силу*, способствуется выразительность рѣчи, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, такъ и въ возглашеніи (декламаціи). Это принадлежитъ до Ораторіи. Но вотъ что собственно принадлежитъ до руской Піитики, и слѣдовательно до нашего предмета: что на семъ же самомъ дѣйствіи прозодическомъ основана мѣра рускихъ стиховъ. Въ нихъ щитаются не стопы, не слоги, а *прозодическіе періоды*, т. е. ударенія, по коимъ и должно размѣрять стихи старинныхъ рускихъ пѣсенъ. Такимъ образомъ сказавъ, что въ семъ размѣрѣ слышны только два либо три *долгіе* слога (т. е. ударенія), разумѣемъ мы подъ симъ то, что стихъ руской состоитъ изъ двухъ либо трехъ прозодическихъ періодовъ. Мы опредѣлили обьятность прозодическаго періода до 7^ми^ или до 8^ми^ слоговъ: однако же въ рускихъ стихахъ никогда онъ такъ великъ не бываетъ; а по самой большой мѣрѣ имѣетъ до 6^ти^ слоговъ, обыкновенноже по 4, по 3, не-

рѣдко и по два только слога; такъ что самой большой стихъ руской о 3^хъ удареніяхъ имѣетъ рѣдко болѣе 13^ти слоговъ, и слѣдовательно величиною будетъ съ шестистопный ямбическій. Стихъ же о двухъ удареніяхъ соотвѣтствуетъ четырехстопному. Кромѣ сихъ есть еще короткіе стихи объ *одномъ* удареніи, кои также довольно употребительны; а самые длинные, какіе мнѣ случалось читать, о *четырехъ* [однажды только и то не въ пѣснѣ, а въ сказкѣ употребленные (*).]

Разсматривая всѣ сіи виды стиха рускаго, читатель согласится со мною, что ихъ употребляли не безъ разбора во всякомъ родѣ стихотвореній; но что каждый родъ, по крайней мѣрѣ два главные рода, лирическій и эпическій, имѣютъ также и урускихъ свой опредѣленный размѣръ. И я дѣйствительно осмѣлюсь раздѣлить стихи нашихъ старинныхъ пѣсенъ на *лирическіе* (пѣсенные) и на *эпическіе* (сказошные). Отличаю же одни отъ другихъ вотъ чѣмъ: главное свойство тѣхъ и другихъ есть *равно-*

(*) Въ сказкѣ *Мастрюкѣ Темрюковичѣ*, которая помѣщена въ древнихъ рускихъ стихотвореніяхъ подъ No XXI. Мы будемъ говорить объ этомъ далѣе.

численность удареній; но пѣсенные стихи бываютъ притомъ по большой части *равносложны* и имѣютъ (по большой же части) порядокъ удареній *неизмѣняющійся*, подобно какъ у Грековъ лирическіе стихи имѣютъ неизмѣняющійся порядокъ *стопъ*: въ сказошныхъ же *измѣняется* какъ число слоговъ, такъ и порядокъ удареній, въ чемъ они также сходствуютъ съ Греческимъ экзаметромъ, коего варіаціи мы показывали въ 1ой части.

Сіи утвержденія мои надѣюсь доказать примѣрами изъ народнаго нашего стихотворства почерпнутыми. Начнемъ съ пѣсенныхъ или лирическихъ стиховъ.

Глава вторая.

О лирическихъ или пѣсенныхъ стихахъ рускаго размѣра.

Пѣсенные стихи во всякомъ языкѣ бываютъ правильнѣе, или лучше сказать, единомѣрнѣе *повѣствовательныхъ*, будучи сочиняемы подъ ладъ къ музыкѣ. Такъ и въ рускомъ. Рускіе стихи сего рода имѣютъ по ровну въ себѣ слоговъ, а на оныхъ по ровну и въ одинаковомъ порядкѣ удареніа; и ежели бы это всегда наблюда-

лось, то въ нихъ было бы правильное *стопосложеніе*, и можно бы было размѣрять ихъ по *стопамъ*. Но какъ порядокъ сей въ нихъ не всегда остается неизмѣннымъ, а только одно число удареній не измѣняется, то и должно размѣрять ихъ по *удареніямъ* или по періодамъ прозодическимъ. Впрочемъ для большаго различенія можно, ежели угодно, раздѣлить ихъ еще *по мѣсту*, на которомъ стоитъ въ нихъ послѣднее удареніе, т. е. *по окончаніямъ*. Большая часть рускихъ пѣсенъ оканчиваются дактилемъ, какъ выше замѣчено. Но нѣкоторые виды пѣсенныхъ стиховъ хореемъ оканчиваются, имѣя удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; въ иныхъ же опять удареніе на 4мъ и на 5мъ отъ конца; но никогда на послѣднемъ слогѣ не бываетъ удареніе, т. е. стихъ никогда ямбомъ не оканчивается, ибо ежели долгій или съ удареніемъ слогъ и придется когда въ концѣ стиха, то онъ сокращается, по законамъ періода прозодическаго, о коихъ мы предъ симъ говорили, и которыхъ силу изъ примѣровъ лучше видѣть можно. Мы раздѣлимъ по сему рускіе пѣсенные стихи въ разсужденіи окончаній на стихи *дактили-*

ческаго, *хорическаго* и *трибрахическаго* окончанія. Мѣрою бываютъ они отъ 4хъ до 13ти слоговъ, объ одномъ, о двухъ и о трехъ удареніяхъ. Всѣ сіи виды разсмотримъ мы по порядку, начиная съ кратчайшихъ.

I.

Стихи *объ одномъ ударенiи* или въ одинъ прозодическій періодъ отъ 4хъ до 6ти слоговъ.

1. Дактилическаго окончанія пяти и шестисложные.

Ты весной весной. 5 слоговъ.
Младъ жавороночикъ 6.
Сидючи весной 5.
На проталинкѣ. 5.

Примѣчаніе. Обыкновенно въ пѣсенникахъ пишутся по два таковыхъ стиха въ строку, и почитаются за одинъ стихъ раздѣленный цезурою на двѣ половины ⏑⏑–⏑⏑, ⏑⏑–⏑⏑; но какъ сіи половины совершенно ровны и раздѣлены постоянною цезурою, то и можно каждую изъ нихъ почитать особымъ цѣлымъ стихомъ, и я въ этомъ размѣреніи (scansio)

слѣдовалъ *карманному пѣснику* 1796 го года въ Москвѣ изданному — изящнѣйшему и наиболѣе со вкусомъ сдѣланному выбору пѣсенъ, какой мы доселѣ имѣемъ.

2. *Хореическаго окончанія* стихи объ одномъ удареніи могутъ быть 4хъ и 5ти сложные: ◡◡ – ◡ / ◡◡◡ – ◡

Они по краткости своей употребляются токмо въ сочетаніи съ другими большими мѣрами (такъ почти, какъ у Грековъ Адоническій стихъ съ Сафическими).

Примѣръ сочетанія такового четырехсложнаго Хореическаго съ двумя 5ти сложными Дактилич. окончанія:

◡ ◡ – ◡ ◡ / Мѣлки пташечки ◡ ◡ – ◡◡ / Вонъ изъ садика	дактилич.
◡ ◡ – ◡ / Вылетали.	хореич.
◡◡ – ◡ ◡ / Одна пташечка ◡ ◡ – ◡ ◡ / Соловеюшко	дактилич.
◡ ◡ – ◡ / Оставался.	хореич.
◡ ◡ – ◡ ◡ / Жалобнешенько ◡ ◡ – ◡◡ / Соловеюшко	дактилич.
◡ ◡ – ◡ / Воспѣваетъ.	хореич.

и пр.

Другой примѣръ сочетанія 4хъ сложныхъ хореическаго съ 7ми сложными дактилич. окончанія см. подъ No III.

3. *Трибрахическаго окончанія* стихи объ одномъ удареніи могутъ быть 4хъ, 5ти и 6ти сложные: – ◡◡◡ / ◡ – ◡◡◡ / ◡◡ – ◡◡◡ и также по краткости своей употребляется только въ сочетаніи съ большими мѣрами. [см. ниже подъ No 11.]

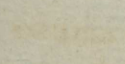
II.

Стихи о *полутора удареніяхъ*, или въ одинъ прозод. періодъ сложный отъ 7ми до 9ти слоговъ.

Въ примѣръ таковыхъ стиховъ *дактилическаго окончанія* послужитъ извѣстная хороводная пѣсня:

◡ ◡ – ◡ – ◡ ◡
А мы просо сѣяли. 7 слог.
Ой ◡ Дидъ ◡ и ◡ Ладо ◡ сѣяли. 8 сл.

Здѣсь послѣднее ударѐніе надъ словомъ *сѣяли* по положенію своему болѣе слышно, и есть главное, а первое надъ словами *просо*, *ладо*, слабѣйшее. Но таковой сложный періодъ чаще случается въ стихахъ *трибрахическаго* окончанія, которымъ примѣръ можно видѣть въ слѣдующемъ сочетаніи 7ми сложныхъ съ 6ти сложными:



Востре́пе́нется соколъ 7.
На дубу́ сидючи. 6.
Какъ распла́чется дѣвка 7.
Въ терему́ подъ окномъ 6.
Ахъ ты ба́тюшко свѣтъ мой 7.
Умили́сь надо мной 6.
Не дава́й меня замужъ 7.
Ты за Во́лгу рѣку. 6.
Госуда́рыня маши 7.
Ты за Во́лженина 6.
и пр.

Читатель самъ замѣтитъ, что здѣсь 7^ми сложные стихи имѣютъ по два ударенія, но одно сильнѣйшее на 3^мъ слогѣ, а другое слабѣйшее на предпослѣднемъ; въ 6^ти сложныхъ же стихахъ только одно слышно удареніе: и слѣдовательно въ тѣхъ содержится сложный, а въ сихъ простой прозодическій періодъ.

Вотъ другое сочетаніе 7^ми и 8^ми сложныхъ трибрахическихъ съ 5^ти сложными дактилическаго окончанія:

Научи́тьли тя Ванюша 8.
Какъ ко мнѣ ходить 5.
Ты не у́лицей ходи 7.
Переу́лками 5.

или:

Еще съ ве́чера солда́тамъ 8.
Приказъ о́тданъ былъ 5.
Со полу́ночи солда́ты 8.
Ружья чи́стили 5.

Здѣсь также въ 8^ми сложныхъ стихахъ есть, кромѣ главнаго ударенія, еще другое слабѣйшее на предпослѣднемъ слогѣ; а въ 7^ми сложномъ стихѣ: „Ты не у́лицей ходи“ одно только главное удареніе слышно; потому что другое слабѣйшее пришлось къ концу на послѣднемъ слогѣ; ходи́, отъ чего и скрадывается оно совершенно, по правиламъ прозодіи руской.

III.

Стихи о *двухъ удареніяхъ*, или въ два періода прозодическіе отъ 5^ти до 11^ти слоговъ.

1. Дактилическаго окончанія. а) семисложные ∪ – ∪∪ – ∪∪

Дитя́ мое ди́тятко
Дитя́ мое ми́лое
Что хо́дишь нера́дошно
Гуля́ешь неве́село
Повѣся голо́вушку
На пра́ву сторо́нушку
Поту́пя ясны́ очи
Во ма́ть во сыру́ землю. и пр.

Сочетаніе таковыхъ стиховъ съ 4^хъ сложными хореическаго окончанія:

Цвѣли́, цвѣли цвѣшники,
Да поблёкли.
Люби́лъ меня ми́лой другъ
Да поки́нулъ.
Поки́нулъ душа́ моя
Не надо́лго.
Не надо́лго вре́мячко
На часо́чикъ и пр.

6.) Осмисложные ⏑⏑—⏑⏑—⏑⏑

Изъ Кремля́ крѣпка го́рода,
Отъ дворца́ Госуда́рева,
До само́й красной пло́щади
Ахъ! вели́ казнить мо́лодца
И большо́ва боя́рина
Атама́на стрѣле́цкова и пр.

Приведу еще цѣлую небольшую пѣсню въ примѣръ таковыхъ же перемѣшанныхъ съ другими неравносложными стихами дактилическаго окончанія о двухъ удареніяхъ:

Безъ вѣтру безъ ви́хорю 7 сл.
На дворѣ крупенъ до́ждь идетъ. 8.
Безъ огня́ и безъ по́лымя 8.
Сырой бо́ръ загора́ется. 8.
Безъ вины́ мой серде́шной другъ 8.
На меня́ разкручи́нился. 8.
О че́мъ-то, мой ми́лой другъ, 8.
На меня́ разсерди́лся ты? 8.

Да хотя́жъ бы милу́ другу 8.
Негодна́ была и нена́добна, 10.
И ту́тъ бы, серде́шной другъ, 7.
При бесѣдѣ пожа́ловалъ. 8.
Поднесъ бы, серде́шной другъ, 7.
Ча́ру зелена́ вина, 7.
На запи́вочку поднесъ бы мнѣ 9.
Кубе́цъ меду сла́дкаго. 7.
И сня́лъ бы, серде́шной другъ, 7.
Съ правой руки золо́тъ перстень. 8.
Спусти́лъ бы золо́тъ перстень 7.
Въ кубе́цъ меду сла́дкаго, 7.
Ябъ ме́дъ, вино вы́пила 7.
И золо́тъ перстень вы́нула; 8.
Надѣлабъ золо́тъ перстень 7.
На себя́ на праву́ руку: 8.
Хоро́шъ мой золо́тъ перстень 7.
На моей на правой рукѣ 8.
Приго́жъ мой серде́шной другъ 7.
На своем на добро́мъ конѣ 8.

в.) Девятисложные: ⏑⏑–⏑⏑⏑–⏑⏑

Ахъ! ты по́ле, поле чи́стое,
Ты раздо́льице широ́кое и пр.

или:

Ахъ! тала́нъ ли мой, тала́нъ такой
Или у́часть моя го́рькая,
На роду́ ли мнѣ напи́сано,
На дѣлу́ ли мнѣ доста́лося и пр.

Примѣчаніе. Симъ-по размѣромъ, употребительнѣйшимъ въ пѣсенныхъ сти-

хахъ рускихъ, написалъ какъ извѣстно и Карамзинъ свой прекрасный шуточный отрывокъ сказки: *Илья Муромецъ*; а тѣмъ самымъ подалъ поводъ многимъ подражателямъ употреблять оный въ новѣйшей Поэзіи, подъ именемъ рускихъ стиховъ — кстати и не кстати. Но мы коснемся до этого еще разъ въ главѣ III при разсужденіи о *сказошныхъ* стихахъ.

2. *Хорическаго окончанія* стихи о двухъ удареніяхъ.

а.) Сочетаніе 5ти и 7ми сложныхъ: ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑⏑ – ⏑⏑ – ⏑

Во ржи́ бере́за
Зелене́нька стоя́ла.
Ой! Ди́дъ и Ла́до,
Зелена́ кудрева́та.

*

Подъ то́й бере́зой
Солове́йко щеко́четъ.
Ой! Ди́дъ и Ла́до,
Молодо́е щеко́четъ.

*

Солове́йко мой ба́тько,
Ты скажи́ мнѣ всю пра́вду.
Ой! Ди́дъ и Ла́до,
Ты скажи́ мнѣ всю пра́вду и пр.

*

б.) Одни семисложные: ⏑⏑–⏑⏑–⏑

Ты постро́й, милой, те́ремъ,
Чтобъ изъ те́рема въ те́ремъ,
Изъ око́шка въ око́шко и пр.

или:

Какъ у на́съ во садо́чкѣ,
Какъ у на́съ во прекра́сномъ
Хорошо́ пташки пѣли и пр.

в.) Осмисложные: ⏑–⏑⏑⏑–⏑

Ахъ! у́тушка лугова́я,
Моло́душка молода́я,
Ты гдѣ спала, ночева́ла? и пр.

Примѣчаніе. Девятисложный сего окончанія стихъ:

Ночева́ла я во лужо́чкѣ
Подъ раки́товымъ подъ куста́чкомъ.“

и можно раздѣлить на два коротkіе стиха, изъ коихъ первый будетъ описанный уже мною подъ No I. дактилическій 5ти сложный ⏑⏑–⏑⏑, а другой хореической 4хъ сложный ⏑⏑–⏑

3. *Трибрахическаго окончанія* стихи о двухъ удареніяхъ.

а.) Осми и девятисложные: –⏑⏑ –⏑⏑⏑
–⏑⏑⏑ –⏑⏑⏑

Пи́ть было пи́во и́ вино,
Съ пи́вушка голо́вушка болитъ,

Съ вина́ просыпа́нье тяжело —
Жи́ть было съ ми́лымъ хорошо:
Да ли́хъ на на̃съ не́другъ супосшатъ,
Не́ далъ намъ въ совѣ́тѣ съ нимъ пожить,
Не́ далъ намъ любо́ви поводить. и пр.

б.) Десятисложные:

Какъ со ве́чера цѣпо́чка горитъ,
Со полу́ночи сере́бреная,
Гори́тъ, горитъ, перега́риваетъ,
Моло́душку перема́ниваетъ.

в.) Одиннадцатисложные: ᴗᴗ – ᴗᴗᴗ – ᴗᴗᴗᴗ –

Во всю но́ченьку не спа́ла молода,
Мнѣ кома́рики мѣша́ли младой спать,
Взволновалося серде́чушко мое и пр.

Иногда стихи таковые перемѣшиваются съ 8ми и 9ти сложными дактилическаго окончанія, на пр.

Ахъ! ты ма́льчикъ ты, ма́льчикъ мой,
Кудрева́тая голо́вушка твоя.
Еще кто тебя породилъ молодца?
Породила родная матушка меня,
Вспоилъ, вскормилъ сударь батюшка,
Возлелѣяла чужая сторона и пр.

IV.

Стихи о *трехъ удареніяхъ*, или въ три періода прозодическіе отъ 6ти до 13ти слоговъ.

Примѣчаніе. Дактилическаго окончанія стихи о трехъ удареніяхъ суть *сказошные*, о коихъ см. въ главѣ третей. Пѣсенные же о 3хъ удареніяхъ стихи всѣ имѣютъ третье удареніе либо на предпослѣднемъ слогѣ, и суть хореическаго, либо на 4мъ и 5мъ отъ конца слогѣ, и суть прибрахическаго окончанія. Но употребительнѣе изъ сихъ первые, т. е.

1.) *Хореическаго окончанія.*

а.) Осмисложные: -⏑⏑-⏑⏑-⏑

Вы́ду на но́выя сѣ́ни
Я на часты́ перехо́ды,
Я обопру́сь о пери́лы,
Я обогну́сь соболя́ми,
Вся́ оболью́ся слеза́ми и пр.

б.) Десятисложные: ⏑-⏑⏑-⏑⏑⏑-⏑

Моло́дка, моло́дка молода́я,
Ахъ! по́лно пу́лицамъ ходи́ти и пр.

Но по большой части стихи сего окончанія о 3хъ удареніяхъ бываютъ вольные, т. е. неравносложные. Въ слѣдую-

щей пѣснѣ перемѣшаны 10ти сложные съ 9ти, 8ми и даже 6ти сложными:

Во́ полѣ бере́за стоя́ла, 9 слог.
Во́ полѣ кудря́вая стоя́ла. 10.
Нѣкому бере́зу залома́ти 10.
Я́ пойду́ залома́ю. 7.
Сдѣлаю три́ гудо́чка. 7.
Ста́рой спи́тъ съ похмѣлья. 6.
Вы́ду на но́выя сѣни, 8.
Стану я ста́рова буди́ти. 9. и пр.

в.) 11ти 12ти, и 13ти сложные перемѣшиваются также одни съ другими, а нерѣдко и съ 10ти сложными и пр.

Какъ во го́родѣ бы́ло во Каза́ни. 11.
Молодо́й черне́цъ постри́гся. 8.
Захотѣлось чернецу́ погуля́ти 11.
Что за тѣли за свя́тыя за воро́та 12.
и пр.

У ду́шечки у кра́сной у дѣви́цы 11.
Не до́жжичкомъ бѣлое лицо смочи́ло, 12.
Смочи́ло бѣло ли́чико слеза́ми. 11.
и пр.

Ахъ! какъ на́ дворѣ де́нь вечеря́етъ, 10.
А подъ мо́лодцомъ ко́нь приставае́тъ, 10.
Молоде́цъ на конѣ разнемога́етъ, 11.
А това́рищи у мо́лодца уѣзжа́ютъ 13.
и пр.

Не ясе́нъ соколъ по подне́бесью лета́етъ, 13.
То боя́ринъ по полка́мъ нашимъ гуля́етъ. 12.

Не золота́я тру́бушка вострубила́, 12.
То возго́воритъ Царе́въ большой боя́ринъ 12.
Графъ Бори́съ сударь Петро́вичь Шереме́тевъ 12.

– – – – – – – – – – – – – – – –

Тутъ возго́ворятъ драгу́ны и солда́ты: 12.
Мы ра́ди Госуда́рю послужи́ти 11.
И оди́нъ за друго́ва умере́ти. 11.
Тутъ ско́ро боя́ринъ подыма́лся 10. и пр.

Примѣчаніе. Сей размѣръ о трехъ удареніяхъ отъ 6ти до 13 слоговъ, весьма уже сходенъ со *сказошнымъ*, выключая только окончанія, которое у того дактилическое, а у этого хореическое; да еще порядка удареній, который у этого не такъ перемѣнчивъ какъ у того. Ежели только можно сравнивать рускіе стихи съ греческими, то я бы сказалъ, что сей размѣръ въ такомъ же отношеніи состоитъ къ сказошному, въ какомъ у Грековъ элегическій размѣръ къ эпическому. Онъ, можетъ быть, и употребляется у Рускихъ отчасти по тѣмъ же родамъ стихотворенія, по коимъ у Грековъ употреблялся элегическій. Извѣстно, что онымъ сочинялись не только собственно такъ называемыя *Элегіи*, т. е. унывные стихи, но также и разные другіе лирико-эпическіе стихи, однако по боль-

шой части важнаго содержанія: Тиртей употребилъ оный въ своихъ военныхъ пѣсняхъ, Каллимахъ въ гимнахъ богослужебныхъ, и т. д. Руской же размѣръ, который мы осмѣлились сравнить съ *элегическимъ*, въ какихъ предметахъ употребляется, видно изъ примѣровъ: первые два подъ литерами а) и б) а потомъ пятый и шестый подъ лит. в) суть настоящія элегіи. Третій и четвертый хотя и повеселѣе, однако не совсѣмъ чистую изображаютъ веселость, но такую, къ которой примѣшана сатирическая желчь людей недовольныхъ своимъ состояніемъ, а именно: молодой жены, которая пробужаетъ стараго своего мужа, — и молодаго чернеца, вышедшаго гулять за монастырскія ворота. А послѣдній подъ лит. в) примѣръ есть военная пѣсня на Тиртееву стать. И вообще, сколько мнѣ извѣстно, употребляется размѣръ сей наиболѣе въ предметахъ унывныхъ либо важныхъ, чему можетъ быть причиною его хореическое окончаніе, которое будучи само по себѣ смирнѣе игривыхъ дактилей и прибрахіевъ, отъ того лучше выражаетъ печальную или важную думу. И въ самомъ дѣлѣ

весьма отличны отъ сихъ элегическихъ рускихъ стиховъ суть:

2. Стихи *Трибрахическаго окончанія* о трехъ, удареніяхъ особливо, когда послѣднее удареніе на пятомъ отъ конца слогѣ, каковое окончаніе можно бы собственно назвать *Тетрабрахическимъ* (четверокрашкимъ). Размѣръ сихъ стиховъ есть чистый лирическій и притомъ свойственный наиболѣе шумному, веселому или живому выраженію страстей, словомъ сказать, дивирамбамъ на рускую стать. Но когда удареніе на четвертомъ отъ конца слогѣ, тогда конечно бываютъ стихи сіи нѣсколько посмирнѣе, и также весьма уже сходны съ повѣствовательными стихами рускими дактилическаго окончанія, почему и употребляются вмѣстѣ съ оными, какъ увидимъ далѣе въ главѣ III.

Здѣсь слѣдуютъ примѣры пѣсенныхъ стиховъ трибрахическихъ, отъ 10ти до 12ти слоговъ.

Вéселъ я, вéселъ сегóднешній день. 10 слог.
Рáдошенъ, рáдошенъ тепéрешній часъ. 11.

Мáть Дарью Дáрью клúкала домой 10.
Пóдь Дарья Дáрья Дáрьюшка домой 10.
Хóчетъ тебя мáть за стара за мужъ отдать 12.

Ивушка, ивушка зелёная моя,
Что́же ты, ивушка, не зе́лена стоишь. | 12 слог.

Лучи́на, лучи́нушка берёзовая
Что́ же ты лучи́нушка не я́сно горишь | 12 —
Не я́сно гори́шь не вспы́хиваешь. 10 —

Ахъ! что́жъ ты, голу́бчикъ, не ве́селъ
сидишь. 11 —

Впрочемъ послѣднія сіи три мѣры можно раздѣлить на два коротки́е стиха, изъ коихъ второй будетъ прибрахическій объ одномъ удареніи ⏑–⏑⏑ или ⏑–⏑⏑⏑, о коемъ было уже говорено въ своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе примѣровъ пѣсеннымъ стихамъ рускимъ, скажемъ нѣчто о *строфахъ* или *куплетахъ*: ибо и рускіе также имѣютъ свои куплеты. Таковые на пр. видѣлъ читатель подъ No III. 2) а) въ пѣснѣ: *Во ржи береза* и пр. Куплеты рускіе имѣютъ въ себѣ рѣдко болѣе 4^хъ стиховъ коротки́хъ или 2^хъ длинныхъ, изъ коихъ послѣдній стихъ есть неиное что какъ повтореніе перваго, предшествуемое обыкновенно какимъ нибудь общимъ припѣвомъ, каковы на пр. *ой Дидъ и Ладо*, *ой люли люли*, *ой жги* и пр. а потому и можно всѣ тѣ пѣсни, въ коихъ есть такіе припѣвы, почитать состоя-

щими изъ куплетовъ. Въ число таковыхъ принадлежитъ хороводная: *а мы просо сѣяли* и многія другія извѣстныя пѣсни. Однако же припѣвы тогда только служатъ признакомъ строфообразнаго расположенія, когда послѣ ихъ слѣдуетъ *повтореніе* или *дополненіе* сказаннаго въ предыдущемъ стихѣ: а сіе весьма часто и безъ припѣва бываетъ; каковое расположеніе также можно принять за строфу или куплетъ, на пр.

Ахъ! чтожъ ты, лучинушка, неясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?

*

Али, ты лучинушка, въ печи не была,
Въ печи не была, не высушена?

*

Подружки голубушки, ложитеся спать,
Ложитеся спать, вамъ неково ждать.
и пр.

*

Въ пѣснѣ: *ахъ чтожъ ты голубчикъ не веселъ сидишь*, куплеты въ три стиха, на пр.

Вечоръ у меня голубка была,
Голубка была, со мной сидѣла,
Со мной сидѣла, пшено клевала.

*

По утру голубка убита лежитъ,
Убита лежитъ, застрѣленая,
Застрѣленая, потеряная.

*

Потерялъ голубку боярскій слуга,
Боярскій слуга, съ боярска двора,
Съ боярска двора, убилъ изъ ружья.
и пр.

*

Руская народная Поэзія любитъ сіи повторенія и сію *тетность* стиховъ, да и употребляетъ нѣкоторые виды пѣсенныхъ стиховъ неиначе какъ куплетами; а именно дактилическіе 5^ти сложные: ⏑⏑–⏑⏑. Въ двухъ таковыхъ коротких стихахъ всегда полный смыслъ заключается, а четыре или шесть стиховъ образуютъ строфу, на пр.

Ты рябинушка,
Ты кудрявая,
Ты когда взошла
Когда вызрѣла и пр.

Нельзя конечно ожидать отъ простыхъ нашихъ рускихъ стихослагателей какихъ либо непремѣнныхъ правилъ какъ въ разсужденіи порядочнаго расположенія куплетовъ, такъ и по всѣмъ другимъ принадлежностямъ стихосложенія. Часто

разныя формы у нихъ перемѣшены. Но сіе случайное ненаблюденіе правилъ, доказываетъ только то, что правила еще не утверждены и не приведены въ извѣстность, а не то чтобы оныхъ со всѣмъ не было.

Сихъ приведенныхъ мною примѣровъ и объясненій кажется для читателя довольно, чтобъ ему обозрѣть главныя и употребительнѣйшія формы пѣсенныхъ стиховъ рускихъ, судить о гармоніи оныхъ и вызнать уже вообще строеніе рускаго размѣра, коего дальнѣйшія опимѣны показаны будутъ въ главѣ III.

Повторимъ здѣсь, что поелику размѣръ сей основанъ не на равносложности и не на порядкѣ стопъ, то и не составляетъ въ немъ *разночисленность* слоговъ и *разномѣстность* удареній существенной негладкости или разноголосицы. Вольность сія нерѣдко еще благопріятствуетъ непринужденному выраженію и языку чувствъ. Но тамъ гдѣ она кажется неумѣстною и нарушающею гладкость стиха, должно винить въ томъ конечно не пѣснотворца, а изустное преданіе, по произволу своему опымающее или прибавляющее слова въ пѣсняхъ, не могущее

однако при всѣхъ своевольствахъ своихъ нарушить *числа ударений*, сей неотъемлемой основы, на коей учреждается гармонія стиховъ рускихъ. Гармонія же сія наиболѣе слышна въ старинныхъ пѣсняхъ: и даже безошибочно можно утвердить, что чѣмъ старинѣе пѣсня, тѣмъ чище и правильнѣе въ ней соблюлась сія форма *ударительнаго* или рускаго *стихосложенія* (*) Новѣйшія простонародныя пѣсни начинаютъ удаляться отъ онаго, приближаясь за то отчасу болѣе къ *стопосложенію* и замѣняя уже складностью риѳмъ или созвучныхъ окончаній прежнюю, складность состоявшую токмо въ удареніяхъ. Напротивъ того старинныхъ пѣснотворцамъ рускимъ риѳмы были незнакомы; ибо ежели у нихъ и попадаются иногда созвучныя слова, въ концѣ ли, въ срединѣ ли или въ началѣ стиха, то оныя не съ намѣреніемъ приисканы,

(*) Многіе издатели рускихъ пѣсенъ, и между прочими первый у насъ критическій или толковый собиратель оныхъ, извѣстный Мих. Поповъ (въ своемъ выборѣ новыхъ и старыхъ пѣсенъ подъ названіемъ *Россійская Ерата*), не вошедъ въ таковое различеніе размѣровъ *тоническаго* и *стопосложнаго*, или же соображаясь со вкусомъ публики, привыкшей къ стопосложенію, думали, что надобно въ рускихъ стихахъ поправлять сію мнимую негладкость, и позволяли себѣ вездѣ, гдѣ только можно, таковыя поправки. — Но дѣльно ли? отдаю на разсужденіе читателю.

а случайно и непринужденно, такъ сказать, слились съ языка ихъ, — и конечно игривостью своею украшаютъ стихъ, но все еще не могутъ названы быть *рифмою* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы нынѣ принимаемъ сіе слово.

Мы сказали, что новѣйшія простонародныя пѣсни приближаются къ стопосложенію: и дѣйствительно начинаетъ въ нихъ господствовать по большой части чистая *хореическая* мѣра, и даже неупотребительныя прежде *ямбическія* окончанія, которымъ наиболѣе помогла риѳма войти въ честь. Не то, чтобы пѣсни сіи сочинены были совершенно отличнымъ отъ прежнихъ размѣромъ: онѣ удержали въ себѣ нѣкоторыя изъ прежнихъ формъ, особливо же тѣ, въ коихъ хореическое окончаніе; но только даютъ уже въ нихъ слышать не *ударенія*, а *стопы*, прибрахическое же окончаніе превращаютъ въ ямбы, усиливая оные риѳмою.

Вотъ нѣкоторые примѣры таковыхъ простонародныхъ пѣсенъ новаго складу:

Анапестоямбическіе двустопные:

Ахъ! ты, сельской пѣшухъ,
Деревенской щепетунъ,

Зачѣмъ рано встаешь
Голосисто поешь; и пр.

Алфибрахическіе двустопные:

Несчастнымъ дѣтинка
На свѣтъ сей родился,
На свѣтъ сей родился,
Въ дѣвушку влюбился;
Съ которой любился
И той онъ лишился,
Съ которой цѣловался
И той миновался; и пр.

Хорическіе четырехъ и трехстопные:

Бѣлолица круглолица
Красная дѣвица
При долинушкѣ стояла
Калину ломала; и пр.

Въ Государевой канторѣ
Сидитъ молодецъ въ уборѣ; и пр.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоялъ дѣвокъ хороводъ; и пр.

Пятистопные:

Получилъ письмо отъ дѣвушки сей часъ,
Сталъ читать, да полились слезы изъ глазъ;
и пр.

Надѣюсь, что сими опять примѣрами довольно объяснилъ я читателю разность стихосложенія рускаго, *стараго* и *нова-*

го. Первое есть оригинальное руское, довольствующееся одними удареніями, незнающее употребленія стопъ и риѳмы. Сіи новыя прикрасы стали извѣстны простонароднымъ стихотворцамъ нашимъ со времени введенія и распространенія въ Россіи *книжной* словесности; когда и въ ихъ устахъ уже твердиться стали пѣсни Сумарокова, Попова, Нелединскаго, Дмитріева, и пр. съ коихъ они и начали перенимать не только размѣръ, но и слогъ и выраженія свои, какъ кто умѣлъ. Такимъ образомъ составился сей *новый складъ* простонародныхъ пѣсенъ. Заслуживаетъ ли онъ предпочтеніе предъ *старымъ*, оставляю судить читателю. Мы разсуждали здѣсь только о *пѣсенныхъ* стихахъ. Въ слѣдующей главѣ говорено будетъ о *сказошныхъ* (эпическихъ) стихахъ рускихъ.

(Оконч. въ слѣд. нум.)

III. КРИТИКА.

Характеры или свойства различнаго состоянія людей нынѣшняго времени. Сочиненіе Г. Лабрюйера. Переводъ съ послѣдняго Французскаго изданія. Въ двухъ частяхъ. Москва. Въ Типографіи Селивановскаго. 1812.

Лабрюйеръ издалъ книгу свою подъ названіемъ: Les Caractères ou les moeurs de ce siècle въ 1687 году. При самомъ появленіи ея въ свѣтъ она надѣлала весьма много шума, и вооружила противъ сочинителя сильныхъ враговъ, которые или въ самомъ дѣлѣ были, или только почитали себя описанными въ оной. Сему-то наиболѣе приписываютъ многіе столь скорый и столь блистательный успѣхъ ея. Но если это положило начало славѣ сочинителя, то время и истинныя достоинства его твореніе утвердили сію славу и возвели до высочайшей степени. Книга сія произвела тьму подражателей, была безпрестанно перепечатываема и переведена на всѣ Европейскіе языки.

На рускомъ она явилась нынѣ еще въ первый разъ (*).

Твореніе Лабрюйера славно не столько глубокими, сколько остроумными мыслями. Въ немъ видѣнъ умъ болѣе проницательный, нежели обширный, сужденія справедливыя, замѣчанія тонкія, но не всегда важныя. Главнѣйшее достоинство его составляетъ слогъ неподражаемый, которому всегда удивлялись и будутъ удивляться. Лабрюйеръ заслуживаетъ наше вниманіе какъ Геній, но еще болѣе, какъ великій писатель.

Въ сочиненіи такого рода, гдѣ мысли и характеры представляются отдѣльно, безо всякой связи, надлежало болѣе всего опасаться единообразія въ слогѣ, ибо мысли и описанія самыя справедливыя, самыя остроумныя, самыя глубокія, будучи выражены холодно и единообразно скоро утомляютъ наше вниманіе. Лабрюйеръ зналъ это, старался избѣгать сей погрѣшности, и блистательный успѣхъ увѣнчалъ его усилія. Но не одни новые, разнообразные обороты достойны въ Лабрюйерѣ замѣчанія. Выборъ смѣ-

(*) Кромѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ.

лыхъ, красивыхъ, живописныхъ выраженій, удивительное искусство представлять мысли въ приличнѣйшемъ имъ видѣ, въ такомъ видѣ, который даетъ имъ большую силу и дѣйствіе, привлекаютъ наше вниманіе и плѣняютъ воображеніе. Можетъ быть не найдемъ мы ни одного сочинителя, у котораго бы мысли были изображены съ такою живостію и съ такою силою, какъ у Лабрюйера (*).

И такъ рускому переводчику, приступая къ преложенію сего творенія на нашъ языкъ, надлежало обратить вниманіе свое на два предмета: *первое*, чтобъ изображать мысли сочинителя сколь возможно точнѣе, и *второе*, чтобы изображать ихъ также остроумно, съ такою же силою, съ такимъ же краснорѣчіемъ, какъ онѣ написаны, и выбирать для каждой особливый, приличнѣйшій ей по свойству языка нашего оборотъ. — Теперь посмотримъ, вездѣ ли переводчикъ выразилъ мысли автора, и вездѣ ли хорошъ слогъ его?

(*) Я не скажу здѣсь ничего о немногихъ недостаткахъ и ошибкахъ въ словосочиненіи, которыми упрекаютъ его: это не принадлежитъ къ моей цѣли. Кто хочетъ болѣе увѣриться въ справедливости словъ моихъ, тотъ пусть прочтетъ прекрасный разборъ Характеровъ, сдѣланный Сюаромъ.

Лабрюйеръ начинаетъ первую главу своей книги сею мыслію:

„Tout est dit, et l'on vient trop tard depuis plus de sept mille ans qu'il y a des hommes, et qui pensent. Sur ce qui concerne les moeurs, le plus beau et le meilleur est enlevé: l'on ne fait que glaner après les anciens et les habiles d'entre les modernes.“

Въ переводѣ она выражена такимъ образомъ:

„Все уже сказано, и мы слишкомъ „поздно спали *выдумывать*, тогда, какъ „больше семи тысячь лѣтъ человѣческій „родъ существуетъ и *выдумываетъ*. *Что „же касается до нравовъ, то лучше уже „изчезли*; мы только *преслыкаемся* за „древними и искуснѣйшими изъ новыхъ „писателей.“ (ч. I. стр. 9.)

Такъ начинается переводъ Лабрюйера (*)! Совершенно не понять первой мысли автора, обезобразить ее, написать нѣсколько строчекъ безъ смыслу, не знать Французскаго слова: *glaner* (ко-

(*) Въ самомъ заглавіи переводчикъ сдѣлалъ немаловажную погрѣшность. Почему Французское слово *les moeurs* переведено *свойства*, а не *нравы*? Онъ долженъ согласиться, что послѣднее слово гораздо лучше выражаетъ то, что разумѣется подъ словомъ *les moeurs*, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи перевода онъ самъ употребляетъ его.

торое совсѣмъ не значитъ *преслыкаться*, а *подбирать колосья*), непростительно тому, кто берется за переводъ такой книги, какова *Характеры*.

Чрезъ нѣсколько строкъ находимъ:

„Сапирическое или Историческое „сочиненіе, *отданное въ печать со всею „отдѣлкою и условіемъ, чтобъ таково же „было возвращено*, естьли оно посредст„венно, пойдетъ за рѣдкое; писченіе по„добно подводному камню.“ (ч. I. стр. 10.)

Что это такое? Естьли тутъ хотя нѣчто похожее на мысль Лабрюйера, который говоритъ:

„Если сочиненіе Сапирическое или содержащее въ себѣ описаніе какихъ нибудь происшествій, ходитъ въ рукописи, и съ условіемъ хранить оное въ тайнѣ; то будучи и весьма посредственно, щитается за превосходное: печатаніе есть камень претикновенія.“ (*) Лучше бы и нашему переводчику выпустить свои *характеры или свойства людей нынѣшняго времени*, въ рукописи. Можетъ быть, они тогда почитались бы хорошимъ пе-

(*) Un ouvrage satirique ou qui contient des faits, qui est donné en feuilles sous le manteau aux conditions d'être rendu de même, s'il est mediocre, passe pour merveilleux: l'impression est l'écueil.

реводомъ, а теперь видно, что они отданы въ печать съ *весьма худою отдѣлкою.*

„Естьли отъ многихъ нравственныхъ „сочиненій отнять предувѣдомленіе къ „читателямъ, *посланіе*, предисловіе, *изъ-* „*ясненія*, одобренія, тогда останется „*такъ мало любопытнаго, что книга не* „*будетъ заслуживать своего названія.*“ (тамъ же.)

Epitre dédicatoire значитъ не *посланіе*, но посвященіе; la table, не *изъясненія*, но оглавленіе, и выраженіе автора: il reste à peine assez de pages pour meriter le nom de livre не то, что *тогда останется такъ мало любопытнаго*, что книга не будетъ заслуживать *своего названія*, но: тогда останется столь мало, что сочиненіе едва будетъ заслуживать имя книги.

„Прежде превосходныя сочиненія бы- „вали писаны однимъ сочинителемъ. Го- „меръ написалъ Иліаду, Виргилій Энеиду, „Титъ-Ливій свои Декады, а Римской „Ораторъ свои рѣчи.“ (ч. I. стр. 11.)

Здѣсь переводчикъ, давши другой оборотъ мысли сочинителя, совершенно затьмилъ ее. Лабрюйеръ говоритъ: до сихъ поръ мы не видали еще ни одного

превосходнаго сочиненія, написаннаго многими (*).

„Въ друзьяхъ нашихъ мы должны ви„дѣть однѣ только добродѣтели, кото„рыя насъ привязываютъ къ нимъ, ни „мало не думая объ ихъ щастіи или не„щастіи; и когда мы чувствуемъ себя „способными раздѣлять ихъ участь, *то „должны смѣло и съ довѣренностію под„держивать дружество свое до тѣхъ поръ, „когда они сдѣлаются опять щастливы.*“ (ч. I. стр. 69.)

Переводчикъ сказалъ здѣсь совсѣмъ не то, что сказано авторомъ. Вотъ его слова:

„Должно смотрѣть на добродѣтели друзей, а не на щастіе или нещастіе ихъ; если чувствуешь въ себѣ силу не оставлять ихъ въ злополучіи, то смѣло и съ довѣренностію обращайся съ ними, когда стоятъ они на вершинѣ благополучія.“ (**)

(*) L'on n'a guère vu jusqu'à présent un chef d'oeuvre d'esprit qui soit l'ouvrage de plusieurs: Homere a fait l'Iliade, Virgile l'Enéide, Tite-Live ses Décades, et l'Orateur romain ses Oraisons.

(**) Il ne faut regarder dans ses amis que la seule vertu qui nous attache à eux, sans aucun examen de leur bonne ou de leur mauvaise fortune: et quand on se sent capable de les suivre dans leur disgrace, il faut les cultiver hardiment et avec confiance jusques dans leur plus grande prospérité.

„*Проще всего, легче и непостижи-*
„*мѣе* узнать человѣка по его поступкамъ.
„Дуракъ входитъ, уходитъ, садится,
„встаетъ, молчитъ, стоитъ совсѣмъ
„различно *отъ* умнаго. *Плутъ также раз-*
„*суждаетъ, кажется, думаетъ и чувст-*
„*вуетъ равно, какъ честной человѣкъ.*“
(ч. I. стр. 79.)

Прочитавъ сіе мѣсто, не подумаетъ ли всякой, что Лабрюйеръ былъ глупецъ? Не заключается ли явное противорѣчіе въ словахъ: *проще всего, легче* и — *непостижимѣе?* Но таковымъ сдѣлать автора угодно было переводчику, потому что въ подлинникѣ нѣтъ ничего и подобнаго сему (*). Сравненіе плута съ честнымъ человѣкомъ переводчикъ прибавилъ отъ себя, по крайней мѣрѣ его нѣтъ во Французскомъ изданіи *характеровъ* 1802 года, которое, кажется, есть послѣднее.

„Должно судить о женщинахъ съ го-
„ловнаго убора до башмаковъ, такъ какъ
„*взвѣшиваютъ* рыбу отъ головы до хво-
„ста.“ (ч. I. стр. 89.)

(*) Сочинитель говоритъ:
Il n'y a rien de si délié, de si simple et de si imperceptible, où il n'entre des manieres qui nous décelent. Un sot n'entre, ni ne sort, ni ne s'assied, ni ne se lève, ni ne se tait, ni n'est sur ses jambes, comme un homme d'esprit.

Переводчикъ не справился ни съ Французскимъ словаремъ, ни съ здравою Логикою. Первый показалъ бы ему, что *on mesure* значитъ не *взвѣшиваютъ*, но *мѣряютъ*; а вторая, что взвѣшивать рыбу отъ головы до хвоста нельзя.

„Ученую женщину почитаютъ какъ „хорошее оружіе, которое искусно *вырѣ-* „*зано*, хорошо и чисто отрабошано; оно „служитъ украшеніемъ кабинета, его „показываютъ любопытнымъ, имъ хва- „лятся, но никогда не употребляютъ „его ни на войнѣ, ни на охотѣ, какъ „*золотыя шпоры, которыя хороши толь-* „*ко для виду*." (*) (ч. I. стр. 108.)

Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія переводчикъ поставилъ здѣсь вмѣсто *un cheval de manége quoique le mieux instruit du monde*, *золотыя* шпоры, которыя хороши только для виду? Если безъ намѣренія, то это непростительно; если жъ съ намѣреніемъ, то его сравненіе несправедливо, ибо золотыя шпоры могутъ

(*) On regarde une femme savante comme on fait une belle arme: elle est ciselée artistement, d'une polissure admirable et d'un travail fort recherché; c'est une pièce de cabinet, que l'on montre aux curieux, qui n'est pas d'usage, qui ne sert ni à la guerre, ni à la chasse, non plus qu'un cheval de manége quoique le mieux instruit du monde.

быть употребляемы и на войнѣ и на охотѣ.

„Иногда хорошій домъ, статная *ло-*
„*шадь*, прекрасная *собака*, *полученныя въ*
„*наслѣдство*, дорогія обои или часы мо-
„гутъ усладить величайшую горесть и
„*вознаградить* важную потерю.“ (*) (ч. II. стр. 72.)

Въ подлинникѣ слова: *dont on hérite* (полученный въ наслѣдство) относятся къ одному только дому, а не къ собакѣ и не къ лошади. *Faire moins sentir* значитъ не *вознаградить*, но заставить менѣе чувствовать. Это совсѣмъ перемѣняетъ смыслъ.

„Пристрастіе къ модѣ, когда мы
„покоряемся ей въ вещахъ, относящихся
„*до* вкуса, *къ* жизни, *къ* здоровью и *до*
„совѣсти, ясно доказываетъ нашу глу-
„посшь и малодушіе. Грубая, но здоровая
„пища вышла изъ употребленія, и мы
„повинуемся модѣ, ѣдимъ вредное, хотя
„и разстроиваемъ тѣмъ свой желудокъ,
„а иногда и ускоряемъ смерть свою; не-

(*) Il ne faut quelquefois qu'une jolie maison dont on hérite, qu'un beau cheval, ou un joli chien dont on se trouve le maître, qu'une tapisserie, qu'une pendule, pour adoucir une grande douleur et pour faire moins sentir une grande perte.

„простительно вылѣчиваться отъ горяч-
„ки кровопусканьемъ, и мы охотно со-
„глашаемся страдать ею, лишь бы слѣдо-
„вать предписаніямъ моды: также не-
„прилично умирать христіаниномъ. Теа-
„тимовы увѣщанія вышли изъ моды; они
„уже не успокоиваютъ растерзанной
„души; мы стараемся заглушить вопли
„совѣсти, умираемъ въ сладкихъ заблуж-
„деніяхъ, не заботясь о будущемъ, для
„того только, что В..... и его послѣдо-
„ватели ругались надъ вѣрою и законами,
„что и безбожіе вошло въ моду.“ (*)
(ч. II. стр. 226.)

Не стану замѣчать здѣсь ни ошибокъ
противъ языка, ни того, что переводчикъ безъ нужды распространилъ мысль автора, которая выражена весьма кратко: скажу только, что онъ, вздумавши поправлять сочинителя, сдѣлалъ непростительную ошибку. Подъ буквою В..... онъ не можетъ разумѣть здѣсь никого

(*) Une chose folle et qui découvre bien notre petitesse, c'est l'assujettissement aux modes quand on l'étend à ce qui concerne le goût, le vivre, la santé et la conscience. La viande noire est hors de mode, et, par cette raison, insipide; ce serait pécher contre la mode que de guérir de la fièvre par la saignée: de même on ne mouroit plus depuis long-temps par Théotime; ses tendres exhortations ne sauvoient plus que le peuple; et Théotime a vu son successeur.

другаго, кромѣ Вольтера, на котораго вѣроятно переводчикъ былъ сердитъ и хотѣлъ поругать его, выдавъ свое мнѣніе за мнѣніе Лабрюйера. Но къ нещастію онъ позабылъ справиться съ Историческимъ Словаремъ. Тамъ увидѣлъ бы онъ, что Лабрюйеръ умеръ въ 1696 году, а Вольтеръ родился въ 1694. И такъ могъ ли Лабрюйеръ говорить что нибудь о Вольтерѣ, не имѣя дара предвѣденія, а сего-то послѣдняго переводчику никакъ не должно было допускать въ авторѣ, потому что естьли бы онъ зналъ прежде, что книга его будетъ нѣкогда переведена такъ дурно, то можетъ быть скорѣе рѣшился бы сжечь ее, нежели позволить такимъ образомъ обезобразить.

„Я заранѣе сказываю и предупреж-
„даю моихъ соотечественниковъ, чтобъ
„впредь никто не удивлялся, *что* естьли
„мнѣ случится когда нибудь составить
„себѣ *огромное состояніе* и быть въ ува-
„женіи у знатныхъ: *то* во Франціи былъ
„одинъ *Геофруа де*-ла-Брюеръ, котораго
„всѣ древнія лѣтописи помѣщаютъ въ
„числѣ знаменитыхъ людей, сопровождав-
„шихъ *Годефруа Буліона въ покореніи*
„обѣтованной земли; *то* я выведу его

„предкомъ своимъ.“ (ч. II. стр. 276.)

Какой слогъ! И это говоритъ Лабрюйеръ, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ Французскихъ писателей!... Но время уже прекратить мнѣ утомительныя выписки: читатели могутъ судить о переводѣ (*); могутъ видѣть, что переводчикъ не только не представилъ намъ мыслей автора съ надлежащею точностію, но во многихъ мѣстахъ обезобразилъ ихъ; не понималъ подлинника; прибавлялъ собственныя свои мысли (**); поступалъ противъ здраваго смысла; не зналъ многихъ Французскихъ словъ; не зналъ хорошо рускаго языка, и наконецъ не зналъ даже Граммапики (***).

Сверхъ того онъ перепортилъ почти всѣ собственныя имена. Бугуръ у него *Бугурсъ* (ч. I. стр. 27.), Рабютень—*Рабутинъ* (тамъ же), Малербъ — *Малгебръ* (стр. 31.), Теренцій—*Тарансъ* (тамъ же), Рабеле—*Рабельясъ* (стр. 33.), Депрео—*Дес-*

(*) Впрочемъ я увѣряю читателей, что не выбиралъ приведенныхъ мною примѣровъ, но бралъ ихъ на удачу, гдѣ ни попадалось. Убѣдиться въ этомъ весьма не трудно всякому, кто только раскроетъ книгу.

(**) А многія мѣста пропускалъ: сравните главу *о женщинахъ*, въ которой безъ всякой нужды выпущены цѣлыя страницы.

(***) Онъ вездѣ пишетъ: *сочинени, ненависти* (во множ.) *досадывать, понравиться* и проч.

прео (стр. 57.), Д'Епре, d'Estrées, — *Етрей* (ч. II. стр. 155.), Сегье — *Сегюрѣ* (тамъ же), Декартъ — *Дескартѣ* (стр. 178.) Депортъ — *Деспортѣ* (стр. 312.), Ле Метръ — *Местрѣ* (стр. 313.), Фуркруа — *Фуркрой* (тамъ же.) и проч. и проч.

К.

Руская Лукреція, драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Россійское сочиненіе. Съ Эпиграфомъ изъ Державина:

Почувствовать добра пріятство —
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ *не ощущалъ* (*).

Москва, въ Типографіи Н. С. Всеволожскаго. 1812.

Въ 1806мъ году напечатана была книжка: *И моя Лира*, въ которой помѣщена весьма худая повѣсть: *Руская Лукреція въ шестнадцатомъ столѣтіи*; изъ этой повѣсти сдѣлалъ теперь кто-то драму. Вотъ начало (**):

„Все развѣдалъ“ — говоритъ Князю Холмскому Иванъ, слуга его: — „Анюта „дочь одного Изборскаго жителя, кото„рый живетъ не далѣе десяти саженъ „отсюда — тамъ — подъ стѣною.“

„*Холмскій.* Но кто онъ таковъ?“

„*Иванъ.* Прозваніе ему Прокофьевъ. „Чистая совѣсть, трудолюбіе, гостепріимство странникамъ—вотъ три вѣщь-

(*) Вмѣсто: *не собиралъ.*
(**) Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Изборскѣ, во время Царя Іоанна Васильевича Грознаго, который самъ показывается въ концѣ піесы.

„ви добродѣтели, украшающія дни его; — „уже давно смерть похитила у него су- „пругу; два сына пали подъ знаменами, „защищая отечество. Въ утѣшеніе его „дряхлой старости, осталась дочь един- „ственная — ангелъ красоты и добродѣ- „тели — та, которую вы здѣсь видѣли.“ (*)

„*Холмскій.* Такъ, я ее видѣлъ и сдѣ- „лался ея плѣнникомъ. (*Ивану*) Ступай „на судно и будь готовымъ. (*Уходитъ.*)“

„*Иванъ.* Слушаю.“

(Явл. III.)

Вотъ и конецъ:

„*Анюта.* Вы, батюшка, всегда говори- „ли мнѣ: *люби добрыхъ и храбрыхъ вои- „новъ, ибо они жертвуютъ за насъ жизнію.*“

„*Пермскій.* Любезная Анюта! ты со- „глашаешься!“

„*Прокофьевъ.* (*беретъ ихъ за руки и „подводитъ къ Іоанну.*) Государь! благо- „слови ихъ, такъ какъ ты второй ихъ „отецъ. (*Пермской и Анюта падаютъ „предъ Іоанномъ на колѣни.*)

„*Іоаннъ.* Встаньте, дѣти, я васъ бла- „гословляю.“

(*) Все это украдено самымъ безстыднымъ образомъ изъ повѣсти.

„*Пермской* и *Анюта* (*вмѣстѣ.*) Ты „моя! ты мой!“

„*Іоаннъ.* Пермскій! однакожъ я дол„женъ наградить тебя за ревность (*). „(*Снимаетъ съ себя кавалерію и надѣ„ваетъ на Пермскаго.*) Носи ее и люби „меня.“

„*Градоначальникъ.* Все тлѣнно въ мі„рѣ семъ и величіе людей суетно. Еди„ная добродѣтель удерживаетъ полетъ „свой, и до отдаленныхъ временъ достиг„аетъ. Теперь узнаетъ Европа, что не „только Лукреціи были въ Римѣ, но онѣ „существуютъ и въ Россіи.“

Руская Лукреція посвящена Графу С. М. Каменскому при слѣдующихъ стихахъ:

„Къ стопамъ Каменскаго, кой мощною рукою
„Разитъ противниковъ Отечеству, покою,
„Кой вѣрою готовъ Монарху вѣкъ служить,
„И храбростью своей ему защитой быть,
„Сей слабый плодъ трудовъ своихъ я повергаю,
„Въ знакъ почитанія, которое питаю

(*) Хотя вся *ревность* Пермскаго состоитъ въ томъ, что онъ любитъ Анюту.

„Въ душѣ своей всегда. Сынъ Марса заслужилъ,
„Чтобъ сердцемъ и душой тебя свѣтъ цѣлый чтилъ!
„Сіятельнѣйшій Графъ! Примите приношенье
„Незрѣлому уму въ награду — въ ушѣшенье.

Прочитавъ такое посвященіе, увидишь только незрѣлый умъ, а прочитавъ всю книжку, увидишь, что онъ никогда созрѣть не можетъ.

Н.

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Сочиненіе Павла Львова, члена Императорской Россійской Академіи и Бесѣды Любителей рускаго слова. С. П. Б. Въ Типографіи Ѳ. Дрехслера, 1812.

Книжка сія, состоящая изъ 37 страничекъ, есть, такъ сказать *Историческо-Драматической*, или лучше *Быто—Лицедѣйный* отрывокъ. Здѣсь и сочинитель повѣствуетъ и дѣйствующія лица разговариваютъ: Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, *Совокупитель и устроитель отечества* (стр. 36.), *Матерь Царя, великая инокиня Марфа Іоанновна, первостатейный бояринъ Шереметевъ, и Ѳеодоритъ, Архіепископъ Рязанскій*, а бывшіе съ нимъ *многіе Архимандриты и Игумны, въ числѣ коихъ притекъ и знаменитый Келарь Троицкія Лавры Палицынъ* (стр. 12 и 13.) безъ рѣчей. Послушаемъ первыхъ.

„*Шереметевъ* вѣщаетъ инокинѣ Мар-
„фѣ Іоанновнѣ, у коей
„слезы прервали голосъ:

„Мы даемъ тебѣ *въ поруки* Бога и „жизнь нашу, что *престолъ* Царя Ми-

„хаила утвердится на *головахъ* нашихъ, „что *грудь* наша будетъ его *щитомъ*.“ (*) (стр. 20.) Ни краснорѣчіе Шереметева, двукратно взывавшаго къ Матери Царя Михаила Ѳеодоровича: *умилися Государыня!* (стр. 20.) ни заклинанія Ѳеодорита, *съ воздѣтыми къ небесамъ руками и съ пролитіемъ обильныхъ слезъ молившагося сердцеподвизателю Богу* (стр. 21.) не могли убѣдить *великую инокиню* Марфу Іоанновну отпустить сына своего на царство. Сначала она *безмолвствовала на таковыя вѣщанія, илѣя потупленныя въ землю очи* (стр. 22.), а послѣ рѣшительно объявила, что *не хочетъ видѣть его покрыта безславіемъ Шуйскаго и боится увидѣть его подъ иголъ проклятія Годунову воздаваемаго.* (**) (стр. 24.) Сбылись бы слова Марфы Іоанновны: „нѣтъ, не быть сыну моему на престолѣ,“ — (стр. 16.) естьли бы на помощь къ Ѳеодориту и Шереметеву не пришли „старцы, душевною скорбію

(*) Желательно, что бы искусной живописецъ воспользовался сею мыслію. Какая прекрасная картина! На головахъ народа стоитъ престолъ, на престолѣ сидитъ царь, а подъ престоломъ щитъ, который сидящаго царя защитить не можетъ!

(**) Теперь уже надобно говорить, что вору *воздаютъ проклятіе*, а добраго человѣка *предаютъ чести.*

„паче, нежели бременемъ лѣтъ отягчен-
„ные, и жены съ грудными младенцами,
„влекомы будучи неизрѣченною горестію,“
и естьли бы не „пробились они сквозь
„тѣсноту народа до царя и матери его.
„Жены отъявъ отъ персей своихъ мла-
„денцевъ, положили ихъ къ ногамъ вели-
„кой инокини и сына ея; а старцы и
„весь народъ поверглись предъ ними на
„колѣни и съ рыданіемъ взывали: да бу-
„детъ Михаилъ отцемъ дѣтямъ ихъ; да
„будетъ покровъ старцевъ; да пріиметъ
„вѣнецъ царскій; да благоволитъ его
„матерь взыти на престолъ!“

„*Θеодоритъ*, дабы воспользоваться то-
„лико трогательнымъ про-
„исшествіемъ, входитъ въ
„святилище храма и взявъ
„тамъ крестъ Искупителя
„человѣкъ, Евангеліе, образъ
„Приснодѣвы и мощи угод-
„никовъ, грядетъ оттуда
„съ архимандриты и пре-
„свитеры прямо къ Ми-
„хаилу. Ополченный силою
„Вышняго онъ воскликнулъ
„дрожащимъ отъ душев-
„ныя скорби голосомъ:

„Государь! самъ Богъ, въ лицѣ свя-
„тыни своей, повелѣваетъ тебѣ пріяти

„вѣнецъ“ и проч. и проч. (стр. 25 и 26.)

Михаилъ, обратясь къ народу.

„Когда есть на то воля Божія, то „буди тако.“ (стр. 28.)

„Михаилъ Ѳеодоровичъ немедленно „отбылъ изъ Костромы въ Москву, вмѣс„тѣ съ родительницею своею..... Не„терпѣливо ожидающая Царя Москва, „алчущая насладиться его лицезрѣніемъ, „бѣжала съ разпростертыми объятіями „къ нему во срѣтеніе, увидѣвъ же его, „въ радости не нашла словъ и на рукахъ „своихъ внесла его въ нѣдра Кремлев„скихъ стѣнъ.“ (стр. 30) Положимъ, что Москва бѣжала и подняла Царя на свои руки, но какъ могла она внести его въ Кремль, который находится посреди ея?...

И.

Введеніе въ науку стихотворства, или разсужденіе о началѣ поезіи вообще, и краткое повѣствованіе Восточнаго, Еврейскаго, Греческаго, Римскаго, древняго и средняго Россійскаго стихотворства. С. П. Б. въ Медицинской Типографіи. 1811.

Можетъ быть многіе читатели, нашедши въ заглавіи уже грамматическую ошибку (повѣствованіе *чего* вмѣсто: *о чемъ*), возымѣютъ по этому одному невыгодное понятіе обо всей книгѣ, и бросятъ ее не читавши. Но я не привязываясь къ такой малости, имѣлъ терпѣніе прочесть ее всю, и нашелъ — между худымъ и хорошее: между множествомъ неправильныхъ, несвязныхъ, темныхъ мыслей и выраженій нѣкоторыя вѣрныя мысли, нѣкоторыя удачныя выраженія, и даже цѣлыя мѣста изрядно написанныя, которыя подаютъ надежду, что авторъ можетъ со временемъ произвести что нибудь хорошее. Это и побудило меня разобрать книгу сію подробнѣе: она достойна критики.

Введеніе въ науку стихотворства раз-

дѣляется на пять статей или отдѣленій, которыя разсмотрю я по порядку.

1. *О произхожденіи и успѣхахъ стихотворства вообще.* Начинается опредѣленіемъ: что есть стихотворство? чѣмъ отличается оно отъ прозы и другихъ искусствъ? „Вопь — присовокупляетъ „авторъ—два вопроса, о которыхъ спо„рили и не рѣшили еще доселѣ.“ Не уже ли онъ не доволенъ опредѣленіемъ Жокура, Лагарпа и всѣхъ новѣйшихъ эстетиковъ, которые давно уже согласились въ томъ, что стихотворство есть *подражаніе изящному въ природѣ, выражаемое рѣчью* (*размѣрною*), — а проза, или витійство, *изображеніе природы, какова она есть*, (*вольною, безразмѣрною*) *рѣчью* (*)? Или не чипалъ онъ никакой новѣй-

(*) L'imitation de la belle nature, exprimée par le discours mesuré: la Prose ou l'Eloquence est la nature elle-même exprimée par le discours libre. (Dict. de grammaire et de Litterature, Article: *Poësie* par Jaucourt.) Прилагательныя: *размѣрною* (mesuré) и *вольною, безразмѣрною* (libre) включилъ я въ скобки потому, что *стихосложеніе* есть только условная принадлежность поэзіи, а не главная и непремѣнная. — Впрочемъ дефиниція сія опредѣляетъ сущность одной только *эпической* и *драматической* поэзіи, которая одна и заслуживаетъ названа быть въ собственномъ смыслѣ *поэзіею* (т. е. творчествомъ). *Лирическая* же поэзія принадлежитъ къ витійству, ибо выражаетъ только чувство пѣснопѣвца, возбуждаемое въ немъ предметами. Она есть витійство, которое для сильнѣйшаго, пріятнѣйшаго выраженія, сочетавается съ музыкою, и размѣряетъ по ней свою рѣчь.

шей учебной книги о томъ предметѣ, о которомъ взялся разсуждать. Невѣроятно! а почти такъ думать должно, ибо онъ въ сочиненіи своемъ ссылается только на одного — Тредіаковскаго!...

„Нѣкоторые — продолжаетъ онъ — „утверждали, что сущность стихотвор„ства состоитъ въ *вымыслахъ*... другіе „*подражаніе природѣ* почитали отличи„тельнымъ свойствомъ стихотворства.“ Опредѣленіе первыхъ почитаетъ авторъ недостаточнымъ, потому что „стихо„творцы описываютъ не всегда вымы„шленные, но иногда и такіе предметы, „кои имѣютъ дѣйствительное бытіе; „они часто изображаютъ собственныя „свои чувствованія.“ Опредѣленіе послѣднихъ „очень неопредѣленнымъ, потому „что подражать природѣ можетъ не од„но токмо стихотворство, но и другія „искусства (какъ то: музыка, живопись), „даже въ прозѣ можно изображать нравы „и свойства людей, и притомъ весьма „естественно.“ Въ этомъ и я согласенъ: но кто же говоритъ, что стихотворство есть — просто *подражаніе* природѣ? . . . Оно подражаетъ только изящному, — или, употребимъ

иную равнозначущую дефиницію: оно вымышляетъ и описываетъ только то, что можетъ плѣнить воображеніе и тронуть сердце (*), для описанія чего имѣетъ оно особенный, плѣнительный образъ выраженія, т. е. *стихи* (**). Но авторъ разсматриваемой здѣсь книги на мѣсто обѣихъ приведенныхъ имъ выше, и справедливо отвергаемыхъ дефиницій, выставляетъ свою собственную. Ему кажется, что „можно справедливѣе опредѣлить стихотворство: *языкомъ страстей, языкомъ сильно растроганной души, или воспламенѣннаго воображенія.*“ — Слѣдовательно, языкомъ энтузіасма, (восторга)? Но восторгъ свойственъ не только Поэту; онъ свойственъ и Оратору. Краснорѣчіе вообще и отрасль ея лирическую поэзію можно назвать *языкомъ страстей* и пр. а поэзіи эпической надобно другое, тончѣйшее опредѣленіе. Но послушаемъ далѣе: „въ обширнѣйшемъ же „значеніи — продолжаетъ авторъ — стихо-

(*) *Основанія Рос. Словесности*, А. С. Никольскаго. Часть II. § 94. — Сіе опредѣленіе имѣетъ то достоинство, что оно объемлетъ и эпическую и лирическую поэзію.

(**) Тамъ же. — Непростительно нашему автору, ежели онъ не читалъ и сей простой, краткой, но превосходной учебной книги.

„творство можно назвать *искусствомъ* „*внутреннихъ чувствованій*, кои почти „всегда выражаются *мѣрно* и *по правиламъ*, но весьма часто и *безъ правилъ*, „и въ семъ-то смыслѣ можно назвать „его *творчествомъ*.“ Вотъ подлинно дефиниція ясная и опредѣлительная!! по крайней мѣрѣ я ничего не понялъ подъ словами: искусство внутреннихъ чувствованій; и что бы такое значило: *выражаться по правиламъ* и *безъ правилъ*? Изъ послѣдующихъ объясненій оказывается, что *по правиламъ* значитъ у него *стихами*, а *безъ правилъ* — *прозою*. Стихосложеніе конечно не составляетъ существенной принадлежности поэзіи или *творчества* (ежели такъ угодно называть); но въ чемъ собственно состоитъ сущность поэзіи, того авторъ не умѣлъ еще объяснить намъ въ своемъ опредѣленіи. Наконецъ однако кажется, что онъ попадаетъ на толкъ: „Повѣствователь, Витія, Мудролюбъ — всѣ обращаются къ разсудку. Главная цѣль ихъ „*увѣрить* или *научить*. Но стихотворецъ „желаетъ понравиться, плѣнить, растрогать, слѣдовательно онъ говоритъ „воображенію и страстямъ, онъ *тво-*

„*ритъ*.“ И тутъ еще сколько требуется объясненій и поправокъ! ибо: говорить воображенію и страстямъ должны также и витія и повѣствователь; нравиться, плѣнять должны и они, когда хотятъ увѣрить или научить. Цѣль у нихъ общая съ поэтомъ, а разныя только средства. Витія достигаетъ цѣли сей, живописуя явленія, кои дѣйствительно случались; онъ нравится искуснымъ представленіемъ *истины*. А поэтъ, для увѣренія же или наученія, вымышляетъ, *творитъ*, т. е. собираетъ нѣсколько картинъ плѣнительныхъ или поразительныхъ, порознь существующихъ въ природѣ, и составляетъ изъ нихъ одну какую нибудь плѣнительнѣйшую или поразительнѣйшую (*); онъ нравится искуснымъ вымысломъ, т. е. подборомъ такихъ картинъ. —

Послѣ своихъ не очень удовлетворительныхъ объясненій о сущности стихотворства, приступаетъ авторъ къ повѣствованію о *происхожденіи* стихотворства вообще. Хотя и это не бойко писано; однако оно можетъ почтено быть

(*) Основанія Рос. Словесности. Часть II. § 94.

едва ли не лучшимъ мѣстомъ во всей книгѣ. По крайней мѣрѣ тутъ нѣтъ ложныхъ или темныхъ мыслей; повторяется то, что сказано другими, и выводятся вообще соображенія довольно справедливыя. Замѣтимъ мимоходомъ нѣкоторыя неисправности въ слогѣ и въ выраженіяхъ.

На 12 стран. Сочинитель употребляетъ вмѣсто *фигуры: словоизвитія*. На сей разъ мы можемъ это простить ему, надѣясь, что онъ впередъ не будетъ въ такомъ значеніи употреблять сіе слово, написанное имъ конечно прежде, нежели онъ прочелъ въ *Вѣстникѣ Европы* критику на *разговоры о словесности*.

Встрѣчаются у него и другіе подобные, у нѣкоторыхъ писателей въ моду вошедшіе, переводы общепринятыхъ уже иностранныхъ словъ, на пр: Философовъ переводитъ онъ вездѣ *Мудролюбами*, Литераторовъ *Словесниками*: Исторія у него *дѣяпись!* ...

„Да и *льзя ли* думать, чтобы сердце, „сей источникъ всѣхъ наслажденій, въ „коемъ живутъ всѣ радости и печали, „могло не *изнуряться* послѣдними, и не „восхищаться при ощущеніи первыхъ.“

(стр. 13.) *Изнуряться* значитъ: истощаться, и не можетъ употреблено быть въ противоположность глаголу восхищаться. Тутъ надобно другое выраженіе.

„Сіи-то гимны и пѣсни даровали „смертному то, чего никакія власти „земныя даровать были не въ состояніи, „они даровали ему *Бога*, *упованіе* и *на„дежду*." (стр. 14.) Это требуетъ объясненія. Гласъ пѣснопѣвцовъ могъ только открыть, пробудить въ сердцахъ слушателей дремлющія еще чувствованія вѣры, надежды и проч. но не могъ никому даровать сихъ драгоцѣнныхъ чувствованій, влагаемыхъ каждому въ сердце самою природою. Впрочемъ здѣсь должно *упованіе* или *надежду* выкинуть, чтобы не было тавтологіи.

„Свирѣпый тигръ и змій усмиряются „ся при сладкопѣніи дикаго Американца. „Гордый конь своею поступью соотвѣтствуетъ гремящей музыкѣ." (стр. 14.) Послѣднее правда; но первое, не знаю какъ понимать: ежели авторъ выдаетъ это за правду, то онъ смѣется надъ читателемъ; если же хотѣлъ здѣсь только помѣстить риторическій тропъ, то

онъ помѣстилъ вмѣсто того нелѣпицу, перенесши баснословнаго Орфея въ Америку.

„Стихотворство раздѣлившись съ „музыкою, весьма много потеряло.“ (стр. 27) Надобно бы: отдѣлившись отъ музыки. —

Второе отдѣленіе, подъ заглавіемъ: *краткое повѣствованіе древняго восточнаго, Еврейскаго стихотворства, съ приведеніемъ лучшихъ примѣровъ*, содержитъ въ себѣ эстетическій разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книгъ Моисеевыхъ, изъ Псалмовъ, Пророковъ и проч. гдѣ авторъ, увлеченный красотами священнаго писанія, водитъ насъ съ собою по сему божественному вертограду, указывая намъ то на ту, то на другую высокую мысль, и заставляя насъ восхищаться оными. Мы рады дѣлить восторгъ его, и охотно притомъ забываемъ, что въ учебной книгѣ, какова напр. *Введеніе въ науку стихотворства*, требовалось бы поболѣе хладнокровнаго, спокойнаго сужденія; охотно прощаемъ ему недостатокъ основательной учености, какая бы нужна была при разборѣ Еврейской поэзіи. Но тѣже самые недостатки менѣе прости-

тельны ему при слѣдующемъ третьемъ отдѣленіи, которое имѣетъ заглавіемъ: *краткое повѣствованіе о Греческихъ и Римскихъ пѣснопѣвцахъ.* Здѣсь говоря о Гомерѣ, Виргиліи и проч. повторяетъ онъ, кажется, только читанныя или слышанныя имъ общія о нихъ разсужденія, воздерживаясь благоразумно отъ всякаго разсматриванія ихъ сочиненій, не приводя никакихъ примѣровъ, кромѣ только изъ Виргиліевой Энеиды начала четвертой пѣсни собственнаго своего перевода стихами: какъ будто бы изъ сихъ сорока стиховъ, и то не въ подлинникѣ, а въ дурномъ переводѣ — можно было узнать духъ Виргиліевой поэзіи!... Но я не буду утомлять вниманіе читателей разсматриваніемъ всего этого, а перейду къ любопытнѣйшимъ для насъ отдѣленіямъ, къ четвертому и пятому, гдѣ повѣствуется о Россійской словесности. Наперед однако замѣчу еще нѣкоторыя неисправности въ слогѣ и другія несообразности.

„Можетъ быть ни одинъ народъ не „принесъ столько даней, (даней — *чего* и *кому?*) ни одна страна не награждена „*столь* многими превосходными и без-

„*смертными* памятниками какъ благо-„словенная Грецiя.“ (стр. 64.) Памятниками *чего?*

„Всеобщее изступленiе народа.“ (стр. 64.) Что это значитъ? Сочинитель разумѣлъ конечно подъ симъ enthousiasme или exaltation; но изступленiе: extase!

„Въ семъ мрачномъ перiодѣ досто-„примѣчательны пѣвцы или Барды древ-„нихъ, сѣверныхъ народовъ, Германцевъ, „Бриганцевъ, Галловъ, Ирландцевъ, Дат-„чанъ, Аравитянъ и Шотландцевъ.“ (стр. 75.) Какъ Аравитяне попали между Датчанъ и Шотландцевъ?...

В.

(Оконч. въ слѣд. нум.)

ОПЕЧАТКИ:

Напечатано:				Чипай:
Стран.	132,	Стр. 6:	внѣ себѣ	внѣ себя
———	162,	—— 5:	ограды	отрады
———	165,	—— 16:	бредъ	бредъ.
———	186,	—— 7:	подъ No 11	подъ No II
———	198,	—— 4:	о трехъ, удареніяхъ особливо,	о трехъ ударе-ніяхъ, особливо

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ІЮНЬ 1812. № 6.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

О Римскомъ Краснорѣчіи.

Любовь къ отечеству царствуетъ наиболѣе въ такомъ правленіи, гдѣ не только частная польза не отдѣляется отъ общаго блага, но соединеніе сихъ двухъ важныхъ предметовъ есть вмѣстѣ произведеніе и подпора мудраго и постояннаго равенства. Нѣтъ ничего высокаго, чего бы не могло внушить сіе сильное и благородное чувство, когда Ораторъ, будучи господиномъ своихъ мыслей и страстей, будучи равенъ всѣмъ прочимъ гражданамъ и покоенъ подъ щитомъ правительства, не чувствуетъ надъ собою никакой власти, кромѣ собственной ревности ко благу отечества.

Таковы были права, коими наслаждались Римскіе граждане въ продолженіи извѣстнаго времени. Будучи вмѣстѣ подданные и верховные правители, они повиновались начальникамъ и судили ихъ; или лучше, они были природные судьи правителей и повиновались только законамъ. Конечно и у нихъ были мѣста почетныя, съ которыми давались преимущества и власть; но мѣста сіи ни для кого не были неприступны, и всякъ, кто вступалъ на оныя, возводимъ былъ, такъ сказать, рукою всѣхъ своихъ сограждан. Хотя Сенаторъ отличался отъ всадника, воинъ отъ ремесленника, Патриціи отъ Плебея; но всѣ сіи званія сливались въ одно, первое и священнѣйшее титло гражданина; и вельможи и народъ равно были увѣрены, что общественное благо зависѣло единственно отъ равновѣсія силъ ихъ.

Все возбуждало и укрѣпляло сіи великія правила въ душѣ Оратора. Воспитаніе имѣло ту только цѣль, чтобы дать Государству истинныхъ гражданъ. Съ сею цѣлію воспитывался воинъ, Политикъ, Философъ и Ораторъ. Безъ любви къ отечеству таланты и достоинства

не значили ничего и имя великаго давалось только тому, кто отличался великими дѣлами или терпѣлъ великія нещастія для отечества. Имя отечества, которое было пріятнѣе, священнѣе и произносилось чаще имени отца, сына и супруга, владычествовало въ сраженіяхъ, дѣлахъ и играхъ; оно плѣняло народъ въ собраніяхъ публичныхъ; составляло утѣшеніе и щастіе семействъ; было первымъ словомъ начинающаго лепетать младенца и послѣднимъ умирающаго старца.

Къ силѣ, какую поселяла въ душѣ Римскаго Оратора любовь къ отечеству, присоединялась еще другая, раждаемая любовію къ славѣ. Римъ предоставлялъ своимъ Ораторамъ все, что только можетъ льстить самому неограниченному честолюбію. Уваженіе, любовь и признательность народа, облеченнаго верховною властію, народа независимаго и просвѣщеннаго; всеобщая довѣренность; неограниченная власть въ свободномъ городѣ; самыя высокія достоинства; самые священные памятники; наконецъ даже бразды правленія, ввѣряемыя рукамъ Оратора, - вотъ что было всегда почти наградою

краснорѣчія. Неоднократно случалось, что простой гражданинъ переходилъ съ каѳедры на первую степень достоинства въ свѣтѣ; а Цицеронъ къ украшавшему его высокому титлу главы Республики присоединилъ другое блистательнѣйшее и славнѣйшее титло отца отечества.

Взглянемъ на предметы, о коихъ говорилъ Римской Ораторъ; можно ли найти что важнѣе и выше ихъ? Сдѣлавшись верховнымъ исполкователемъ воли отечества и цѣнителемъ истинныхъ выгодъ его, онъ долженъ былъ изъяснять его жалобы, нужды и желанія; онъ разбиралъ дѣла Государственныя; права его простирались на всѣ части правленія; священное хранилище законовъ, трактаты, союзы, война, миръ, все было въ его власти; словомъ — онъ держалъ въ рукахъ вѣсы, на коихъ взвѣшивалась судьба Всемірной Имперіи.

Наконецъ, каковъ былъ театръ Римскаго Оратора и предъ какими людьми говорилъ онъ свои рѣчи? Предъ Сенатомъ, который Цинею показался собраніемъ Государей; предъ народомъ, который владычествовалъ надъ большею частію все-

ленной и коего одно присутствіе превращало въ героевъ низкихъ гладіаторовъ.

Замѣтимъ здѣсь, что Ораторъ только въ собраніи великаго народа можетъ разкрыть всѣ свои силы и изъяснить тѣ чувствованія, которыя хочетъ внушить и которыми самъ исполненъ. Краснорѣчію приличны однѣ сильныя и общія страсти; а сіи страсти находимъ мы только въ такомъ народѣ, который, избавясь узъ и предразсудковъ искусственнаго воспитанія, чѣмъ простѣе и непостояннѣе, тѣмъ болѣе бываетъ покоренъ и удобопреклоненъ.

Искусство убѣдить какого нибудь Государя, или Министра, требуетъ почти только хитрости и тонкости; здѣсь надобно стараться убѣдить болѣе умъ, нежели тронуть сердце: но для убѣжденія народа, нужно краснорѣчіе природы и страстей.

Когда Цицеронъ говоритъ въ защиту невиннаго, когда гремитъ противъ злодѣевъ въ присутствіи всего Сената и окруженный всѣмъ народомъ; тогда слово его важно, смѣло, сильно и побѣда несомнѣнна: но естьли защищаетъ онъ

особенно Дейотара, если ли обращается къ одному Цесарю; но теряетъ смѣлость и силы; тогда онъ дрожитъ, забывается, возбуждаетъ жалость. Какое различіе въ слогѣ, духѣ и правилахъ между словами Цицерона за Лигарія и Маркелла, и тѣми, которыя произносилъ онъ противъ Верреса, Катилины и Марка Антонія! Тамъ все стараніе его обращено только къ тому, чтобы польстить притѣснителю Республики; а здѣсь, подкрѣпляемый несомнѣнною надеждою на похвалы и рукоплесканія народа, онъ дышетъ только любовію къ свободѣ.

Вотъ что составляло пищу и подпору краснорѣчія у Римлянъ, пока существовала Республика. Но когда верховная власть перешла въ руки одного, тогда краснорѣчіе погибло вмѣстѣ съ свободою.

Съ фр. ф.

Разговоръ живаго съ мертвымъ. (*)

Ὠμὸν βεβρώθοις πρίαμον πρίαμοίο τε παῖδας. Jl. 4. V. 35.

Crudum manduces Priamum Priamique pisinnos. Acc: Labeo.

Цѣлый вчерашній день такъ передъ дождемъ было душно, что я не могъ ни гдѣ найти мѣста. Отобѣдавъ хотѣлъ было заснуть, но глаза мои не смыкались; хотѣлъ было читать, и въ голову ничего не лѣзло! Оставалось одно средство: сѣсть къ письменному столу, обложить себя вокругъ книгами, коихъ наркотическое дѣйствіе мнѣ давно извѣстно: облокотиться на нихъ, уперетъ голову на кулаки и . . . думать.

Когда я былъ въ такомъ положеніи, то нѣкоторые переводы подъ локтями случившіеся, возбудили въ понятіи моемъ мысли о словѣ *переводить*. Я началъ о немъ разсуждать, и вотъ какимъ образомъ бормоталъ про себя:

„Глаголъ: *перевожу* имѣетъ на нашемъ языкѣ весьма обширное значеніе. — Не

(*) Прислано отъ неизвѣстнаго.

входя въ подробное изслѣдованіе разныхъ его знаменованій, я желаю отъ искренняго сердца, чтобы Академія наша поточнѣе опредѣлила смыслъ его относительно къ дѣйствію *преложенія* или *перевода* книги съ языка на другой. Я нахожу, что переводить (особливо съ недавнихъ поръ) не только что употребляется неправильно, но часто въ постороннемъ, а иногда и совсѣмъ въ противномъ смыслѣ. Напримѣръ я скажу: Костровъ и Гнѣдичъ перевели нѣсколько пѣсней Иліады. Это значитъ, что Костровъ и Гнѣдичъ заставили Омира говорить по Руски: Но если говоря объ Акціѣ Лабіонѣ, я скажу, что и онъ *перевелъ* Омира, тогда я буду объясняться неправильно; поелику мнѣ слѣдовало бы сказать: *Акцій извелъ Омира*; ибо такимъ образомъ *переводить*, заключаетъ тотъ же самый смыслъ, въ которомъ говорится... *перевести* клоповъ, мышей, крысъ и проч. т. е. истребить ихъ. Симъ довольно яснымъ примѣромъ, я надѣюсь всякой здравомыслящій человѣкъ убѣдится въ основательности моего заключенія и вмѣстѣ со мною пожелаетъ, какъ можно скорѣе, видѣть точное опредѣленіе глагола *пере-*

водить; и между тѣмъ для пресѣченія зла (что бъ и въ самомъ дѣлѣ не поступали съ Виргиліемъ, Гораціемъ, Тацитомъ и бѣднымъ Тассомъ, какъ съ клопами), дабы ценсура опредѣлила всѣмъ переводамъ во вкусѣ Акціева, непремѣнный и непреложный Эпиграфъ: „*Отче! отпусти имъ* и проч.“

Окончивъ монологъ мой, я почувствовалъ себя въ томъ состояніи, которому нѣтъ названія ни какомъ языкѣ, и котораго опредѣлить иначе нельзя какъ отрицательно: это то, что называется, ни во снѣ, ни на яву. Мнѣ казалось-или въ самомъ дѣлѣ такъ было — что я раскрылъ XI книгу Тацитовыхъ лѣтописей; но вмѣсто того что бы читать ихъ, мнѣ почудилось, что сама книга заговорила въ слухъ, и хотя по Руски, но такимъ страннымъ языкомъ, что я не могъ понять ни слова. Слушаю я пять и десять минутъ, шевелю пальцами въ ушахъ, таращу глаза, тру себѣ лобъ — ничто не дѣйствуетъ! Наконецъ меня взяло отчаяніе. Какъ это можетъ статься, вскричалъ я, что бы Тацитъ, умный человѣкъ, забывъ природный свой языкъ и не учившись по Руски, вздумалъ гово-

рить ни по каковски!... Едва вымолвилъ я слова сіи, какъ тѣнь почтеннаго Историка-Философа явилась передо мною. Не могу объяснить того, что происходило со мной въ эту минуту, а помню только, что я не въ силахъ былъ привстать со стула; казалось гора лежала на плечахъ моихъ. Я мучился, хотѣлъ по крайней мѣрѣ выговорить приспойное привѣтствіе и вмѣсто того сорвалось съ языка моего неприспойное восклицаніе: Quantum mutatus ab illo! Не смотря на это, зять Агриколы былъ снисходительнѣе Гекпора; ибо не ждалъ, что бы я первый подобно Энею, прервалъ молчаніе, самъ началъ со мною слѣдующій весьма примѣчательный разговоръ:

Тацитъ. Скажи мнѣ, за что ты на меня нападаешь, и что такое невразумительное находишь въ повѣствованіяхъ моихъ на Рускомъ языкѣ?

Я. Не я, Тацитъ, на тебя нападаю, а тотъ кто уговорилъ тебя объясняться на такомъ языкѣ, который не поҳожъ ни на Латинской, ни на Рускій, а Богъ знаетъ какой! Виноватъ ли я, что тебя не понимаю? — Davus sum, non Oedipus. Уваженіе мое къ тебѣ столь велико, что

я желалъ бы тебя слышать говорящаго по-Руски, но такъ, чтобъ соотчичи мои познали въ тебѣ того глубокомысленнаго Философа, тонкаго наблюдателя, Поэта и Живописца, котораго находитъ въ тебѣ всякой тотъ, кто имѣетъ щастіе бесѣдовать съ тобою на природномъ твоемъ языкѣ. Когда же я ничего такого не нахожу въ Рускихъ твоихъ лѣтописяхъ, то позволь мнѣ за тебя же заступаясь и попѣнять тебѣ....

Тацитъ. Пѣняй сколько угодно; только скажи за что, и по порядку докажи, почему ты меня находишь непонятнымъ на Рускомъ языкѣ?

Я. Ахъ! Тацитъ, Тацитъ! еслибъ я вздумалъ все разбирать по порядку, то надобно бы было тебя останавливать, не только на каждой строкѣ, но почти на каждомъ словѣ: терпѣнія твоего не станетъ! Съ первой книги до послѣдней вездѣ: crudum manduces Priamum. Кто бы подумалъ, напримѣръ, что говоря о Ливіѣ, Августовой супругѣ, ты назовешь ее *тяжелою* матерью....? (*)

Тацитъ. Перестань пожалуй! я самъ теперь чувствую, что это неловко ска-

(*) Gravis in Rempublicam mater. Lib. I. C. 10.

зано. Какъ быпь! я тогда только начиналъ лепетать по Руски и плохо зналъ языкъ (*). Приступимъ къ чему нибудь другому.

Я. Все равно, Тацитъ; все похоже на *тяжелую мать* (Gravis mater....) Кого хочешь Рускаго спроси, всякой тебѣ скажетъ, что нѣтъ ни смысла, ни связи въ твоихъ Рускихъ рѣчахъ; совсѣмъ не твои мысли, а какъ будто спихи Кумейской Сивиллы, вѣтромъ по пещерѣ разсѣянные, и такъ перемѣшанные, что толку въ нихъ не доберешся. Хотъ кого такъ досада возметъ!..

Inconsulti abeunt fedemque odere Sibyllae!

Тацитъ. Оставимъ теперь въ покоѣ Виргилія и Сивиллу; продолжай то что началъ. Я вижу тутъ передъ тобою XI книгу моихъ лѣтописей.

Я. На удачу раскрылъ ее. Взгляни самъ: говоря о Азіатикѣ, ты называешь его *особенною* виною Цесарева убійства. Такъ ли ты сказалъ по Латинѣ? Praecipuus Auctor не *особенная* вина, а главный виновникъ. Потомъ продолжаешь ты: „*Криспинъ* нашелъ его въ *Вѣнѣ*... (**)."

(*) Это въ началѣ перевода.
(**) A quo receptus est apud Baias.

Тацитъ. Быть не можетъ!

Я. Какъ быть не можетъ? посмотри: въ *Вѣнѣ!* Я и самъ было думалъ, что это опечатка, и что въ погрѣшностяхъ найду: вмѣсто въ Вѣнѣ, читай: въ Байяхъ; но ни тутъ-то было!

Тацитъ. Помомъ! по порядку!

Я. Воля твоя, Тацитъ! а нельзя по порядку! ни моего, ни твоего терпѣнія не станетъ. О двухъ страницахъ придетъ два дни толковать. Посмотри самъ, вспомни что ты писалъ и сличи съ тѣмъ, что ты говоришь. Азіатику осужденному на смерть, Клавдій изъявляетъ особливую Монаршую милость въ позволеніи избрать родъ смерти. Услужливые придворные совѣтуютъ ему уморить себя голодомъ, какъ легчайшее средство отправиться на тотъ свѣтъ: но Азіатикъ благодаритъ ихъ за доброжелательство, и на сей случай предпочитая скорѣйшій способъ медленному, открываетъ себѣ жилы. А предъ тѣмъ: „онъ „принялся за обыкновенныя свои упра„жненія, предавшись *роскошному* пиро„ванію и разглагольствуя“...!!! Это слова твои по Руски, а вотъ твои же слова по Латинѣ: — „et usurpatis, quibus insve-

verat, lauto corpore, hilarè epulatus, quum se &c. *dixisset* . . . venas exsolvit.“ — Гдѣ же шутъ *роскошное пированіе*? гдѣ *разглагольство*? Я изъ Латинскихъ твоихъ словъ вижу: что онъ въ самый день смерти упражнялся въ обычныхъ своихъ тѣлодвиженіяхъ, т. е. въ верховой ѣздѣ, или въ бѣганіи, или въ игрѣ мячемъ, или въ плаваніи въ Тибрѣ, и что попомъ, омывъ тѣло въ банѣ и весело, hilarè, а не *роскошно*, поужинавъ, сказалъ весьма коротко свое мнѣніе о Клавдіѣ, (а не разглагольствовалъ) и открылъ себѣ жилы.

Тацитъ. Ты правъ; я хотѣлъ описать смерть Валерія, достойною Стоика, а не Эпикурейца.

Я. Такъ зачѣмъ же ты изъ него сдѣлалъ палача?

Тацитъ. Какъ палача?

Я. Точно такъ. Послушай самъ, что ты говоришь: „однако онъ осмотрѣлъ прежде *эшафотъ*.“ — Что же это значитъ?

Тацитъ. Я по Латинѣ сказалъ: „Viso tamen *rogo*, jussoque transferri partem in aliam, ne opacitas arborum vapore ignis minueretur.

Я. О! это дѣло другое! онъ сперва

осмотрѣлъ не эшафотъ, а *костеръ*, сооруженный для созженія тѣла его по смерти, и примѣтивъ, что онъ слишкомъ близко поставленъ къ деревьямъ, которыми Римляне усаживали дворы свои для прохлады, велѣлъ перенести его въ другое мѣсто, опасаясь чтобы жаръ пылающаго костра не повредилъ густоты вѣтьвей, opacitati arborum — а *не тѣни* (*). Я и не понимаю какъ можетъ что нибудь повредить тѣни!

Тацитъ. Хорошо, продолжай.

Я. Не уже ли я тебѣ не наскучилъ? Показать ли тебѣ, что причиною смерти братьевъ *Пётра* было то: „что они допустили видѣться въ дому своемъ *Валерію* съ *Поппе*.“ Допустили кого? *Валерію!* — Я ни слова не слыхалъ объ ней.

Тацитъ. И я въ первый разъ слышу. Какъ Валерія! Тутъ не можетъ быть рѣчи о Консулѣ Валеріѣ Азіатикѣ... Постой! теперь вспоминаю; я сказалъ по Латинѣ: et causa necis, quod domum suam *Mnesteri* et Poppaeae praebuissent.“ —

Я. О! вотъ уже опять со всѣмъ иное дѣло! Теперь я вижу, что рѣчь о Пантомимѣ Мнестерѣ, объ общемъ предметѣ

(*) „дабы пламя не повредило тѣнь деревъ.“ стр. 12.

любви и соперничества Мессалины и Поппеи.... ба! Тацитъ! да ты уже и зѣвать начинаешь! постой. Я тебя еще позабавлю ошибкою, которую ты сдѣлалъ противъ первыхъ правилъ Ариѳметики. Сколько по словамъ твоимъ получили денежнаго награжденія доносщики Криспинъ и Сосибій; а не Сосивій, ибо Латинское В у насъ *Буки*, а не *Вѣди*?

Тацитъ. Я скажу тебѣ по Латинѣ: Sestercium quindecies — Crispino; sestercium decies — Sosibio.

Я. Очень хорошо! Мы знаемъ, что сокращеніе: H. S. значитъ сто тысячь сестерціевъ; слѣдовательно decies H. S. десять разъ сто тысячь или миліонъ сестерціевъ. Теперь сдѣлаемъ самую простую посылку: когда полученные Сосибіемъ 10. H. S. составляютъ миліонъ сестерціевъ, то что составятъ 15. H. S. данные Криспину?

Тацитъ. Очевидно! полтора миліона.

Я. А какъ же тебѣ не стыдно, Тацитъ, что по Руски ты сказалъ вмѣсто полутора миліона, полтары тысячи! „*Криспину опредѣлены полтары тысячи сестерціевъ.*“ Эдакъ подумаютъ, что ты и щету не знаешь. Но полно мнѣ и себѣ и

тебѣ скучать. Лучше бы было, если бъ ты потрудился растолковать мнѣ тѣ мѣста въ твоихъ сочиненіяхъ, которыя отъ переписчиковъ пострадали, а особливо еслибъ ты продиктовалъ мнѣ начало этой самой книги, которое до насъ не дошло.

Тацитъ. Съ охотою бы исполнилъ твое желаніе, но теперь недосугъ. Меня ждутъ Ѳукидидъ, Ксенофонъ, Поливій и Макіавель. Тѣни упросили насъ составить Комитетъ для изданія Элисейскихъ вѣдомостей. Пора приниматься за работу, за вѣстями дѣло не станетъ. Мы ждемъ нынѣшній годъ большаго у себя съѣзда. Прощай. Нѣтъ ли какихъ приказаній въ наше царство?

Я. Приказаній, Тацитъ? покорная просьба поклонишься отъ меня Виргилію, Горацію и Тассу, и попросишь ихъ, что бы они, Бога ради! перестали говорить по Руски, или такъ говорили, что бы всякой могъ разумѣть ихъ.

* * *

Гимнъ Негодованію. (*)

(Съ Греческаго.)

Крылатое Негодованье!
Строгоочита Правды дщерь,
Жизнь смертныхъ на вѣсы кладуща!
Ты адамантовой своей уздою
Ихъ бѣгъ порывистый умѣрь!

Не терпишь ты гордыни вредной,
И зависть черную женешь;
А счастію — отцу гордыни,
Таинственнымъ твоимъ, вѣчнобѣгущимъ,
Превратность колесомъ даешь!

Невидимо слѣдя за нами,
Смирительница гордыхъ вый:
Склонивъ свои зѣницы къ персямъ,
Непрестаешь неложнымъ мѣрять лакшемъ
Удѣлъ комуждо роковый.

Но и смягчись къ проступкамъ смертныхъ,

Судяще жизнь ихъ правотой,
Крылатое Негодованье!
Тебя поемъ, тебя мы ублажаемъ,
Съ подругою твоей святой,

(*) У Грековъ обоготворяема была *Немезисъ*, т. е. *Негодованіе*, возбуждаемое въ насъ всякимъ неправеднымъ, гордымъ, обиднымъ для человѣчества поступкомъ. Богиня сія изображаема была иногда съ крыльями, приподнимающею покровъ на груди своей, съ опущеннымъ на оную взоромъ; или пригнувшею локоть

Со Правосудьемъ грозномстящимъ!
Его же приближенье къ намъ,
На крыльяхъ, шумно разпростертыхъ—
Смиритъ и гордость, и негодованье:
Ему послушенъ Тартаръ самъ!

А. Востоковъ.

свой ко груди, какъ бы для вымѣрянія чего опымъ; или имѣющею у ногъ своихъ колесо, а въ шуйцѣ узду; или же держащею въ рукѣ колесо, пращу, узду и вѣтвь древесную. Почти всѣ сіи различныя изображенія Немезы соединены въ семъ Гимнѣ, сохранившемся до насъ съ другими мѣлкими стихотвореніями Греческими, въ Антологіи помѣщенными. Сочинителемъ онаго почитается нѣкто *Мезодиій* см. Brunk: analecta veterum poetarum graecorum, Tom. II.

Къ Кораблю.

Горація I книги XII ода: *o Navis* &c.

Не вновь ли, о корабль! добыча непогоды,
Ты мчишься по волнамъ и пѣнишь бурны воды?
Зачѣмъ не въ пристани ты держишься своей?
Иль мало испыталъ свирѣпости морей?
Ужъ веслы прочь летятъ! ужъ стонутъ крѣпки снасти,
И щогла, затрещавъ, распалася на части!

*

Куда безъ вѣтрилъ ты направишь свой полетъ?
Спасителей-боговъ съ тобою болѣ нѣтъ!
Смолистая корма готова сокрушиться
И вихремъ вздутый валъ къ ней съ смертію стремится!
Ни имя славное родной твоей страны;
Ни ребра, что изъ сосенъ Понтійскихъ сплетены,

*

Изпуганнымъ пловцамъ ничто ужъ не защита!
Коль милуетъ еще судьба тебя сокрыта —
Не будь въ бездѣйствіи! Ахъ, сколько горькихъ слезъ
И страха мнѣ, корабль, недавно ты нанесъ!
Брегись опасныхъ скалъ!—Брегись Цикладской мѣли! —
Могущи корабли отъ нихъ не уцѣлѣли!—

М.

Неразрѣшимый узелъ.

(подражаніе *)

Славнѣе побѣдить
Не остріемъ меча, но силою душевной.
Что смертнаго рука могла соорудить,
То смертнаго жъ рукой быть можетъ сокрушенно.

Гдѣ толща Вавилонскихъ стѣнъ?
Гдѣ Троя, Мемфисъ, грады славны?
Распались, обратились въ тлѣнъ.—
Помпеевъ, Брутовъ Римъ державный
Подъ новымъ Римомъ погребенъ.

Что строятъ смертные, подобно имъ все смертно.
Падетъ—иль случаемъ слѣпымъ,
Иль честолюбія рукой желѣзной стерто,
Или подкопано коварствомъ злымъ.

Вотщежъ и ты со многимъ тщаньемъ,
Фригіецъ, ободренъ оракула вѣщаньемъ,
Трудился узелъ сплесть, неразрѣшимый ввѣкъ!
Се—дерзкій юноша притекъ;
Недолго думалъ онъ какъ разрѣшить зарочный
Сей узелъ: онъ его мечемъ своимъ разсѣкъ!

(*) Изъ сочиненій *Іакова Бальде* Латинскаго стихотворца 17го столѣтія, котораго преложилъ Гердеръ на Нѣмецкій языкъ.

Но могъ ли бъ онъ и сей разторгнуть узелъ
прочный,
Который, граждане! я предлагаю вамъ:
Ударьте по рукамъ!
Сплетитеся рука съ рукою;
И вѣрой, правдою святою
Клянитесь другъ за друга стать!

Пусть Македонянинъ пріидетъ разторгать
Сей узелъ нашъ неразрѣшимый!
Единодушіемъ связуемый, держимый,
И въ мирѣ и въ войнѣ пребудетъ крѣпокъ онъ.

Не изъ ремней, ниже изъ вервія сурова,
Изъ нѣжныхъ прядей соплетенъ;
Онѣ суть : совѣсть, честь, храненье данна
слова
Для благородныхъ душъ священнѣйшій законъ.

А. Востоковъ.

Подражаніе Горацію.

Musis amicus. *Кн. I. Од. 26.*

А. Н. О.

Пишомецъ Піеридъ—и суеты и горе
Я вѣтрамъ отдаю, да ихъ поглотитъ море!
И чуждъ мірскихъ цѣпей,
Въ моей свободной долѣ
Я не страшусь Царей,
Дрожащихъ на престолѣ;
Но Дія чту и Музъ и Фебовыхъ жрецовъ.
О веселящаясь на высотѣ холмовъ,
Или въ тѣни долинъ пространныхъ,
Гдѣ сребренный шумитъ потокъ,
Нарви цвѣтовъ благоуханныхъ
И свей, Піерида, достойному вѣнокъ.
Не звученъ пѣсней гласъ тобой не вдохновенныхъ;
Коснисяжъ струнъ моихъ волшебной ты рукой
И мужа возвеличь безмерною хвалой,
Достойнаго тебя и сестръ твоихъ священныхъ.

Г—ъ.

Весна Тибулла.

Ужъ таютъ на поляхъ снѣга,
Дожди спадаютъ благодатны,
И снова вѣютъ на луга
Весенни вѣтры ароматны;
Одѣлись холмы красотой,
Бѣжитъ ручей сверкая въ полѣ,
Все разцвѣтаетъ вновь съ весной:
Тибуллъ не разцвѣтетъ ужъ болѣ.

*

Зазелѣнѣлъ высокій лѣсъ,
И пробужденна Филомела
Въ весенней ясности небесъ
Порхая пѣснь любви запѣла,
Вновь съ другомъ сердца своего
Дѣлитъ восторгъ въ щастливой долѣ:
Но ты, Тибуллъ, но ты ужъ болѣ
Не встрѣтишь друга твоего.

*

Поютъ любовь пернатыхъ лики,
Пора настала ихъ забавъ;
Пустынныхъ дебрей звѣри дики
Смягчаютъ свой свирѣпый нравъ;
Краса сокрылась древъ подъ тѣнью,
Восторгъ и нѣга дышутъ съ ней;
Но въ горестной душѣ твоей,
Тибуллъ, нѣтъ мѣста восхищенью!

*

Ты зрѣлъ ли преклоненный вязъ
Лишенный листьевъ, опаленный,

Котораго перунъ потрясъ
Низпавъ со тверди воспаленной?
Всего лишася онъ готовъ
Чрезъ мигъ печально пасть въ долинѣ:
Тибуллъ, потребноль болѣ словъ
Что бъ о твоей вѣщать судьбинѣ?

М.

Отрывокъ изъ Делилевой Поэмы: Сады.

Но мало для садовъ веселыхъ той отмѣны,
Чтобъ только разстилать сіи ковры зелены;
Со вкусомъ разный имъ ты образъ назначай.
Во одинакихъ ихъ предѣлахъ не стѣсняй.
Я съ жалостью смотрю, когда они всѣ сжаты
Въ несносные круги, иль въ скучные квадраты:
Ихъ прелесть главную составитъ вольный видъ.

То въ рощѣ иль въ лѣсу, который ихъ тѣнитъ,
Пусть тайнымъ образомъ они себя скрываютъ,
То пусть опять лѣса ихъ ищутъ и срѣтаютъ.
Вотъ лучшій, чистый дернъ, простой; имъ украшай.

Чтобъ онъ красивѣй былъ, природѣ подражай.
Она цвѣтущими роскошествуетъ лугами:
Спѣши и ты свой садъ обогатить цвѣтами.
Цвѣты, прелестное сокровище очей!
Отъ васъ прекраснѣе природа и милѣй.
Искусство для своихъ отличныхъ начертаній
Васъ образцемъ беретъ; простыя сердца дани,
Васъ приношеніемъ достойнымъ дружба чтитъ,
Васъ пылкая любовь на счастіе даритъ.
Вы честь убранствомъ быть красавицъ заслужили;
Васъ лавры украшать побѣду допустили;

Вы милой скромности награда въ деревняхъ;
На самыхъ Божія величья олтаряхъ
Пріятнѣйшій вашъ даръ весной благоухаетъ,
И благочестье васъ съ улыбкой созерцаетъ.
Но въ нашихъ вамъ садахъ жизнь, радость и покой.
Украсьте же сіи поля, луга собой,
Росы и дневнаго свѣтила плодъ прекрасный.

Не ждите между тѣмъ, чтобъ вашъ любитель страстный,
На мѣсто складки васъ въ кусточки и пучки,
Я сталъ обхаживать всѣ грядки, цвѣтники,
Чтобъ каждаго цвѣтка дождаться прозябенья,
Ихъ краски замѣчать, отличіе смѣшенья.
Такихъ охотниковъ въ Гарлемѣ я найду:
Тамъ заключась иной съ ранункулемъ въ саду,
Проснется до зари, что бы увидѣть оный,
За рѣдкость чтитъ свои, за чудо анемоны;
Иль въ знаніи цвѣтовъ завидуя другимъ,
За пятна золотомъ гвоздичны платитъ имъ.
Оставь при немъ ту страсть и странную охоту,
Сей зависти удѣлъ и скупости заботу.

Искусства прихотей въ законахъ не держась,
Цвѣты, краса полей и услажденье глазъ,
Своими красками вы землю оживите;
Но вашихъ прелестей отъ насъ не заключите
Въ изгнаньи жалостномъ по тѣснымъ цвѣтникамъ.

Пускай онѣ по всѣмъ размножатся мѣстамъ:
Тамъ зелень чистую нолянокъ изпещряйте,
А здѣсь края собой тропинокъ украшайте;
Извейтеся въ вѣнки, цвѣтите вкругъ аллей,
Текиte къ брегу водъ излучистой стезей,
Развѣстесь по стѣнамъ, иль запахъ вашъ пріятной
Пусть пчелку привлечетъ къ корзинѣ ароматной.

Пусть знающій Рапенъ всѣ ваши времена
Означитъ ваши всѣ примѣты, имена,
Не терпитъ вкусъ такихъ подробностей невмѣстныхъ.
Но кто бы не почтилъ розъ нѣжныхъ и прелестныхъ?

Изъ розъ составила Весна свои вѣнки,
Венера рощицы, любовь свои пучки;
Ихъ пѣлъ Анакреонъ, изъ нихъ вѣнокъ сплетенный
Въ дни пиршества носилъ Горацій несравненный;
Ихъ превосходный сокъ, Азійскихъ рѣдкость странъ,
Скупою бывъ рукой по каплѣ изліянъ,
Всѣ домы полнитъ тамъ своимъ благоуханьемъ.
Какъ сладкимъ жизнь полна бываетъ вспоминаньемъ!

П. Карабановъ.

Лизанька и Чижъ.

(Басня.)

„Что это за житье? терпѣнья право нѣтъ!“ —
Такъ Лиза дѣвушка четырнадцати лѣтъ
Сама съ собою говорила. —
„Все хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила,
„Не дастъ почти и погулять.
„Едваль три раза въ годъ бываю я на балѣ;
„А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ,
„Куда какъ весело одной вальсировать!...“ —
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Нечаянно на верхъ окна,
И что-жъ увидѣла она?
Любимый чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жордочкѣ, повѣсивши носокъ.
„Ахъ! вольность дорога и птицѣ“ —
Сказала Лизанька, —„я по себѣ сужу.
„О бѣдной Пипинька! ужъ болѣ
„Тебя не удержу;
„Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ.“
Съ симъ словомъ отперла она у клѣтки дверь.
Встряхнулся Пипинька, летитъ въ окно, кружится,
На крышку ближнюю садится,
Запѣлъ... *какъ щастливъ онъ теперь!*
Мечтаетъ Лизанька, и видитъ изъ окошка,
Что къ чижичку подкралась кошка,

Прыгнула на него и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.

Въ раскаяньи, въ слезахъ
Вотъ Лиза что сказала:
„Какъ смѣла я на маменьку роптать!
„Теперь я вижу очень ясно,
„Что волю тѣмъ имѣть опасно,
„Кто слабъ и самъ себя не можетъ сохранять.“

А. Измайловъ.

Эпиграмма.

О ужасъ! о досада!
Гомера перевелъ безграмотный Глупонъ!
Отъ лошади погибъ нещастный Иліонъ,
А отъ осла погибла Иліада.

И.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ о Русскомъ стихосложеніи.

(окончаніе.)

Глава третья.

О сказочныхъ или повѣствовательныхъ стихахъ Рускихъ.

Стихи *о трехъ удареніяхъ дактилическаго окончанія* употребляются въ Рускихъ народныхъ сказкахъ или повѣствовательныхъ пѣсняхъ, каковыхъ мы имѣемъ печатное собраніе подъ именемъ *древнихъ Рускихъ стихотвореній*. Изъ 26 ти піесъ помѣщенныхъ въ ономъ собраніи, всѣ кромѣ двухъ сочинены симъ размѣромъ. Также и въ пѣсенникахъ печатныхъ находящіяся между прочими повѣствовательныя пѣсни или романсы Рускіе имѣютъ сей же размѣръ. Мы выпишемъ здѣсь таковой коротенькой романсъ.

Отéцъ на сы́на прогнѣ́вался;
Приказа́лъ сосла́ть со очéй долой:
Велѣ́лъ спозна́ть чужую сто́рону,
Чужу́ю сто́рону незнако́мую.
Больша́я сестра́ коня вы́вела,

Середняя сестра́ сѣдло вы́несла,
Меньша́я сестра́ плѣ́тку подала.
Какъ пода́вши плѣ́тку запла́кала,
Что запла́кавши слово мо́лвила:
Ахъ бра́тецъ, ты бра́тецъ роди́мой мой!
Когда́ же ты, бра́тецъ, домо́й будешь?
Сестри́ца, сестри́ца роди́мая!
Какъ е́сть у ба́тюшки зелёной садъ,
Въ зелёномъ саду суха́я я́блонька:
Какъ разцвѣтёт ъ та суха́я я́блонька,
Попу́ститъ она́ цвѣты бѣ́лые;
Тогда́ я сестри́ца домо́й буду.
Что прогнѣ́вавши отца́ роди́маго,
Одинъ-то я оста́лся доброй мо́лодецъ!
Еще нѣ́ту со мной това́рища,
Еще нѣ́ту со мной друга ми́лова,
Еще нѣ́ту со мной слуги вѣ́рнова.
Това́рищъ мой, то вѣдь до́брой конь;
А ми́лой другъ, то мой крѣ́пкой лукъ,
Слуги вѣ́рныя мои калены́ стрѣ́лы:
Куда и́хъ пошлю, туда са́мъ нейду.

Читатель видитъ, что здѣсь сказочные или о трехъ удареніяхъ стихи не до конца выдержаны; но что послѣдніе 7 стиховъ сплошь о двухъ удареніяхъ, и слѣдовательно пѣсенные. Я нарочно выбралъ такой неровный и сомнительный примѣръ, чтобъ предупредить при семъ возраженія, какія мнѣ могутъ быть сдѣланы. Таковое смѣшеніе размѣровъ, ко-

торое — сказать правду довольно часто случается, умышленное ли есть нарушеніе правилъ, или нерадѣніе объ оныхъ— не доказываетъ ничего противъ моего раздѣленія *пѣсенныхъ* и *сказочныхъ* стиховъ. Повторяю еще, что неосновательно было бы ожидать отъ несовершенной Руской Поэзіи, такой же чистоты и образованности въ формахъ, какія представляетъ намъ Поэзія Греческая. Но размѣръ, о которомъ здѣсь говорится, вообще присвоенъ Эпическому роду: онъ у Рускихъ тоже самое что у Грековъ экзаметръ — только въ меньшей и въ скуднѣйшей пропорціи, сколько могла удѣлить природа Гиперборейцу противъ Эллина.

Сравненіе обоихъ размѣровъ очевиднѣе покажетъ сходство ихъ и различіе.

Греческій стихъ имѣетъ отъ 12^ти до 18^ти слоговъ; Руской отъ 7^ми до 13^ти.

Въ Греческомъ *шесть* составныхъ частей или стопъ; въ Рускомъ только *три* части (по числу удареній).

Въ Греческомъ 6ая *стопа* всегда спондей, а 5ая дактиль, (рѣдко спондей); въ Рускомъ 3^ье *удареніе* всегда на 3^мъ (рѣдко на 4^мъ) отъ конца слогъ.

Первыя два ударенія въ Рускомъ стихѣ, такъ какъ первыя четыре стопы въ Греческомъ не имѣютъ постояннаго мѣста, но переставляются по произволу; и слѣдовательно Руской стихъ, равно какъ и Греческій не подлежитъ опредѣленной цезурѣ или пресѣченію, которое только лирическимъ (пѣсеннымъ) стихамъ свойственно.

Но вотъ въ чемъ состоитъ разность, и въ тоже время преимущество Греческаго стиха передъ Рускимъ: что онъ превосходя Рускій почти вдвое количествомъ слоговъ и составныхъ частей своихъ, имѣетъ однако противъ Рускаго гораздо менѣе по онымъ варіацій, — отъ того что части его (спондеи и дактили) сами по себѣ малосложнѣе и неизмѣннѣе частей Рускаго стиха, которыя мы здѣсь изложимъ:

Первое удареніе сказочнаго стиха Рускаго можетъ переходить съ 1го слога на 2ой и такъ далѣе, даже на 5ой слогъ. Второе или среднее удареніе отдѣлено отъ перваго по крайней мѣрѣ однимъ краткимъ слогомъ (*), но можетъ отдѣ-

(*) Иногда однако бываютъ между сказочными стихами такіе, въ коихъ одно удареніе непосредственно слѣдуетъ послѣ другаго:

ляться отъ онаго 4мя, 5ю и даже 6ю краткими, смотря по величинѣ стиха. Третье или послѣднее удареніе имѣетъ непремѣнное свое мѣсто на третьемъ отъ конца слогѣ: — ⏑⏑ (рѣдко на 4мъ — ⏑⏑⏑; подобно какъ въ Греческомъ экзаметрѣ 5ая стопа бываетъ изрѣдка спондей вмѣсто дактиля).

Такимъ образомъ съ тремя частями своими, Руской стихъ принимаетъ болѣе *ста* варіацій (*), между тѣмъ какъ Греческій экзаметръ съ *шестью* частями

— — ⏑ — ⏑ ⏑ ⏑
Чѣмъ свѣта жаловати.
⏑ ⏑ — — ⏑ ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑
И меда сладкіе хорошіе,
⏑ — ⏑ ⏑ — — ⏑ ⏑ ⏑ ⏑
Меньшая сестра плешку подала.

Сіи стихи не иначе произносить можно какъ съ *остановкою голоса* (pause), которая замѣнитъ недостатокъ краткаго слога между двумя ударѣніями.

(*) Въ 7ми сложномъ стихѣ ударенія сохраняютъ *одно* положеніе — ⏑ — ⏑ — ⏑⏑, но при 8ми слогахъ могутъ уже быть четыре перемѣны въ положеніи ихъ:

— ⏑	— ⏑⏑	— ⏑⏑
— ⏑	⏑ — ⏑	— ⏑⏑
⏑ —	⏑ — ⏑	— ⏑⏑
— ⏑	— ⏑	— ⏑⏑⏑

При 9ти слогахъ 9ть перемѣнъ, при 10ти слогахъ 14ть перемѣнъ; и такъ далѣе, по мѣрѣ умноженія слоговъ: наконецъ въ принадцатисложномъ стихѣ болѣе 30ти перемѣнъ. Не было ли чего нибудь подобнаго сему и въ Скандинавской Поэзіи, въ которой по сказанію Олая Вормія употреблялось 136 различныхъ мѣръ? — См. *Разсужденіе о древн. Руск. словесности* Г-на *Граматина* стран. 29.

только 32 варіаціи имѣетъ (См. начертаніе его въ 1ой части).

Всякой легко пойметъ, что таковое изобиліе перемѣнъ не доставляетъ Рускому стиху никакой существенной выгоды передъ Греческимъ; потому что разнообразіе Рускаго стиха состоитъ не въ иномъ чемъ какъ въ различной разстановкѣ 3хъ только *долгихъ* слоговъ: Греческой же стихъ имѣя отъ 7ми до 12ти долгихъ, пользуется гораздо пріятнѣйшимъ разнообразіемъ, состоящимъ въ *многозвучности*, не выходя между тѣмъ и изъ границъ *единства* гармоническаго, т. е. симметріи или соразмѣрности частей.

Каковъ ни есть Рускій сказочный стихъ, но Руское ухо искони довольствовалось простою его гармоніею, которую любитъ оно еще и теперь, когда уже познакомилось со стопами и съ риѳмами. По сей-то причинѣ заслуживаетъ сей народный размѣръ, сія собственность Рускій Музы внимательнаго нашего разсмотрѣнія.

Возвратимся къ изложенію онаго.

Сказочный стихъ имѣя всегда дактилическое либо прибрахическое оконча-

ніе, вообще не терпитъ у себя въ концѣ ни *ямба*, ни *хорея*, и превращаетъ оные въ *пиррихіевъ*. Вотъ, напримѣръ сряду восемь стиховъ, которые по обыкновенному произношенію должны бы оканчиваться ямбомъ; но по законамъ Рускаго размѣра или прозодическаго періода, читаются они:

По прозванью былъ Дюкъ боярской сынъ,
А и конь подъ нимъ какъ бы лютой звѣрь,
Лютой звѣрь конь, онъ и буръ косматъ.
У коня грива до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ.
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
Не много съ Дюкомъ живота пошло,
Что куякъ и панцырь чиста серебра.

а слѣдующіе стихи, по обыкновенному произношенію хореемъ оканчивающіеся, произносятся по Рускому размѣру:

Гой еси вы Князи бояра.
На небѣ солнце въ терему солнце.
Подхватилъ дѣвицу за бѣлы руки.
Взвыли рога у туга лука.
То старина, то и дѣянье.
Синему морю на утѣшенье.

Такимъ образомъ, единственно для мѣры стихотворной, произошли у Русскихъ свои *стихотворческія вольности* и *фигуры*, свой *стихотворный языкъ*, почти какъ у Грековъ (*). Таковыя суть:

1.) Разное слогоударение на однѣхъ и тѣхъ же словахъ: *дѣ́вица*, *се́ребро* вмѣсто *дѣви́ца*, *серебро́*.

2). Частицы наполнительныя (expletivae) напр.

А и конь подъ нимъ какъ бы лютой звѣрь.
Что куякъ и панцырь чиста серебра.
А и божье крѣпко, вражье лѣпко - *то*.

Сюда же принадлежитъ употребление предъ именами указательнаго мѣстоимения *тотъ*, *тотъ - ли*, и повтореніе предлога при каждомъ имени:

Что *за тѣ ли за* святыя *за* ворота.
Безъ *тоя* раны *безъ* кровавыя.

3.) Вставка въ самыя слова наполнительныхъ слоговъ для мѣры. (Греческая *парагоге*), напр. въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ вмѣсто

(*) Очень вѣроятно что отцы стихотворства Греческаго: Гомеръ, Гезіодъ и другіе, для тѣхъ же причинъ и такимъ же точно образомъ переиначивая въ стихахъ обыкновенный прозаическій языкъ, составили себѣ свои licentiae poëticae, свой dialectus poëticus, принятыя послѣдователями ихъ за законъ.

— ымъ - - - *ыимъ*: и тѣмъ попамъ всѣмъ соборны*имъ*.

— ихъ - - - *іехъ*: и рускихъ богатырей могучі*ехъ*.

— ой - - - *ыя, оя*: ко *тоя* ко церкви ко соборн*ыя*.

4.) Выбрасываніе слоговъ не входящихъ въ мѣру (синкопе).

Горю*чъли* слез*ьли* вмѣсто горю*чили* слез*али*.

Не говоря уже о 5) усѣченіи (апокопе) напр. *бѣлу руку* вмѣсто бѣл*ую* руку *красна дѣвица* вмѣсто красн*ая* дѣвица; ибо сія фигура у насъ и въ новѣйшей Поэзіи употребительна. Прочія означенныя здѣсь фигуры и вольности свойственны только народной Руской и древней Греческой Поэзіи. Обѣимъ внушила оныя природа, безъ всякаго другъ другу подражанія. Новѣйшая наша и другихъ просвѣщенныхъ народовъ Поэзія, въ разсужденіи сего можетъ быть слишкомъ уже строгая, возбраняетъ употребленіе таковыхъ вольностей, которыя и въ самомъ дѣлѣ можно почесть токмо опорами младенчествующей Музы: оныя становятся ей ненужными, коль скоро она будетъ тверда на ногахъ своихъ.

Замѣтить однако надобно, что свой-

ственныя Греческой и Римской Поэзіи, а съ нихъ и въ новѣйшую нашу Поэзію вошедшія разноски словъ (inversions) и переносы изъ одного стиха въ другой (enjambements) въ Рускихъ стихахъ совсѣмъ непозволительны: у Рускаго пѣснотворца или сказочника въ каждомъ стихѣ полный смыслъ рѣчи заключается, и расположеніе словъ ничѣмъ не отличается отъ простаго разговорнаго.

Теперь предстоитъ вопросъ, заслуживаетъ ли Руской размѣръ употребленъ быть въ новѣйшей Поэзіи? Утвердительнымъ уже отвѣтомъ на сей вопросъ можно почесть благосклонный пріемъ разныхъ произведеній новѣйшей Литературы, писанныхъ Рускими стихами. Сіи и дальнѣйшіе опыты всего лучше покажутъ достоинство Рускаго размѣра, и къ какому роду стихотвореній можетъ онъ быть пригоденъ. Но всѣ доселѣ дѣланные новѣйшими авторами опыты *Рускаго* стихосложенія, касались только до пѣсенныхъ размѣровъ, ближайшихъ къ *стопосложенію*. Сказочный же размѣръ никѣмъ еще у насъ не былъ испытыванъ въ новѣйшихъ стихахъ; отъ того можетъ быть, что онъ не

такъ былъ извѣстенъ, и что не находя въ немъ *стопъ*, считали его уже всякой правильности лишеннымъ? Но изъ всего вышепредложеннаго мною, читатель, надѣюсь довольно видѣлъ, въ чемъ состоитъ правильность сего размѣра; и получилъ ежели не выгоднѣйшія мысли, такъ по крайней мѣрѣ яснѣйшее понятіе о его строеніи.

Остается еще сказать о его собственно *эпическомъ* употребленіи въ народномъ стихотворствѣ, и о примѣрахъ тому. Извѣстнѣйшія изъ оныхъ суть упомянутыя уже мною *древнія Рускія стихотворенія*. — драгоцѣнное собраніе стихотворныхъ Рускихъ сказокъ, коихъ подлинность въ разсужденіи слога, размѣра и преданій никакому кажется сомнѣнію не подвержена, — кѣмъ бы онѣ впрочемъ и когда бы ни были сочинены: разными ли людьми и въ разныя ли времена, или всѣ онѣ суть произведенія одного сочинителя, какъ думаетъ Г-нъ *Граматинъ* въ своемъ *Разсужденіи о древ. Руск. словесности*.

Въ началѣ сей главы упомянулъ я, что въ этомъ собраніи 24 сказки сложены на одинъ размѣръ. Въ двухъ только

сказкахъ размѣры особенные, а именно: въ сказкѣ XVIII подъ названіемъ: *Гость Терентьище*, стихи дактилическаго же окончанія, но объ двухъ только удареніяхъ, слѣдовательно *пѣсенные*, а не сказочные; однако перемѣшанные и съ обыкновенными сказочными стихами о трехъ удареніяхъ:

Во стольномъ во Новѣгородѣ,
Было во улицѣ во юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жилъ былъ богатой гость,
А по имени Терентьище, и т. далѣе.

Въ сказкѣ же XXI. подъ названіемъ: *Мастрюкъ Темрюковичъ* употреблены необычайно длинные стихи о *четырехъ удареніяхъ*, отъ 15ти до 20ти слоговъ:

При вольномъ славномъ Царѣ при Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ Царь осударь Иванъ Васильевичь, и пр.

Но поелику таковой длинной стихъ состоитъ всегда изъ двухъ ровныхъ полустишій дактилическаго окончанія, то и приличнѣе бы можетъ быть было дѣ-

лишь его на два стиха, такъ какъ мы дѣлили нѣкоторые пѣсенные размѣры:

При вольномъ славномъ Царѣ
При Иванѣ Васильевичѣ, и пр.

И въ такомъ случаѣ совсѣмъ бы не надобно было считать въ Рускомъ стихосложеніи стиховъ о *четырехъ удареніяхъ*? означенные же здѣсь стихи были бы такіе же точно о двухъ удареніяхъ дактилическаго либо прибрахическаго окончанія, какіе употреблены въ сказкѣ *Гость Терентьище*, и слѣдовательно этотъ одинъ только размѣръ составлялъ бы уклоненіе отъ общаго правила, по коему стихи *о трехъ удареніяхъ* суть *эпическіе*? а однимъ какимъ нибудь исключеніемъ непреложность правила не опровергается.

Однако въ древнѣйшемъ, какое до насъ дошло, эпическомъ произведеніи Руской Музы, въ *Словѣ о плъку Игоревѣ* не слыхать никакого подобнаго размѣра: въ немъ съ начала до конца, какъ кажется, голая проза? — Но во первыхъ, неизвѣстно, для пѣнья ли сочинено сіе, въ подлинникѣ такъ называемое *Слово*; или только для чтенія, такъ какъ лѣтописи и другіе тѣхъ временъ письменные памятники,

опъ которыхъ отличается оно только своею витіеватостью? Естьли же для пѣнья оно сочинено, то въ стихахъ ли или въ прозѣ?... ибо и прозу можно пѣть, такъ какъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другіе церковные *стихи* никакого опредѣленнаго размѣру неимѣющіе. Наконецъ, почему мы можемъ знать что въ *Словѣ о плъку Игоревѣ*, не было какого нибудь опредѣленнаго размѣра, который ежели бы и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ настоящемъ своемъ видѣ (что уже весьма сомнительно) подъ перомъ безполковыхъ переписчиковъ: то мы при всемъ томъ не только судить объ немъ, ни даже примѣтить его теперь не могли бы за его древностью; ибо чрезъ 600 лѣтъ вѣрно сколько нибудь перемѣнилась и прозодія языка Рускаго? И потому *Слово о плъку Игоревѣ* не можетъ имѣть никакого отношенія къ позднѣйшему Рускому стихотворству и размѣру, о коемъ одномъ только здѣсь идетъ рѣчь (*).

(*) Замѣчу однако мимоходомъ, что не мѣшало бы хотя для типографической исправности, чтобъ облегчить читателю приискиваніе мѣстъ, — при новомъ изданіи Слова о плъку Игоревѣ раздѣлить сію древнюю Поэму Рускую на *стихи* подобные библейскимъ и означить оные, какъ водится, числами.

Цѣль моя была показать настоящее свойство Рускаго размѣра, доселѣ еще ни кѣмъ непримѣченное. Новѣйшіе авторы употребляли нѣкоторые виды сего размѣра въ качествѣ стиховъ *стопосложныхъ*, чему первый подалъ примѣръ Н. М. Карамзинъ своимъ *Ильей Муромцомъ*. Прекрасная сія піеса, какъ и всѣ произведенія того же автора, по справедливости обратила на себя общее вниманіе, сколько заманчивостью слога, сполько и новостью размѣра, коему скоро явились многіе подражатели. Сіи по большой части употребляли оный въ повѣствовательныхъ же стихотвореніяхъ. Но мы видѣли въ предыдущей главѣ, что сей размѣръ есть *пѣсенный*, который

1. Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе,
2. Начаши старыми словесы трудныхъ повѣстій
3. О плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.
4. Начашиже ся тъй пѣсни
5. По былинамъ сего времени,
6. А не по замышленію Бояню,
7. Боянъ бо вѣщій
8. Аще кому хотяше пѣснь твориши,
9. То растекашеться мыслію по древу
10. Сѣрымъ влъкомъ по земли
11. Шизымъ орломъ подъ облакы, и пр.

Можетъ быть такимъ образомъ яснѣе окажется, былъ ли въ ней какой нибудь размѣръ. — Признаюсь, что я испытывалъ сію операцію надъ всей Поэмой; и она у меня раздѣлилась безъ всякой принужденной растяжки и безъ всякой перестановки словъ, съ начала до конца на такіе довольно ровные и мѣрные періоды или стихи.

потому самому слишкомъ коротокъ и единозвученъ для большихъ повѣствовательныхъ сочиненій. Г. Карамзинъ написалъ онымъ только небольшой отрывокъ, въ коемъ и могъ, особливо съ помощью своего пріятнаго разсказа, щастливо выдержать сей размѣръ: но я не думаю чтобъ онъ или другой кто со всѣмъ искусствомъ своимъ могъ у насъ симъ однимъ размѣромъ написать большую Поэму, не наскучивши читателю безпрестаннымъ и утомительнымъ повтореніемъ двухъ только удареній въ каждомъ стихѣ ◡–◡◡◡–◡! Скажутъ мнѣ, что можно придавать сей мѣрѣ большее разнообразіе, перемѣщая и умножая иногда ударенія, на пр. къ краснымъ берегамъ Ипалiи, и даже превращая стихъ въ чистые хореи, какъ то Херасковъ въ Бахаріанѣ весьма часто дѣлаетъ:

– ◡ – ◡ – ◡ ◡ –
Я Руксилъ извѣстной богатырь,
– ◡ ◡ ◡ – ◡ ◡ –
Чудныхъ приключеніевъ ищу,
Съ кѣмъ бы въ полѣ перевѣдаться,
Съ кѣмъ бы силами помѣриться и пр.

Но такая смѣсь *Рускаго размѣра со стопосложеніемъ*, по мнѣнію моему, совсѣмъ не клеится въ поэмѣ. Стихи такимъ об-

разомъ превращенные, съ ямбическимъ ихъ окончаніемъ кажутся вялыми и нетладкими противъ чистыхъ Рускихъ стиховъ дактилическаго окончанія.

Размѣръ сей — повторяю — составленъ не для повѣствованій, а для пѣсенъ; подобно какъ и всѣ, такъ называемые *Рускіе стихи* употребленные новѣйшими стихотворцами нашими.

Сказочный же Руской стихъ будучи самъ по себѣ разнообразнѣе, былъ бы можетъ быть гораздо удобнѣе для Поэмы — не для Героической конечно, а для *Романической*, во вкусѣ Аріоста либо Виланда. Такъ и пѣсенные размѣры не для всякаго Лирическаго стихотворенія пригодны: никто конечно не вздумаетъ написать ими Оду или Кантату. Главная сему причина можетъ быть та, что Рускіе размѣры вообще по своему дактилическому и прибрахическому строенію слишкомъ игривы для важныхъ предметовъ; или же, что они, доселѣ бывъ предоставлены токмо простонародной Поэзіи, слѣдовательно предметамъ низкимъ и ограниченнымъ, — чрезъ то самое лишены стали въ глазахъ нашихъ и благородства и возвышенія.

Желательно, чтобы люди съ талантомъ попытались истребить въ насъ сей предразсудокъ, если только можно, облагородствовавъ и возвысивъ Русской размѣръ стихами своими: или бы доказали что стихосложеніе *Русское*, по несовершенству своему не заслуживаетъ извлечено быть изъ праха, въ какомъ оно доселѣ пресмыкалось.

А. Востоковъ.

О Сказкѣ.

(Изъ Словаря *древней и новой Поэзіи* Н. Остолопова.)

Сказка (Fabula; ficta, commentitia, narratio) есть повѣствованіе вымышленнаго происшествія. Она можетъ быть въ стихахъ и въ прозѣ. — Подобно Эпопеѣ она требуетъ вымысловъ; но пользуясь большею вольностію, преходитъ по желанію своему границы правдоподобія и даже возможности.

Существенная разность *Сказки* съ Поэмою *Эпическою* состоитъ въ томъ, что послѣдняя описываетъ дѣянія знаменитыя, а сказка имѣетъ предметомъ дѣла меньшей важности, и еще въ томъ, что дѣйствіе Поэмы Эпической есть истинное, а въ сказкѣ оно не должно быть истинное, ниже принимаемо за оное, ибо тогда произвело бы оно не сказку, а исторію. Въ сказкахъ позволено только *подражать* дѣйствительно случившимся происшествіямъ, и то съ перемѣною именъ.

Не должно также смѣшивать сказки съ романомъ и притчею: романъ есть

связь нѣсколькихъ происшествій, а сказка заключаетъ одно происшествіе; притча изображаетъ одинъ только разительный случай изъ цѣлаго происшествія, и сохраняетъ единство мѣста и времени, а сказка не всегда ихъ соблюдаетъ. Притомъ же въ сказкѣ не должны показываться животныя; она требуетъ лицъ заслуживающихъ болѣе вниманія: людей, духовъ, волшебниковъ, и даже самихъ боговъ, и ежели иногда вводятся въ нее животныя, то неиначе какъ *по превращенію*, какъ напримѣръ въ извѣстной всѣмъ изъ *Дѣтскаго Училища* сказкѣ: *Красавица и звѣрь*; или въ лицахъ посторонникъ, какъ напр. въ сказкѣ Г. Дмитріева: *Модная жена* помѣщены попугай и собачка, неимѣющіе съ главнымъ дѣйствіемъ никакой связи. Стихотворецъ могъ бы просто сказать о внезапномъ возвращеніи мужа, и происшествіе ничего бы не потеряло; но единственно для украшенія онаго говоритъ:

Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
Которая лежала
Свернувшися клубкомъ
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала

Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
Приставила ушко, потомъ толкъ лапой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
Тогда жъ другой Пенашъ, зовомый попугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣтки подалъ знакъ,
Вскричавши: *кто пришелъ?... дуракъ!*
и проч.

Когда все достоинство сказки, какъ въ притчѣ, состоитъ въ разительной развязкѣ, которою она оканчивается, тогда надлежитъ идти къ сей цѣли сколь возможно поспѣшнѣе; а ежели сіе достоинство заключается во всемъ происшествіи, тогда сказка имѣетъ болѣе или менѣе обширности сообразно съ подробностями, какихъ она требуетъ.

Какъ авторъ сказки представляетъ лице зрителя, то можетъ примѣшивать свои разсужденія и чувствованія; но все собственно ему принадлежащее должно быть естественно и замысловато; и при всемъ этомъ повѣствованіе сдѣлается скучнымъ, ежели разсужденія будутъ очень долги и часты.

Въ сказкѣ не требуется такой простоты, какъ въ баснѣ; она болѣе можетъ имѣть шуткъ и острыхъ словъ и даже колкости.

Форма сказки бываетъ трехъ родовъ: первый состоитъ въ томъ, когда Поэтъ не показывается, а видны однѣ только дѣйствующія лица; второй родъ: когда Поэтъ самъ разсказываетъ о приключеніяхъ своихъ героевъ; а третій: когда Поэтъ скрываетъ дѣйствующія лица, а приводитъ только рѣчи ихъ, какъ бы самими ими говоренныя. Однакожъ для избѣжанія единообразія позволяется смѣшивать сіи роды.

Ежели сказка должна быть продолжительна, то требуется, чтобы авторъ сдѣлалъ приступъ къ оной, и въ краткѣ изложилъ то, о чемъ писать намѣренъ.

Слогъ сказки долженъ быть сообразенъ съ матеріею, въ ней содержащеюся; а какъ цѣль ея состоитъ въ увеселеніи, то авторъ можетъ употреблять для сего всѣ красоты Поэзіи.

Сказки пишутся стихами всякаго размѣра, но по большей части вольными ямбическими.

Лучшими на Россійскомъ языкѣ сказками въ стихахъ по справедливости можно почесть написанныя Г. Дмитріевымъ.

III. КРИТИКА.

Введеніе въ науку стихотворства, или разсужденіе о началѣ Поэзіи вообще, и краткое повѣствованіе Восточнаго, Еврейскаго, Греческаго, Римскаго, древняго и средняго Россійскаго стихотворства. С. П. Б. въ Медицинской Типографіи. 1811.

(Окончаніе (*)).

Четвертое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о древнемъ Россійскомъ стихотворствѣ. Подъ древнимъ Россійскимъ стихотворствомъ разумѣетъ авторъ то, которое могло быть до временъ Іоанна Васильевича, въ три первые періода Россіи, *раждающейся, раздѣленной* и *угнѣтенной*. Изъ перваго періода никакихъ памятниковъ стихотворства не осталось. (*Договоръ Олега съ Греками* и *переводъ библейскихъ книгъ* суть памятники обыкновеннаго прозаическаго языка.) Изъ втораго періода развѣ только *Слово о полку Игоревѣ*. Къ третьему періоду угнѣтенной Россіи, относитъ

(*) См. 5й No Вѣстника, стр. 229.

авторъ извѣстное собраніе стихотворныхъ сказокъ, кои подъ заглавіемъ: *Древнія Рускія стихотворенія* недавно напечатаны. (Но такую древность можно приписывать развѣ нѣкоторымъ только изъ сихъ сказокъ; ибо тѣ изъ нихъ, въ коихъ упоминается о Иванѣ Васильевичѣ, о Ермакѣ, о Разстригѣ и пр. очевидно принадлежатъ уже къ четвертой эпохѣ.)

Слѣдовательно, о существованіи древняго Россійскаго стихотворства въ первомъ періодѣ, можно только догадываться или мечтать: что авторъ нашъ и дѣлаетъ, на цѣлыхъ четырехъ страницахъ; и мы съ охотою готовы слѣдовать за нимъ по стезѣ предположеній и догадокъ, лестныхъ для нашего патріотизма, — когда онѣ хотя малѣйшую имѣютъ вѣроятность. На пр. „Вѣроятно что и у самыхъ необразованныхъ жителей Россіи, „такъ какъ и вездѣ стихотворство при „самомъ началѣ уже существовало.“ стр. 81. — „Не должно утверждать, что древ„ніе Славяне не имѣли собственныхъ пѣв„цовъ, пѣсни коихъ отличались образцо„вою и дикою безправильностію. Мо„жетъ быть, и прежде Баяна были такіе „же Баяны, коихъ пламенное воображеніе

„въ одно мгновеніе обтекало и небо и „землю.“ и пр.

Но онъ не долженъ къ догадкамъ примѣшивать или на догадкахъ основывать утвержденія ничѣмъ недоказанныя, какъ на пр. стр. 80: „читая съ наблюденіемъ „въ древней нашей лѣтописи: *Договоръ „Олега съ Греками*, *Рускую правду*, *библейскія книги*, переведенныя при Влади„мирѣ, *Владимирову духовную*, *пѣснь о „полку Игоревомъ*, увѣряемся, что всѣ „сіи древніе памятники Славяно-Россій„скаго языка были предшествуемы дру„гими, гораздо еще древнѣйшими“ или стр. 84: „Сочиненія оставшіяся отъ раз„дѣленной Россіи подтверждаютъ наши „догадки о древней Руской словесности. „Разсматривая ихъ, мы удостовѣряемся, „что письмена безъ сомнѣнія существо„вали еще въ 9 столѣтіи по Р. Х.“ (т. е. въ Россіи существовали — думаетъ авторъ) — Вмѣсто сихъ утвердительныхъ словъ *увѣряемся*, *удостовѣряемся*, *безъ сомнѣнія*, поставить бы должно: *полагаемъ*, *догадываемся*, *вѣроятно*. Впрочемъ письмена Славенскія, изобрѣтенныя въ послѣдней половинѣ 9го столѣтія у Моравскихъ Славянъ, ежели и могли вскорѣ

послѣ того достигнуть въ Россію съ пріѣзжавшими туда для торговли Христіянами изъ земель Славянскихъ — существовали тамъ только въ тѣсномъ кругу новообращенныхъ Христіянъ, до всеобщаго крещенія земли Руской, которое послѣдовало уже въ концѣ того столѣтія; и не имѣли конечно до самого того времени, да и послѣ того еще долго, никакого вліянія на словесность народа, на стихотворство Руское. Сіе послѣднее существовало *изустно*, а не письменно.

Авторъ оканчиваетъ свое разсужденіе (стран. 84.) признаніемъ, что „*рожденіе* нашей словесности весьма смѣшанно, мрачно и погребено въ неизвѣстности временъ протекшихъ.“ Лучше бы онъ началъ симъ признаніемъ!

У многихъ изъ новѣйшихъ нашихъ писателей вошло въ моду, говорить иначе объ отечественной Исторіи, о Руской старинѣ какъ съ неумѣренными похвалами, со смѣшнымъ увеличиваніемъ. Сею погрѣшностью заражень и нашъ авторъ. Вотъ примѣръ тому: „Прочи„тайте Нестора *безсмертнаго писателя* „одиннадцатаго вѣка, и вы найдете въ „немъ для сердца и ума *неоцѣненныя со-*

кровища.“ (стр. 95.) Не слишкомъ ли это много сказано? Несторъ не Тацитъ и не Плутархъ. Но послушаемъ далѣе, въ чемъ состоятъ сіи для сердца и ума неоцѣненныя сокровища? На пр. „Вотъ, (говоритъ авторъ) одно мѣсто изъ его лѣтописи, извѣстной подъ названіемъ: *Повѣсть современныхъ лѣтъ* (вмѣсто: *временныхъ лѣтъ*), писанной около 1100 года. „Здѣсь изображаетъ онъ пламенное чувствованіе твердой, великой души Святослава. Князь предъ битвою съ Греками, отвсюду и въ великомъ количествѣ „его окружившими, восклицаетъ: *уже „намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею „стати противу; да не посрамимъ земли „Рускія, но ляжемъ костьми ту; мертвыи бо срама не имутъ. Аще ли погибнемъ* (должно: *побѣгнемъ*) *срамъ имамы; „и не имамы убѣжати, но станемъ крѣпко; азъ же предъ вами пойду. Аще глава „моя ляжетъ, то вы промыслите о собѣ.* „И рѣша вои: „*Идѣже глава твоя, ту и „свои главы сложимъ.*“ — Сія простая, и самою простотою своею сильная рѣчь, конечно хороша; и можно за то похвалить правдиваго лѣтописателя Печерскаго, что онъ пересказалъ ее безъ вся-

кихъ отъ себя прикрасъ и прибавленій: но что же въ ней и отмѣннаго? Не всякой ли рѣшительный военачальникъ, въ подобномъ Святославу положеніи, скажетъ тоже самое воинамъ своимъ, и получитъ отъ нихъ тотъ же самый отвѣтъ! Но нашъ авторъ—патріотъ восклицаетъ: „найдете ли что нибудь сильнѣе „и разительнѣе сей рѣчи въ древнихъ и но„выхъ иноязычныхъ писателяхъ?... „Здѣсь „мы видимъ рѣдкій примѣръ истинной „высокости *во нравахъ*, и новое доказа„тельство, что Россіяне въ то время „въ словесности превосходили всѣхъ сво„ихъ современниковъ.“ Послѣ сего остается замолчать, и удивляться уже сильной Логикѣ нашего автора.

Слѣдующій потомъ разборъ *пѣсни о походѣ Игоря*, содержитъ многія справедливыя замѣчанія о красотахъ сего древняго сочиненія, и о духѣ, въ какомъ оное писано. Вмѣстѣ съ текстомъ приводитъ авторъ свое собственное преложеніе онаго стихами, такъ называемыми *Русскими*.

Метитъ въ цѣль Курчане свѣдущи,
Подъ трубою ратной повиты,
Подъ шеломами взлелѣяны и пр.

Преложеніе сіе показалось намъ вообще какъ то вялымъ; въ чемъ винимъ не столько слабость таланта автора, сколько неудобность размѣра, употребленнаго имъ. Естьли прелагать въ стихи *Слово о полку Игоревѣ*, то мы бы предпочли для сего размѣръ стопосложный, напр. ямбическій 6ти стопный, какимъ Г. Палицынъ преложилъ оное (*). Причина же сему кажется намъ та, что *тонъ* и *слогъ* сей древней Руской Поэмы болѣе имѣетъ сходства съ Греческимъ (и слѣдовательно также съ тономъ новѣйшей Поэзіи),

(*) Сіе преложеніе помѣщено въ 3 части *Сочиненій и переводовъ* Россійской Академіи: но и оно такъ плохо, что не возможно дочитать его до конца. Вотъ примѣръ, взятой нами на удачу:

Всякъ токмо о своей одной корысти мыслитъ;
Одно насиліе владыкъ закономъ числитъ.
У брата братъ отнять себѣ не ставитъ въ стыдъ,
И се мое, и то мое же, говоритъ;
Ничтожныя слова, неважныхъ дѣлъ стеченья
Уже приводятъ ихъ въ раздоры, раздѣленія:
Всѣ малости вину имъ къ распрямъ подаютъ,
И сами крамолу себѣ они куютъ,
А внѣшніе враги въ томъ пользу обрѣтая,
На землю Рускую отвсюду нападая,
Разятъ, гремятъ, плѣняютъ, вершатъ всю лютость золъ;
Такъ быстрый далеко занесшійся соколъ
Пташъ робкихъ гонитъ, бьетъ и жметъ на сине море,
Спасти же нѣкому отечества въ семъ горѣ!
. . . . . .
Такъ Игорь днесь съ сѣдла злашаго славы сшелъ
И на безславное сѣдло Кощія всѣлъ.
(стр. 92.)

нежели съ простонароднымъ Рускимъ, къ которому прилажено стихосложеніе Руское.

Еще два или три замѣчанія, о неправильныхъ выраженіяхъ и о слогѣ, прежде нежели мы приступимъ къ 5му опдѣленію. —

„Когда въ мертвыхъ членахъ тѣла охладѣло пламенное воображеніе.“ (стр. 84.)

Членами тѣла называются въ обыкновенномъ смыслѣ только наружныя части, посредствомъ коихъ тѣло движется, и кои взаимно однѣ къ другимъ привязываются суставами, и пр. Въ нихъ обитаетъ *чувство* вообще, а не *воображеніе* Стыдно занимать читателя такимъ ребяческимъ истолкованіемъ: но что дѣлать! Такова иногда должность Рецензента.

Стр. 88. (Говоря о крещеніи Владимира). „Предвѣчная премудрость для воз„становленія человѣка, соблагоизволила „низсойти на заблудшуюся главу вѣнце„носца.“ — Какой кудреватый слогъ!

Стр. 92. „Красотѣ свойственно вды„хать величіе (?) но величію покарять „себѣ всѣхъ.“ Мысль автора была та, что *величіе слушается красоты*, *прини-*

имѣтъ внушенія ея: но онъ употребивъ Галлицизмъ (inspirer, вдыхать), превратилъ ее въ безсмыслицу.

Въ 5мъ отдѣленіи: *краткое повѣствованіе средняго Россійскаго стихотворства.*—Сіе среднее стихотворство, по раздѣленію автора, начинается съ эпохи Ц. Ив. Васильевича, при коемъ Россія начала *возраждаться.* „Но — говоритъ онъ — мы „должны признаться, что до временъ Пе„тра Великаго и Кантемира, Рускіе сло„весники были скудноученой народъ, „Россія по сей части оставалась въ со„вершенномъ невѣжествѣ.“ и пр.

Разхваливъ по достоинству Кантемира, изъ сочиненій коего не приводитъ однако никакихъ примѣровъ; сказавъ мимоходомъ слова два въ похвалу Ѳеофану Прокоповичу, по поводу извѣстныхъ стиховъ его къ Кантемиру: *не знаю кто ты пророче рогатый* и пр. добирается нашъ авторъ до любимаго своего — Тредіаковскаго, съ котораго началось новое стихотворство Россійское. Надобно послушать, съ какимъ пристрастіемъ, съ какимъ жаромъ онъ его хвалитъ: „Без„смертный по своему трудолюбію *Тре„діаковскій*... Великій по терпѣнію его

„умъ. . . . Тредіаковскій воскресилъ въ сво-
„ихъ переводахъ древнихъ и новыхъ пи-
„сателей стихотворства и прозы. Тре-
„діаковскому одолжены мы первымъ,
„весьма близкимъ и хорошимъ переводомъ
„*науки о стихотворствѣ* Горація, Буало,
„и пр. (*) Тредіаковскій написалъ многія
„предоказательныя и основательныя раз-
„сужденія: 1. *о началѣ Поэзіи и стиховъ во-
„обще*; 2. *объ одѣ вообще*. 3; *о комедіи во-
„обще*; 4. *разсужденіе о древнемъ, среднемъ
„и новомъ Рос. стихотворствѣ*. и пр.

„Тредіаковскій одною рукою, предпи-
„сывалъ правила стихотворства и кра-
„снорѣчія; а другою выполнялъ ихъ на
„самомъ дѣлѣ.“ (!!)

И за симъ выписываетъ нашъ авторъ

(*) Рецензентъ по несчастію не читалъ сего перевода: но о вѣрности и добротѣ онаго судитъ онъ по слѣ-дующимъ четыремъ стихамъ, приведеннымъ для размѣра въ *правилахъ піитическихъ* Аполлоса. Москва 1790. стран. 11.

Не взводишь ложь, но себя показать бы міру
Жаръ стихами воружилъ съ правдою Сапиру;
Прежде всѣхъ Луцилій оную дерзнулъ издать,
И порокамъ Римскимъ зеркало сіе подать.

которые должны выражать силу Буаловыхъ стиховъ:

L'ardeur de se montrer, et non pas de médire
Arma la verité du vers de la Satire.
Lucile le premier osa la faire voir
Aux vices des Romains presenta le miroir.
(Art. poët. ch. II.)

8 строфъ изъ оды Тредіаковскаго на взятіе Гданска:

Кое странное піянство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!
Вы Парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ? и пр.

„Таково—присовокупляетъ авторъ—было „*возрожденіе* нашего стихотворства. Ко„нечно ода сія весьма далеко отстоитъ „отъ одъ писанныхъ Ломоносовымъ, Дер„жавинымъ и пр. ибо она носитъ на се„бѣ отпечатокъ первыхъ опытовъ и пр. „но въ ней находятся многіе стихи, въ „коихъ непримѣтенъ Тредіаковскій.“ — Напротивъ того намъ кажется, что Тредіаковскій шутъ изъ всякаго стиха выглядываетъ; какъ въ тѣхъ мѣстахъ, кои собственнаго его изобрѣтенія, такъ и въ тѣхъ, гдѣ онъ подражалъ Буало. Авторъ долженъ бы былъ замѣтить, что сія ода есть по большой части дурное подражаніе Буаловой одѣ на взятіе Намура: Quelle docte et sainte ivresse. Естьли авторъ находитъ ее „достойною особеннаго вни„манія потому, что была самая первая „на языкѣ Рускомъ“; то довольно бы было привести изъ нее строфы двѣ, для показанія, каково было *возрожденіе* нашего стихотворства.

Послѣ сего изчисляетъ онъ и всѣ другія стихотворныя сочиненія Тредіаковскаго, и приводитъ для примѣру еще нѣсколько стиховъ изъ оныхъ. Мы выпишемъ здѣсь лучшіе, вмѣстѣ съ сужденіемъ объ оныхъ автора — начало преложенной Тредіаковскимъ 32 главы Второзаконія: *вонми небо, и возглаголю, и да слышитъ земля глаголы устъ моихъ*, и пр.

Вонми, о небо! и реку;
Земля, да слышитъ устъ глаголы!
Какъ дождь я словомъ потеку;
И снидутъ какъ роса къ цвѣтку
Мои вѣщанія на долы.

Богъ! истинны его дѣла
И всѣ пути его, — судъ правый:
Богъ вѣренъ; а неправда зла,
Не зрится ни тоя въ немъ мгла,
Святый весь, онъ душамъ свѣтъ здравый,
и пр.

„Съ самымъ начальнымъ стихомъ: *вонми*, „не всякой ли внимаетъ теченіе слова, „громкіе глаголы устъ и вѣщанія, нисхо„дящія долу; не всякой ли готовъ здѣсь „хвалить Тредіаковскаго? И такъ не дол„жно надъ нимъ смѣяться и презирать „его; ибо онъ былъ началомъ и основані„емъ того храма *Поэзіи*, которой велико„лѣпіемъ своимъ не уступаетъ ни Грече-

„скому ни Римскому.“ и пр. — На это скажемъ мы: хвалятъ Тредіаковскаго только за его трудолюбіе и терпѣніе; смѣются же надъ нимъ за смѣшные его стихи; презираютъ его какъ дурнаго стихотворца, который не имѣлъ ни Генія ни вкуса. Пусть онъ первый началъ писать стихи стопосложные; но Ломоносовъ и Сумароковъ вѣрно не требовали въ томъ его руководства, и сами весьма легко могли попасть на ту же стезю, имѣя передъ собою Нѣмецкіе и Французскіе образцы, которымъ слѣдовалъ и Тредіаковскій. А по сему и кажется намъ очень сомнительно, что бы сей послѣдній могъ быть названъ *началомъ* и *основаніемъ* новаго стихотворства Россійскаго.

Въ заключеніи *введенія въ науку стихотворства*, изображены довольно вѣрными чертами Геніи Ломоносова и Сумарокова, и дѣйствіе какое они имѣли на своихъ современниковъ;—и наименованы славнѣйшіе изъ слѣдовавшихъ за ними Поэтовъ, кои составили новый періодъ словесности.

Авторъ разсматриваемой здѣсь книги есть Г-нъ *Язвицкій*, который уже из-

вѣстенъ читателямъ нашего Вѣстника, изъ помѣщенной въ 1мъ No сего года рецензіи на переводъ *Философической Грамматики.*

Сколько мы по сочиненіямъ его судить могли — кажется намъ, что въ немъ болѣе есть способности къ стихотворству, нежели къ Философическимъ или Эстетическимъ умозрѣніямъ: — можетъ быть отъ того, что онъ еще молодъ? И мы бы совѣтовали ему покамѣстъ сочинять стихи, вмѣсто учебныхъ книгъ. Безъ лести скажемъ, что въ разсужденіи слога и отдѣлки, самымъ лучшимъ мѣстомъ во всей книгѣ его показалось намъ *посвященіе* оной въ стихахъ.

В.

Геройскіе подвиги храбраго Армейскаго Генерала Альберта при осадѣ Люксембурга и проч., бывшаго въ службѣ Эвека, Принца Литтихскаго; съ описаніемъ безпримѣрной къ нему любви дѣвицы, потомъ супруги, Александрины, и кончины ея родителей, и проч. и проч. Нидерландская повѣсть. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ Типографіи Ѳ. Любія. 1812. (*)

По заглавію этой повѣсти читатели могутъ уже имѣть о ней понятіе.

Альбертъ (который до 11й страницы былъ сынъ одного небогатаго дворянина, а съ сей страницы называется уже Принцомъ) женился на Александринѣ и прижилъ съ нею дочь. Потомъ вздумалось ему бросить жену свою: въ оправданіе свое онъ говорилъ, что никогда съ нею не вѣнчался. Александрина завела съ нимъ тяжбу; между тѣмъ отецъ и мать ея умерли, а вскорѣ послѣ нихъ *умеръ*

(*) Сія книжка посвящена Графу С. М. Каменскому Федоромъ Базуновымъ.

скоропостижно и Албертъ, сказавши духовнику, который призванъ былъ его исповѣдывать, (стр. 108.) что Александрина есть законная жена его. Наконецъ умерла и Александрина. — Вотъ содержаніе повѣсти: всякой видитъ, что оно очень занимательно. *Геройскіе подвиги*, о которыхъ говорится въ заглавіи, Албертъ сдѣлалъ при осадѣ Люксембурга, въ то время когда былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Теперь выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ сей книжки, чтобъ позабавить читателей.

„Никогда, говорилъ онъ (Албертъ), не подновляетъ она своего лица поддѣланными и обманчивыми красками, изобрѣтенными для прикрытія обвѣшалыхъ морщинъ старухъ, дабы плѣнять сердца, любовію зараженныя.“ (стр. 9.) „Стройность *бѣлокурыхъ* волосовъ Алек„сандрины, ниспекая по нѣжной ея гру„ди, развѣвалися по стройному ея ста„ну; *русыя* кудри осѣняли высокое юно„шеское чело, извиваясь по раменамъ ея; „размышляющій видъ прелестно примѣ„шивался къ ясности ея взоровъ. Нѣ„жная любовь и чистѣйшая добродѣтель

„распространяли сладостное веселіе на „фіалковыхъ очахъ, и поразительныя пре„лести на румяныхъ ея ланитахъ. (стр. 10.) „Они часто ходили гулять къ тѣмъ „кустарникамъ, посѣщали ту тихую „страну, гдѣ ничто, кромѣ ихъ, не двига„лось. Дыханіе влюбленнаго вѣтерка о„живлялъ унылые листья, и помавалъ „для ихъ удовольствія (стр. 16.) и проч.

Н.

Таинства черной башни, романъ, переведенный съ Англійскаго, соч. Гжи Радклифъ. 2 части. Москва. Въ Типографіи А. Воейкова и комп. 1812.

„Романъ Гжи Радклифъ! Таинства „башни! да еще и черной! (воскликнутъ охотники до сего рода романовъ, который въ газетныхъ объявленіяхъ книгопродавцы называютъ *ужаснымъ*) „какъ это „хорошо! Тутъ вѣрно есть разбойники, „убійства, темницы, подземелья, мертвецы, черти!“ —— Все это, Милостивые Государи, все это есть въ *Таинствахъ черной башни*; не достаетъ только бездѣлицы, которой впрочемъ и не ищутъ никогда въ безсмертныхъ твореніяхъ Гжи Радклифъ и Гна Дюкре-Дюминиля, сущей бездѣлицы: — здраваго смысла, пріятнаго слога, хорошихъ мыслей и связи въ происшествіяхъ; это такія маловажныя достоинства въ романѣ, что ихъ одинъ разбойникъ, а ужъ о мертвецѣ и говорить нечего, совершенно замѣнить можетъ.

Я не намѣренъ разбирать подробно *таинствъ черной башни:* ибо этотъ романъ столь глупъ, что и самые величайшіе

охотники до такъ называемыхъ ужасныхъ романовъ, не въ состояніи будутъ прочесть и половину *таинствъ* въ немъ заключающихся. Но я должень сказать, что Гжа Радклифъ и не думала писать его, хотя въ заглавіи сказано, что мы ей одолжены этимъ сочиненіемъ. Книгопродавцы наши часто употребляютъ такія хитрости, чтобы выманивать деньги у простодушныхъ почитателей Г-жи Радклифъ. Не смотря на то, что она уже умерла, и что всѣ ея сочиненія переведены на Руской языкъ, у насъ безпрестанно выходятъ романы, въ заглавіи которыхъ печатается: *новое сочиненіе Г-жи Радклифъ*. Можно ожидать, что со временемъ переводчикъ *таинствъ черной башни* переведетъ еще какой-нибудь романъ, назвавъ его *таинствами желтаго дома*, а книгопродавецъ, который заплатитъ за переводъ романа по два рубля съ полтиной *съ листа*, объявитъ, что онъ сочиненъ *славною Г-жею Радклифъ* и, естьли угодно, будетъ божиться, что она точно жила въ *желтомъ домѣ*, и что переводчикъ былъ тамъ съ нею очень коротко знакомъ.

Н.

Краткая Испанская Грамматика, расположенная по правиламъ Грамматики Королевско-Испанской Академіи и изданная Яковомъ Ланге-номъ. Митава, 1811; въ Типографіи Стефенгагена.

Сія Грамматика слишкомъ крапка и недостаточна; сверхъ того желающій научиться по оной Испанскому языку долженъ беречься, что бы не получить ошибочныхъ понятій. Замѣтимъ нѣкоторыя правила о произношеніи. Стр. 1. *Испанцы весьма часто слѣшиваютъ букву b съ буквою v.* Здѣсь надлежало бы сказать, въ какихъ случаяхъ сіе бываетъ, а не говоритъ, что *правильнѣе каждую изъ нихъ выговаривать приличнымъ ей образомъ;* это всякому извѣстно. *с передъ i и e имѣетъ мягкое произношеніе.* Это не ясно. с передъ e и i выговаривается какъ легкое *з. Che* не выговаривается *че*, какъ въ примѣрѣ показано. — h *не произносится гортанью, но выговаривается крѣпко.* h со всѣмъ не выговаривается; но предъ гласными не имѣетъ легкой звукъ, подобный g. — *Двойное ll*

выговаривается какъ ль *Руское, напр. llama (льяма).* Сходнѣе было бы писать по Руски *ляма*, а не *льяма* — *n̄ произносится какъ Французское gn.* Можно бы замѣтить, что n̄e выговаривается какъ Руское *нѣ* въ словѣ *нѣтъ*, а не *нье*.

Послѣ сихъ правилъ о произношеніи, слѣдуетъ непосредственно статья о падежахъ. *Падежей въ Испанскомъ языкѣ шесть и каждой изъ нихъ означается частицею, какъ-то Родительный d, Дательный a, Звательный o, Творительный por; Именительный и Винительный означается какимъ либо членомъ или мѣстоименіемъ.* Въ Испанскомъ языкѣ, такъ какъ въ Италіанскомъ и Французскомъ, нѣтъ падежей; ибо имена ихъ не перемѣняютъ своего окончанія. *De, a, por* суть такіе же предлоги, какъ *con, en* и проч. Звательная частица *o* не есть ни падежъ, ни предлогъ. Именительный и Винительный падежи могутъ обойтись безъ *какого ни будь члена* (членъ токмо одинъ) и безъ мѣстоименія, какъ наприм. *No preste oidos à consejos perfidos; Debilitad y error es nuestra devisa.* — За симъ слѣдуетъ статья объ именахъ, въ которой можно бы обойтись безъ опредѣленія

имени, раздѣленія его и проч. Въ сполъ краткой Граммашикѣ этого со всѣмъ не нужно.

Стр. 16. Мѣстоименіе *cuyo, cuya: сіе мѣстоименіе* (о которомъ слѣдовало бы замѣтить, что оное есть вопросительное и относительное) *не употребляется безъ существительнаго имени, съ которымъ согласуется въ родѣ и числѣ.* Всѣ мѣстоименія прилагательныя согласуются съ именами существительными въ родѣ и числѣ. Слѣдовало бы лучше сказать, что сіе мѣстоименіе шѣмъ отлично отъ другихъ, что согласуется въ родѣ и числѣ съ именемъ не предъидущимъ, но послѣдующимъ напр. *Leamos Ciceron, cuyos libros etc. Consideremos los heroes, cuya fama es immortal.*

Стр. 66. *Poco, мало, почти во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ есть неизмѣняемое нарѣчіе количества, но въ Испанскомъ языкѣ оно имя прилагательное.* Въ Латинскомъ, Греческомъ, Италіянскомъ и Испанскомъ оно есть имя прилагательное — сіи языки довольно, кажется, извѣстны.

Стр. 72. Прав: XI. *Хотя нарѣчія* no *не*, jamas *никогда*, ni *ни*, nadie *никто и пр: суть слова отрицательныя, однако*

не смотря на правило (какое?) *употребляются вмѣсто частицы* no *въ отрицательныхъ предложеніяхъ.* Правило сіе весьма темно. Что значитъ, что нарѣчіе *no* употребляется вмѣсто частицы *no*? Извѣстно, что въ новѣйшихъ языкахъ употребляются иногда два отрицанія, и въ Испанскомъ языкѣ тоже — чего въ Латинскомъ и Греческомъ не бываетъ. *La gazeta no dice nada*: здѣсь два отрицанія. Въ Латинскомъ довольно было бы одного.

Стр. 74. XV. *Въ Испанскомъ языкѣ, подобно Латинскому, нарѣчіе поставляется всегда за глаголомъ.* Г-на Сочинителя никто не принуждаетъ доказывать, что онъ не знаетъ Латинскаго языка; и въ Испанскомъ языкѣ *не всегда* нарѣчіе ставится послѣ глагола. — Наконецъ читатель узнаетъ въ сей столь краткой Граммашикѣ, что въ Испанскомъ и во многихъ другихъ языкахъ много такихъ словъ, кои выражаются двумя словами и болѣе.

Де.

Еллино-Россійско-Французскій Лексиконъ, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ употребительнѣйшихъ словъ и отборнѣйшихъ выраженій, свойственныхъ, какъ нынѣшнему Еллинскому языку, такъ равномѣрно Россійскому и Французскому, съ достаточнымъ изъясненіемъ всѣхъ Метафорическихъ рѣченій и различныхъ значеній каждаго и проч. сочиненный Іером. Досиѳеемъ. Москва 1811 года, въ Типографіи Всеволожскаго.

Почтенный Сочинитель обѣщаетъ намъ Лексиконъ нынѣшняго Еллинскаго или Греческаго языка. Но на второмъ словѣ читатель находя ἄαπτος, которое встрѣчается только у Гомера, приходитъ въ удивленіе, думая, что съ помощію сего Лексикона можетъ понимать и древнихъ и новѣйшихъ Греческихъ авторовъ: пріятный обманъ! Впрочемъ мы не можемъ понять, для чего сей Лексиконъ набитъ древними изъ употребленія вышедшими словами; ибо наконецъ мы видимъ, что

сочинитель подлинно имѣлъ намѣреніе составить Лексиконъ новѣйшаго Греческаго языка; мы находимъ въ немъ слова варварскія, безъ которыхъ можно бы, кажется, обойтись, и которыхъ ни въ одной книгѣ нѣтъ; а что всего страннѣе, мы находимъ слова Греческія, которыхъ нѣтъ ни въ древнемъ, ни въ новомъ Греческомъ языкѣ, и коими, повидимому, хотѣлъ онъ обогатить сей еще необразованный языкъ, таковы *αἰωνιότης*, *διαωνία* и много другихъ симъ подобныхъ. Въ одной буквѣ *А* можно нащитать ихъ до ста и болѣе. Дабы имѣть понятіе о сихъ новоизобрѣтенныхъ словахъ, можно взять въ примѣръ Рускія, изобрѣтенныя сочинителемъ: *неужинаніе*, *приневоливатель*, *поощрятель*, *колотель*, *восторгатель*, *восторганіе*, *отобѣдываніе*, *нехожденный*, *выслушилый*, *закрываніе*, *ведренность*, *выгоняніе*, *дразненіе*, *благородничаніе*, *загрязненіе*, *принуждательный* и проч. и проч. Новѣйшій Греческій и Россійскій языки равно обязаны ему такимъ обогащеніемъ. Въ семъ Лексиконѣ можно видѣть, что Греческое *елу-елу*, значитъ по Руски *буль-буль* и по Французски называется *le glouglou*;

но Греческой языкъ обильнѣе; ибо кромѣ *глу-глу* имѣетъ еще, благодаря сочинителю, слово κακλαίτω, которое значитъ *дѣлаю буль буль, faire glouglou;* что *кокерико* есть пѣсня пѣтушиная и по Французски *Coquerico;* что *кра* есть крикъ ворона, и что *яйцо* дѣти называютъ *коко.*

Въ семъ Лексиконѣ узнаете, что слово ἆθλον по Руски значитъ *цѣна борьбы* и проч. и проч.

Если замѣтимъ, что почти ко всякому имени прибавлено его уменьшительное, а нерѣдко и увеличительное; ко всякому глаголу причастія дѣйствительныя и страдательныя и дѣепричастія; что одно слово съ нѣкоторою только опитною, повторяется по два и по три раза (какъ то въ буквѣ Е слова ελαφρόπους ελαιόλαδον и тѣже въ буквѣ Λ безъ начальной буквы; λαφρόπους λιόλαδον и многія другія); то не должно удивляться, что сей Лексиконъ состоитъ въ двухъ частяхъ. Мудрено рѣшить, кому оный полезнѣе; Рускимъ ли, Грекамъ, или Французамъ.

Де.

Дѣянія ЕКАТЕРИНЫ II, Императрицы и Самодержицы Всероссійской. Сочиненія Коллежскаго Совѣтника Петра Колотова. 5 частей. Въ Санктпетербургѣ. Въ Типографіи Ф. Дрехслера.

Сочинитель *Дѣяній Екатерины* не походитъ на тѣхъ мелкихъ писателей, которые наполняютъ біографіи великихъ людей пустыми анекдотами, формулярными списками и хвастовскими о себѣ разсказами; онъ столько скроменъ, что говоритъ весьма мало о самой Екатеринѣ: мы увидимъ ниже, чѣмъ наполнилъ онъ ея исторію, расположенную *хронологическимъ порядкомъ*, по годамъ.

Введеніе въ сей книгѣ весьма занимательно. Оно начинается Географическимъ описаніемъ Россіи, а оканчивается избраніемъ на Шведскій престолъ Епископа Евтинскаго. Между прочимъ сказано здѣсь о Петрѣ I, что „труды „его дѣйствовали на нашу Имперію такъ „какъ *крѣпкая водка дѣйствуетъ на же-*„*лѣзо.*“ (стр. III) и что „онъ имѣлъ одинъ

„такой замыслъ, какого до него ни од-
„ному Государю въ мысль не приходило“
т. е. населить свои владѣнія. (стр. IX);
а о Петрѣ II что „въ царствованіе его
„радость у всякаго на лицѣ изображалась;
„Государственная казна умножалась и
„столица Москва начинала возстанов-
„ляться отъ упадка своего, въ который
„она доведена была *отъ склонности* Петра
„I къ Петербургу.“ (стр. V.) Хотя сочи-
нитель не сохранилъ въ введеніи ни ка-
кого порядка, даже хронологическаго, ибо
отъ 1735 года переходитъ онъ вдругъ къ
1794 му, а отъ онаго къ 1739 му: но за
то читатели найдутъ у него „*здра-*
„*вый Померанскій разсудокъ*, одержавшій
„верьхъ *надъ Италіянскою хитростію*.“
(стр. XIII.) и весьма справедливое замѣ-
чаніе, что „получаемый войсками наши-
„ми провіантъ *причиною* того великаго
„обоза, который слѣдуетъ *за нашими*
„*войсками*; *слѣдовательно изъ сего заклю-*
„*чить можно, что армія наша никогда*
„*недостатка въ провіантѣ имѣть не бу-*
„*детъ*.“

Въ 5 ти частяхъ *Дѣяній Екатерины*,
вышедшихъ по сіе время, сочинитель
описалъ царствованіе сей Монархини

до 1794 года, или лучше сказать выписалъ съ неутомимымъ прудолюбіемъ отъ слова до слова всѣ изданные ею о войнѣ и мирѣ Манифесты, всѣ Церемоніалы бывшихъ при ней торжествъ, Журналы путешествій ея въ Таврію и въ Остзейскія провинціи, Инструкцію Генералъ-Адъютанта, шесть писемъ Принца де Линя; помѣстилъ описаніе похоронъ Князя Потемкина, описаніе ризницы Исакіевской церкви, Манифестъ о промѣнныхъ Банкахъ, краткое извлеченіе на 40 страницахъ изъ учрежденій: вдовей, сохранной и ссудной казны, нѣсколько главъ изъ Наказа, Поученіе произнесенное Амвросіемъ Архіепископомъ Екатеринославскимъ по случаю данныхъ Черноморскому войску грамотъ и пѣсню: *эй годе налѣ журитися* и пр. и пр. Все это выбрано изъ самыхъ обильныхъ и достовѣрныхъ источниковъ, изъ печатныхъ актовъ, газетъ, Политическаго Журнала и т. п. Въ самонужнѣйшихъ только случаяхъ, требующихъ безпристрастнаго свидѣтельства, какъ то: въ исторіи семилѣтней войны, въ описаніи интригъ Европейскихъ Дворовъ и въ повѣствованіи о бунтѣ Козаковъ на Дону и Яикѣ, сдѣла-

ны ссылки на *Исторію моего времени, творенія Фридерика великаго*, а политика Екатерины объяснена перепискою ея съ Циммерманомъ. Сочинитель, кажется, не пропустилъ нималѣйшихъ обстоятельствъ, имѣющихъ связь съ дѣяніями Екатерины. Напримѣръ, онъ говоритъ, что въ Булгарскомъ городѣ Счистовѣ *улицы тѣсны и худо вымощены*, что жители тамъ *кроткаго* и *тихаго нрава*, что *большая ихъ часть въ Генварѣ уже въ 8 часовъ вечера ложатся спать*, что *городъ и страна состоитъ* подъ управленіемъ Турецкаго *Штатгалтера* (Ч. IV. стр. 159 и 160) — что въ Минскѣ по случаю Манифеста 27 Марта 1793 года была иллюминація, и что *въ домахъ, гдѣ плошекъ не было, на всякомъ окнѣ горѣли по шести и болѣе свѣчъ.* (Ч. V. стр. 172)

При всемъ своемъ стараніи Авторъ не могъ остеречься отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей и ошибокъ, впрочемъ весьма извинительныхъ въ столь трудномъ и обширномъ сочиненіи, каково *Дѣянія Екатерины*. Напр.

(Петръ I) „отыскалъ и отверзъ толь „многія въ нѣдрахъ земель нашихъ быв„шія сокровенными золотыя, серебре-

„ныя, желѣзныя и другихъ металловъ и „минераловъ руды, пріисканіе кото„рыхъ до того времени никому и на умъ „не приходило.“ (Введ. Ч. I. стр. III.)

Какъ же Академія Наукъ въ календарѣ, изданномъ ею на нынѣшній 1812 годъ, щитаетъ отъ *обрѣтенія первыхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ въ Россіи* 184 й, а отъ *сысканія первой золотой руды* 73 й годъ, когда Петръ I родился въ 1672, а скончался въ 1725 году? Правда, календари часто лгутъ.

„Со времени несчастія Карла XII и „вступленія на Польскій престолъ Авгу„ста Саксонскаго, со времени побѣдъ „Графа Минина надъ Турками, въ самомъ „дѣлѣ мы *содѣлались* верховными судіями „сѣвера.“ (Введ. Ч. I. стр. X.) — „Наша „Имперія въ Европейской политикѣ не „столько еще была важна, чтобы при„няшіемъ какой стороны, рѣшишь ея „перевѣсъ. Вліяніе новосозданнаго нашего „Государства распространялося токмо „на его сосѣдей Шведовъ и Поляковъ. А „въ разсужденіи Турковъ, такая была „приняша политика, что когда Францу„зы возбуждали ихъ противу Австріи „или нашей державы, то обѣ они имѣли

„прибѣжище къ *Тахмасъ Кулыхану* (!!).“ (тамъ же стр. XI.) — Это походитъ на противорѣчіе.

„Находящихся же въ Магометанскомъ „законѣ въ Имперіи нашей народовъ не „только склонятъ *въ Христіанскіе зако-* „*ны*, но и крѣпостными себѣ учинить „всякому не возбранено.“ (Ч. I. стр. 63.)

Не только не позволено *учинять крѣпостными* цѣлыхъ *народовъ, находящихся* въ Магометанскомъ законѣ, но и ни одного свободнаго изъ нихъ человѣка не льзя *учинить крѣпостнымъ*.

„И для того Екатерина какъ мать „подданныхъ своихъ, сочинила проэктъ „новаго уложенія.“ (Ч. I. стр. 176.)

Наказъ Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія извѣстенъ всему свѣту; но *проэкта новаго уложенія* Екатерина никогда не сочиняла.

„Донъ Кишотъ, критическое сочиненіе *Г. Волтера*.!!!“ (Ч. II. стр. 145.)

„Виновнѣйшими изъ содержавшихся „подъ стражею въ Фридрихсгофѣ воен- „ный судъ нашелъ Полковниковъ Гесшеско „и Оттера, Подполковниковъ Энхіельма „и Клингскура и Маіора Коппена. Клинг- „скуръ въ тюрьмѣ сошелъ съ ума. Чет-

„веро другихъ 8 числа Сентября отве-
„дены были въ Стокгольмѣ на эшафотъ,
„трое изъ нихъ, Отперъ, Энхіельмъ и
„Коненъ прощены, послѣдніе же оба осу-
„ждены на каторжную работу, а Геете-
„ско казненъ.“ (Ч. IV. стр. 98.)

Здѣсь Г. Сочинитель самъ себѣ противорѣчитъ въ числѣ арестантовъ.

„Въ семъ (1792) году по случаю смер-
„ти Хана *Киргизскихъ Татаръ, Номад-*
„*ской націи*, обитающей въ южной Си-
„бири и при Каспійскомъ морѣ, отпра-
„вили они, по обыкновенію посольство
„изъ 9 особъ въ Петербургъ, дабы при-
„сягнуть Императрицѣ въ вѣрности и
„испросить подтвержденія новаго ихъ
„Хана. Депутаты 8 Генваря имѣли ауді-
„енцію и обнадежены были, что *Киргиз-*
„*цы освобождены будутъ отъ всѣхъ пода-*
„*тей.*“ (Ч. IV. стр. 331.)

Кажется ни *Киргизцы*, ни *Киргизскіе Татары Номадской націи* никогда никакихъ податей намъ не платили.

„Сею войною (въ 1792) Король Прус-
„скій желалъ приобрѣсть Силезію.“ (Ч. V. стр. 74.)

Приобрѣтать можно то, чего не имѣютъ; но Королю Прусскому не льзя

было въ 1792 году желать приобрѣтенія Силезіи, которая за долго предъ тѣмъ приобрѣтена великимъ его предшественникомъ.

По приведеннымъ здѣсь краткимъ примѣрамъ не можно еще сдѣлать справедливаго заключенія о слогѣ Г. Сочинителя. Для сего намѣренъ я, къ удовольствію читателей, выписать слѣдующія мѣста:

„При чемъ еще доносилъ (Графъ Румянцовъ — Задунайскій), что ежели продолжать на семъ берегу военныя дѣйствія, то не удвоить, а утроить надобно армію; ибо, какъ онъ доносилъ, „полнаго числа требуетъ твердая нога, „которой безъ того имѣть тамъ не можно, въ разсужденіи широты рѣки, позади остающейся и трудныхъ проходовъ, способствующихъ отрѣзанію со „всѣхъ сторонъ, для прикрытія конорыхъ надобно поставить особливые корпусы, не связывая тѣмъ руки наступательно дѣйствующаго, который чрезъ „лѣса и горы себѣ путь самъ долженъ „строить.“ (Ч. II. стр. 107 и 108.)

„Обелискъ Фелдмаршала Румянцова, „поставленный въ Сарскомъ селѣ, *каждому иностранцу* показываетъ заслуги

„его къ отечеству и побѣду одержанную „имъ надъ непріятелемъ при Кагулѣ; „обелискъ же Графа Орлова Чесменскаго, „поставленный въ Сарскомъ же селѣ, „есть знатный *почетный столпъ*, стоя„щій на подножіи изъ тесанаго дикаго „камня, сдѣланъ изъ одного камня Ураль„скаго мрамора и вѣсилъ, при перевозѣ „въ 1777 году, изъ Санктпетербурга въ „Сарское село на катахъ по изчисленію „1950 пудъ. Сей обелискъ представляетъ „корабельный носъ; онъ поставленъ „въ саду и *каждому Россіянину показы„ваетъ*, что мужество, великій умъ и „любовь къ отечеству произвесть мо„гутъ, просто, но съ исполинскимъ ви„домъ, свойственнымъ духу героевъ, ко„ихъ память обитаетъ въ сихъ камен„ныхъ массахъ. Стоятъ они тутъ со„оружены щедрою природою, которая „величіе свое скрываетъ подъ безыскус„ственнымъ покровомъ Грацій. Священ„ная тишина, царствующая вокругъ сего „храма, возвышая полетъ воображенія „нравственнаго величія, пролетаетъ до „идеала совершенства.“ (Ч. II. стр. 220 и 221.)

„Правители, Короли и Императоры

„уже многократно подвергались такой „судьбѣ, но еще ни одинъ, ниже самъ „Цесарь, *сей огненный духъ* своего вѣка, „который такъ же произвелъ переворотъ „(какъ и Густавъ) въ Государственномъ „правленіи, и умерщвленъ заговоромъ, „который такъ же власть многихъ у„меншилъ, который такъ же войною на„падалъ скоропостижно, но собствен„ными войсками не былъ воспрепят„ствованъ въ исполненіи, который такъ „же въ день своего убіенія предувѣдом„ленъ былъ, и того не уважилъ, кото„рый такъ же многократно шелъ на „встрѣчу смерти и своими друзьями „заколотъ.“ (Ч. IV. стр. 338.) — Не извѣстно будетъ ли продолженіе сего періода въ VI. части.

„Вотъ отличія 1792 года! имѣлъ ли „ихъ когда либо столько вмѣстѣ какой „нибудь годъ, съ тѣхъ поръ, какъ суще„ствуетъ родъ человѣческій! Имѣлъ ли „когда историкъ долгъ описывать ихъ „въ такой связи? Имѣлъ ли самаго пла„меннаго воображенія стихотворецъ „столько романическаго звѣрства, чтобъ „представить себѣ въ мысляхъ такой „чертежъ происшествій одного года. И

„я только привелъ самыя поразитель-
„нѣйшія, а многихъ — многихъ — привесть
„не могъ, множества тайныхъ ужасовъ
„человѣчества, адскихъ плановъ, злоу-
„хищреній и дѣйствій, — кои только бу-
„дущая Исторія описать въ собраніи. —
„Только потомство узнаетъ совершенно
„1792 годъ! Ахъ! какой годъ!“ (Ч. V. 119.)

Ахъ! какой слогъ!

Н. ф.

IV. ТЕАТРЪ.

Марія Стуартъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, передѣланная съ Нѣмецкаго. Представлена 23 Іюня.

Кто знаетъ жалкое состояніе Нѣмецкой Мельпомены, тому не льзя не удивляться, что на нашемъ театрѣ, столь обогащенномъ переводами лучшихъ Французскихъ трагедій, играются и переведенныя съ Нѣмецкаго языка. Не уже ли *Разбойники* и *Марія Стуартъ* лучше Расиновыхъ и Вольтеровыхъ трагедій?

На Нѣмецкомъ языкѣ *Марія Стуартъ* при всѣхъ своихъ недостаткахъ, несносна еще и своею продолжительностію: по сей причинѣ переводчикъ выкинулъ многія сцены и со всѣмъ передѣлалъ пятый актъ, въ которомъ на Нѣмецкомъ театрѣ мы видимъ обитую трауромъ комнату и мертвое тѣло Маріи Стуартъ!— Не имѣя перевода, я ничего не скажу о слогѣ сей трагедіи, но покажу содержаніе, по которому можно будетъ имѣть о ней понятіе.

Извѣстная Марія Стуартъ, Королева Шотландская, гонимая своими подданными, находитъ себѣ убѣжище съ нѣкоторыми приверженными къ ней вельможами у родственницы своей Елисаветы Королевы Англинской.—Елисавета присылаетъ къ ней Герцога Норфолкскаго, который объявляетъ ей желаніе Королевы своей съ нею видѣться. Марія съ восторгомъ принимаетъ сіе предложеніе, и со всею свитою своею, какъ должно полагать, на Монгольфіеровомъ шарѣ прилетаетъ къ началу втораго дѣйствія въ Лондонъ. Елисавета ласково встрѣчаетъ свою родственницу, и увѣдомляетъ ее, что въ Лондонъ прибыли депутаты отъ Шотландскаго народа, которыхъ она хочетъ выслушать въ присутствіи самой Маріи.—Депутаты сіи были Графъ Муррей и Лордъ Линцей, которые вмѣстѣ съ Сиромъ Вальтеромъ, Англинскимъ Канцлеромъ, будучи врагами Маріи и страшась, что бы не былъ возвращенъ ей тронъ, согласились погубить ее. Они имѣютъ письмо поддѣланное подъ руку Маріи, въ которомъ она открываетъ свое согласіе на смерть мужа, и такимъ образомъ намѣреваются увѣрить

Елисавету, что они перехватили какой то ящичекъ, въ которомъ между прочими бумагами найдено было и сіе письмо. Они являются предъ Королевами, подаютъ прошеніе Парламента объ отрѣшеніи Маріи отъ престола, и также письмо, которое должно было удостовѣрить Елисавету въ заговорѣ ея на смерть Генриха. Елисавета ужасается, подаетъ письмо самой Маріи, которая увѣряетъ ее, что оно подложное, и что она никогда не была участницею въ убійствѣ своего мужа. Въ свидѣтели своей невинности она представляетъ Герцога Норфолкскаго: онъ клянется честію, что въ бытность его при дворѣ Маріи ничего не замѣтилъ, что могло бы навлечь на нее подозрѣніе въ разсужденіи сего убійства. Не смотря на всѣ оправданія, Елисавета подозрѣваетъ Марію, и говоритъ, что она болѣе всего *вѣритъ своимъ глазамъ*. Такимъ образомъ для изслѣдованія сего обвиненія Елисавета съ Депутатами Шотландскаго народа и *спутниками* Маріи уходитъ въ свой кабинетъ. Марія остается одна съ Герцогомъ: она изъясняетъ ему безпокойство свое по случаю такого суроваго пріема Елисаветы; пла-

менный Герцогъ, готовый жертвовать жизнію за Марію, клянется ей, что она ничего не должна страшиться, и что онъ ей защитою. Симъ кончится второе дѣйствіе: въ третьемъ Герцогъ узнаетъ, что Маріи угрожаетъ заключеніе, онъ спѣшитъ къ ней, и забывъ, что онъ во дворцѣ, громко разсказываетъ Маріи о ея опасности и открываетъ ей принятыя имъ мѣры къ ея спасенію. — Королева ихъ подслушиваетъ, хотя, должно признаться, что это не достойно ни сана Королевы, ни важности трагедіи, но впрочемъ весьма вѣроятно, что она могла услышать то, что говорилось громко въ ея комнатахъ (*). Елисавета повелѣваетъ предать Марію суду, а Герцога взять подъ стражу. Канцлеръ требуетъ у него шпагу, но на то время у него ее не случилось: не надобно однако думать, что бы это произошло отъ разсѣянія, совсѣмъ нѣтъ — это сдѣлалъ сочинитель

(*) У насъ такіе случаи остаются безъ всякаго вниманія: герои не смотря ни на мѣсто, ни на обстоятельства, смѣло и громко открываютъ намѣренія свои, и даже самыя тайны. Въ Семирѣ Оскольдъ, забывъ что его можно и видѣть и слышать, приводитъ въ чертоги Олега своихъ воиновъ, и уговаривается съ ними какъ бы лишить его престола.

единственно для того, что бы Герцогъ при семъ случаѣ могъ сказать нѣсколько героическихъ выраженій. Въ четвертомъ дѣйствіи Елисавета находитъ себя принужденною утвердить приговоръ Парламента. Марія осуждена на смерть, — Герцогъ прощенъ: онъ приходитъ благодарить Королеву, — снова заступается за нещастную Марію, и его снова берутъ подъ стражу. Наконецъ пятое дѣйствіе: Маріи объявили смертный приговоръ, она написала свое завѣщаніе и читаетъ его Лорду Геррейсу, приверженному къ ней старцу. Послѣ сего она проситъ карауленаго Офицера позволить ей проститься съ ея служителями, ихъ тотчасъ приводятъ къ ней, Марія обнимаетъ ихъ — они плачутъ — одинъ клянется, что они никогда ее не оставятъ, и въ ту же минуту всѣ уходятъ. Вдругъ ударили въ колоколъ, Марія содрогается, и зрители заключаютъ изъ того, что сіе есть предвѣстіемъ ея казни. Входитъ Канцлеръ съ воинами. Нещастная Марія, желая учредить еще нѣкоторыя дѣла свои, проситъ его отсрочить казнь ея хотя на самое короткое время:—„кромѣ сего только вы можете просить все что вамъ угодно,

Ваше Величество" — отвѣчаетъ ей Канцлеръ; зрители не могли не засмѣяться при такомъ снисхожденіи. Приходитъ Герцогъ Норфолкскій — Марія съ нимъ прощается, и идетъ на мѣсто казни; Герцогъ хочетъ идти за нею, но стража его останавливаетъ — онъ въ отчаяніи — у него требуютъ шпагу; но Герцогъ отвѣчаетъ, что его *батюшка купилъ никогда и никому не отдавать ее*, — за симъ новое отчаяніе и наконецъ онъ закалывается. —

Сочинитель для составленія плана отступилъ отъ нѣкоторыхъ историческихъ истинъ относительно жизни своей Героини. Марія Стуартъ находилась въ заключеніи семнадцать лѣтъ, а на сценѣ только одинъ часъ; она кажется была пятидесяти лѣтъ, а на сценѣ мы ее видимъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ и украшенную всѣми ея прелестями. Мы привыкли уже къ такимъ вольностямъ и отступленіямъ: мы видимъ двадцатилѣтнихъ Меропъ и Агриппинъ, и сорокалѣтнихъ Егистовъ и Нероновъ; но если въ афишѣ напечатано, что онѣ ихъ матери, то зрители сами будутъ виноваты, принявъ ихъ за дочерей или любовницъ.

Что касается до игры акшеровъ, то я почти не знаю что и сказать мнѣ. Впрочемъ, трагедія сія, будучи недостойна Г-жи Семеновой, представлявшей Марію Стуартъ, не могла, по мнѣнію моему, также открыть и прочимъ случая показать свои таланты. Кажется, что Графъ Дугласъ совершенно лишнее лице въ трагедіи; не знаю также почему у насъ Канцлеры представляются въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ напримѣръ: въ *Карлѣ XII*, въ *Маріи Стуартъ* и проч. Можно ли думать, чтобъ Канцлеръ Елисавепы похожъ былъ на нашего Г-на Жебелева, одного изъ нещастныхъ сыновъ Таліи: онъ и въ трагедіи не могъ скрыть своего *комическаго таланта*; парперъ при всякомъ его словѣ и движеніи невольно принуждаемъ былъ смѣяться.

Наконецъ скажемъ, что на Французскомъ языкѣ написаны три трагедіи сего же самаго содержанія, но всѣ были приняты весьма худо, или лучше сказать сообразно ихъ достоинству.

Н. Х.

Къ Патріотамъ,

по случаю Высочайшаго Манифеста о повсемѣстномъ вооруженіи противъ Французовъ.

Цари въ плѣну — въ цѣпяхъ народы,
Часъ рабства, гибели приспѣлъ!
Гдѣ вы, гдѣ вы сыны свободы?
Иль нѣтъ мечей и острыхъ стрѣлъ?
Иль мужество въ груди остыло
И мстить желѣзо позабыло?
Скорѣй сомкнитесь въ ратный строй!
Зоветъ отечество: летите!
И сколь ужасно покажите
Россіи нарушать покой.

Да въ прахъ ложатся сопостаты,
Дерзнувъ коснуться вашихъ странъ;
Благословенъ тотъ мужъ трикраты
Кто палъ спасая сограждан!
Летите, спутники побѣды,
На бой, какъ бились ваши дѣды!
Иль громъ Рымникскаго потухъ?
Да вновь предъ вами онъ явится:
Европа снова удивится
И воспомянетъ Россовъ духъ!

Ихъ духъ великій, что любовью
Всегда къ отечеству горитъ,
Любовь сію пріемлетъ съ кровью
И жизнь для оной не щадитъ;

Сей духъ, что ею предводимый,
Колоссъ вознесъ несокрушимый,
Полсвѣта властію покрылъ; —
Сей духъ тогда лишь истребится,
Когда по каплямъ истощится
Вся кровь его великихъ силъ!

Сей духъ, сограждане, васъ нынѣ
Ко славѣ, къ торжеству зоветъ:
Онъ въ юной вамъ ЕКАТЕРИНѢ
Примѣръ великій подаетъ. (*)
О возвратимъ невозвратиму
ЕКАТЕРИНУ вѣчно чтиму
И насъ возвысь подобно ЕЙ!
Во всемъ споспѣшницей будь БРАТУ,
И гибель, гибель сопостату
Притекшему къ странѣ Твоей!

Стыдомъ, проклятіемъ покрытый,
Позорный обращая слѣдъ,
Въ ровъ гибели для насъ изрытый
Онъ самъ обрушася падетъ.
Не сонмъ наемниковъ и плѣнныхъ,
Къ алчбѣ, корысти устремленныхъ,
Предателей страны своей,
Которы въ страхѣ рабскомъ пали,
Въ добычу все врагу отдали
И прахъ отеческихъ костей! —

(*) Здѣсь Авторъ разумѣетъ пожертвованіе, принесенное въ самомъ началѣ войны съ Французами ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ЕКАТЕРИНОЮ ПАВЛОВНОЮ на пользу Отечества.

Онъ встрѣтитъ въ насъ Героевъ славы,
Знакомыхъ свѣту Россіянъ,
Спасавшихъ чуждыя державы,
Которыхъ суша, океанъ,
Въ побѣдахъ громкихъ созерцали,
Которыхъ царства трепетали,
Кого дрожалъ и храбрый Шведъ,
И Пруссъ и Галлъ непостоянный,
Самъ вождь его въ бояхъ вѣнчанный
И спящій въ гробѣ Магометъ.

Воспрянь Героевъ Рускихъ сила,
Кого и гдѣ въ какихъ бояхъ,
Твоя десница не разила?
Днесь ратуешь въ родныхъ краяхъ,
Гдѣ персть, древа и камни хладны
Возжгутъ твой духъ ко славѣ жадный. —
Одинъ, одинъ врагу ударъ
И вся Европа отомстится.
Здѣсь Бельтъ отъ крови задымится,
А тамъ.... вспылаетъ Гибралтаръ!

Наступимъ мы на гордыхъ выю,
Ты самъ, о Боже, помощь намъ,
Храни возлюбленну Россію,
Возвысь, возвысь въ примѣръ Царямъ
МОНАРХА нашего на тронѣ,
Да ходитъ вѣкъ въ Твоемъ законѣ.
Летите, Россы! — смерть въ бою
Или побѣда васъ встрѣчаетъ:
Мой духъ грядущему внимаетъ,
Я вашу славу воспою.

М. Милоновъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Части второй.

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Стр.

Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики. - - - - - 1.

О личномъ достоинствѣ. - 18, 147.

Синонимы. - - - - - 28.

Абу-Гіафаръ-Алманзоръ, или какъ должно судить о людяхъ. - - - - - - 109.

Воспитаніе Венеры. - - 136.

О Римскомъ краснорѣчіи. - 241.

Разговоръ живаго съ мертвымъ. - - - - - - 247.

Опасность отъ грозы. - - 32.

Оправданіе сонливаго. - - 34.

Выздоровленіе, ода почерпнутая изъ молитвы Езекіи - 161.

Гимнъ негодованію. - - 258.

Къ Кораблю. - - - - 260.

Неразрѣшимый узелъ. - - 261.

Подражаніе Горацію. - - 263.

Весна Тибулла. - - - 264.

Отрывокъ изъ Делилевой поэмы: сады. - - - - 266.

Стр.

Басни:

1. Козелъ и Лисица. - - 35.

2. Кащей и его сосѣдъ. - - 37.

3. Филинъ и Чижъ. - - - 165.

4 Лизанька и Чижъ. - - 269.

Эпиграммы. - - - 166, 270.

Къ Патріотамъ. - - - 337.

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ о Рускомъ стихосложеніи. - - - - 39, 168, 271.

О Пародіи. - - - - - 69.

О Сказкѣ. - - - - - 289.

III. КРИТИКА.

Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ. Соч. Профессора Велланскаго. - 78.

Адріанъ или приключенія молодаго семинариста. Перев. съ франц. - - - - 100.

Задача любителямъ древности. 102.

Характеры или свойства различнаго состоянія людей нынѣшняго времени. Соч. Г. Лабрюйера. Перев. съ франц. 207.

Руская Лукреція, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Россійское сочиненіе. - - - 225.

Стр.

Введеніе въ науку стихотворства или разсужденіе о началѣ Поэзіи вообще и краткое повѣствованіе Восточнаго, Еврейскаго, Греческаго, Римскаго, древняго и средняго Россійскаго стихотворства. - - 229, 293.

Геройскіе подвиги храбраго армейскаго Генерала Альберта при осадѣ Люксенбурга и проч. Нидерландская повѣсть. Перев. съ франц. - 307.

Таинства черной башни, романъ переведенный съ Англійскаго, соч. Гжи Радклифь. - - - - - 310.

Краткая Испанская Грамматика, расположенная по правиламъ Королевско-Испанской Академіи и изданная Яковомъ Лангеномъ. - 312.

Еллино-Россійско-Французскій Лексиконъ, соч. Іером. Досиѳеемъ. - - - - - 316.

Дѣянія ЕКАТЕРИНЫ II, Императрицы и Самодержицы

Стр.

Всероссійской. Сочиненіе Петра Колошова. - - 319.

IV. ТЕАТРЪ.

Марія Стуартъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, передѣланная съ Нѣмецкаго 330.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			Читай:
Стран.	3,	Стр. 17: Меридское	Меридово
———	4,	—— 9: Афинянъ,	Аѳинянъ,
———	38,	—— 16: Своими ужъ считалъ послѣдніе мѣшки;	Своими ужъ щиталъ послѣдніе мѣшки, И деньги положилъ шуда, гдѣ были прежде;
———	52,	—— 19: Umständ,	Umstand
———	62,	—— 21 и 24: e	e
———	69,	—— 19: Цицеронъ	Цицеронъ
———	———	—— 25 и 26: полный стихъ или съ легкою перемѣною	полный стихъ или полстиха, взяпые изъ другаго Поэта, съ легкою перемѣною
———	80,	—— 22: *доказывать*	доказывать
———	99,	—— 3: За чѣмъ	За чѣмъ же
———	132,	—— 6: внѣ себѣ	внѣ себя
———	162,	—— 5: ограды	отрады
———	165,	—— 16: бредъ	бредъ.
———	186,	—— 7: подъ No 11	подъ No II
———	198,	—— 4: о трехъ, ударениихъ особливо,	о трехъ ударениихъ, особливо
———	253,	—— 28: insveverat,	insueverat,
———	268,	—— 2: нолянокъ	полянокъ

ДП03, 2016 Illa,

1/366 δ
1812
4.2
№ 4-6
РЖСФ.
М/Ф